З. 38
III. 57
II. 7
№ 38.

Проверено 1950

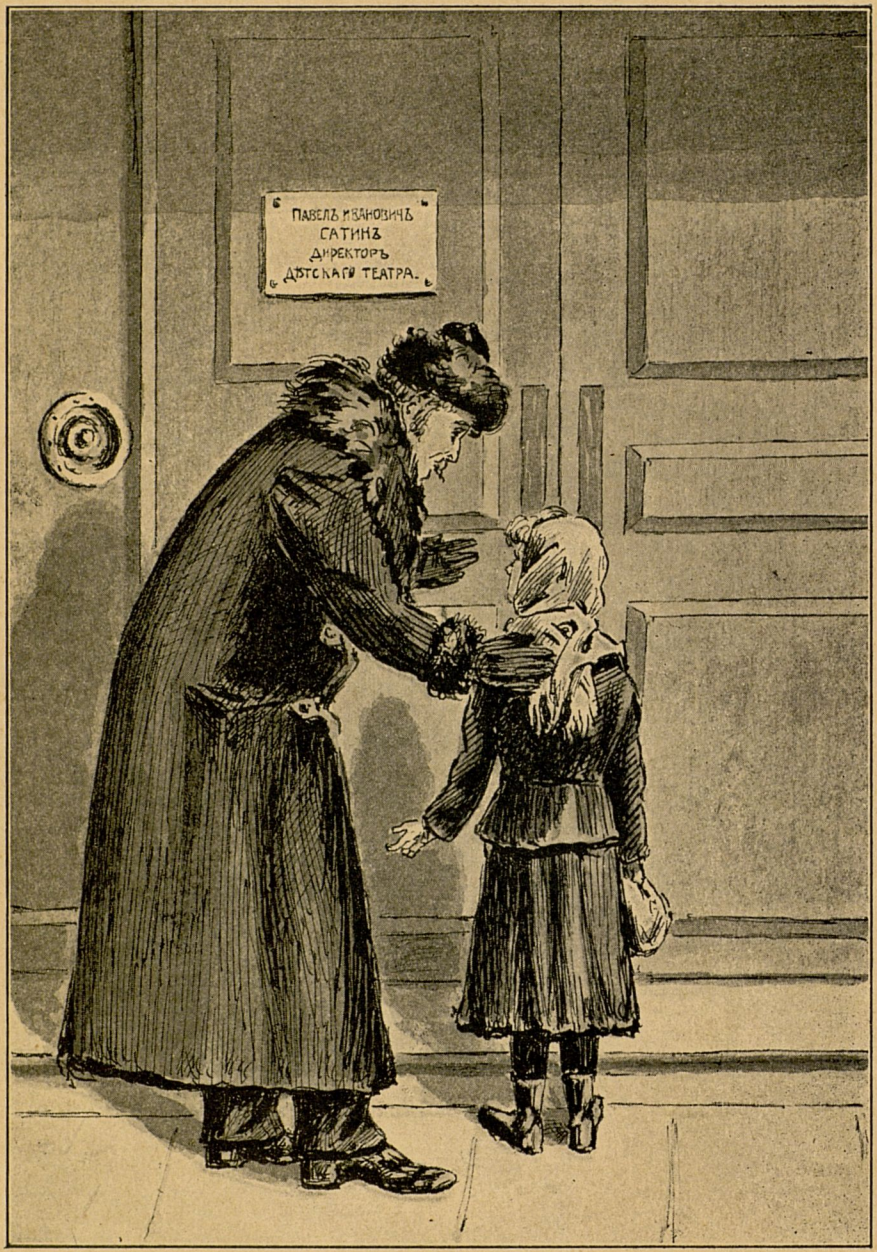
З. 38
III. 50
II. 7
№ 38

ЛИЗОЧКИНО СЧАСТЬЕ

СОЧИНЕНІЯ Л. А. ЧАРСКОЙ

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА И ДѢТЕЙ:

Записки институтки.
Княжна Джаваха.
Люда Влассовская.
Вторая Нина.
Смѣлая жизнь.
Газаватъ.
Евфимія Старицкая.
Лизочкино счастье.
Записки сиротки.
Тасино горе.
Первые товарищи.
Юркинъ хуторокъ.
Веселая дюжинка.
Когда мы были маленькіе.
Записки мал. гимназистки.
Сѣрый домъ.



—Вотъ мы и дома,—повторилъ директоръ...

ЛИЗОЧКИНО СЧАСТЬЕ

ПОВѢСТЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ

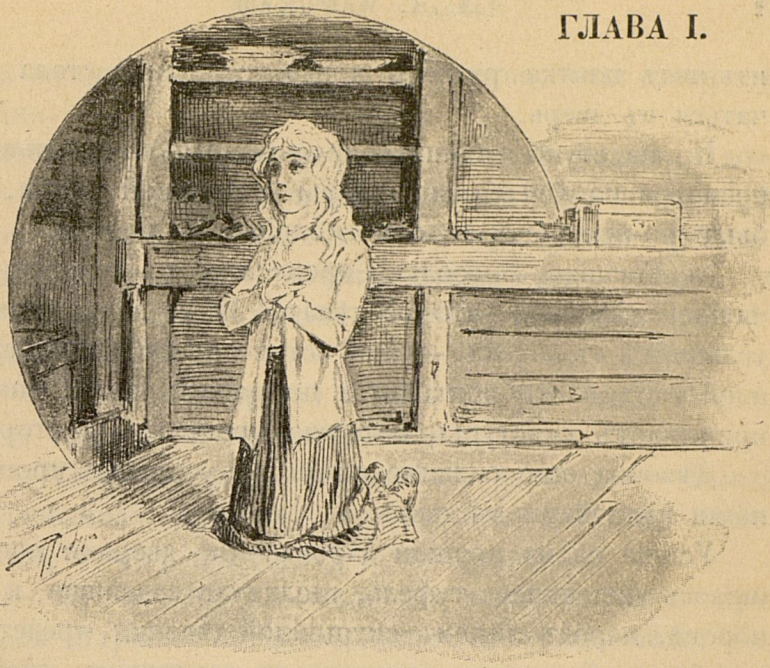
Л. А. ЧАРСКОЙ

Съ 14 иллюстраціями художниковъ В. А. Табурина и И. В. Симакова.

Изданіе
Товарищества М. О. Вольфъ
С.-Петербургъ • Москва

ПЕЧАТЬ ТИПОГРАФІИ
Т-ва М·О·ВОЛЬФЪ
С-Петербургъ · Вас· Остр· 16 линія соб·домъ·

ГЛАВА I.



Встрѣча въ ненастье.

СТОЯЛА ненастная осенняя ночь.

Сильный вѣтеръ безжалостно кружилъ по воздуху хлопья мокраго снѣга, фонари жалобно мигали на малоосвѣщенныхъ улицахъ, а рѣдкіе пѣшеходы торопились въ свои дома, чтобы укрыться отъ ненастья.

Изъ воротъ большого четырехъэтажнаго дома выбѣжала дѣвочка, укутанная съ головою въ теплый байковый платокъ, мало, однако, предохранявшій ее отъ холода и сырости, и опрометью бросилась вдоль улицы, по направленію къ освѣщеннымъ окнамъ аптеки.

Достигнувъ подъѣзда аптеки, дѣвочка высвободила

изъ-подъ платка ручонку и изо всей силы стала стучаться въ дверь.

Но на стукъ ея никто не выходилъ на крыльцо и, несмотря на усиленные удары маленькой ручки, все было по-прежнему тихо и спокойно за дверью.

— Господи,—невольно пронеслось въ головкѣ стучавшей дѣвочки,—что-же дѣлать? Вѣдь если меня не услышатъ въ аптекѣ,—мама останется безъ лѣкарства, а ей такъ плохо приходится по ночамъ, когда она не принимаетъ микстуры, которую прописалъ докторъ!..

Дѣвочка еще сильнѣе принялась колотить крошечными кулачками въ дверь.

Усилія ея не прошли даромъ. За дверьми послышалось шлепанье туфель, щелкнула задвижка и на порогѣ, передъ лицомъ смущенной дѣвочки, предсталъ сгорбленный старикъ-аптекарь съ сердитымъ, заспаннымъ лицомъ.

— Что случилось? что такое? зачѣмъ ты такъ отчаянно стучишь въ дверь, когда есть звонокъ?—сердито закричалъ онъ на дѣвочку,—и кто-же такъ поздно приходитъ въ аптеку? По ночамъ надо спать, а не тревожить людей. Цѣлыя ночи напролетъ не дадутъ покоя!

— Ахъ, простите Бога ради, добрый г-нъ аптекарь,—взволнованно произнесла оробѣвшая дѣвочка.—Моя мама очень больна, она все время кашляетъ; лѣкарство все вышло часъ тому назадъ, а ей надо принимать его непремѣнно, иначе болѣзнь ухудшится за ночь. Сжальтесь, пожалуйста, и сдѣлайте микстуру. Умоляю васъ! Вотъ вамъ рецептъ. Не откажите, добрый

г-нъ аптекарь, приготовить лѣкарство, хотя теперь и поздно.

Нѣжный голосокъ ребенка, полный мольбы, должно-быть, тронулъ стараго аптекаря. Онъ поднесъ къ глазамъ рецептъ и, прочтя его при свѣтѣ фонаря, горѣвшаго у дверей аптеки, сказалъ уже далеко не тѣмъ сердитымъ голосомъ, какимъ говорилъ съ дѣвочкой раньше:

— Ладно. Лѣкарство будетъ черезъ часъ готово, войди сюда въ аптеку и обожди.

— Спасибо вамъ, господинъ аптекарь,—сказала обрадованная дѣвочка,—но не безпокойтесь, пожалуйста, я могу подождать и на крыльцѣ.

— Ну, ну, глупенькая,—уже совсѣмъ ласково произнесъ старикъ,—видишь, какая непогода! Войди, обогрѣйся. А я тѣмъ временемъ приготовлю твою микстуру... Вотъ и еще кого-то Богъ несетъ сюда,—вглядываясь въ противоположную сторону улицы, заключилъ онъ...

Дѣйствительно, минуты черезъ двѣ на крыльцо аптеки входилъ новый посѣтитель, закутанный въ теплую шубу, въ высокой мѣховой шапкѣ на головѣ.

— Здравствуйте, Антонъ Карловичъ,—проговорилъ вновь прибывшій,—будьте добры, отпустите мнѣ касторовaго масла. Мой Павликъ объѣлся и заболѣлъ желудкомъ.

— Ахъ, это вы, Павелъ Ивановичъ!—любезно проговорилъ аптекарь,—что-же это такое опять произошло съ вашимъ Павликомъ? На прошлой недѣлѣ у него болѣли зубы, три дня тому назадъ вы приходили за

лѣкарствомъ отъ желудка, и сегодня снова! Право, можно подумать, что вашъ сынокъ заболѣваетъ такъ часто для того только, чтобы какъ можно больше заказовъ доставлять моей аптекѣ,—заключилъ, добродушно смѣясь, старикъ.

— Да, мой Павликъ дѣйствительно ужасно часто болѣетъ,—сокрушенно вздохнулъ ночной посѣтитель, слѣдомъ за хозяиномъ входя въ аптеку.—А это что за хорошенькая малютка? — неожиданно воскликнулъ онъ, увидя дрожащую отъ холода дѣвочку, присѣвшую, въ ожиданіи лѣкарства, въ дальній уголъ комнаты.

Большой, неуклюжій платокъ сполз теперь съ ея головки и чудесные золотистые волосы красивыми локонами упадали ей на плечи, обрамляя, точно золотой рамкой, блѣдное, худенькое, но замѣчательно кроткое и ласковое личико съ большими выразительными глазами.

Дѣвочка была въ самомъ дѣлѣ прехорошенькая и невольно привлекала къ себѣ вниманіе.

— Почему, малютка, ты такъ поздно пришла за лѣкарствомъ? Вѣрно заболѣлъ кто-нибудь изъ твоихъ родныхъ?—ласково обратился къ дѣвочкѣ незнакомый господинъ въ шубѣ.

— Моя мама очень больна и ея лѣкарство все вышло,—отвѣтила дѣвочка, привставъ со своего мѣста.

— А развѣ нельзя было кого-нибудь другого послать за лѣкарствомъ ночью, въ такую погоду?—продолжалъ спрашивать незнакомецъ.

— У насъ никого нѣтъ: мы живемъ однѣ съ мамой,—отвѣтила дѣвочка.

— А, это другое дѣло,—замѣтилъ тотъ, не пере-

— Сжальтесь, пожалуйста, и сдѣлайте микстуру...

ставая смотрѣть внимательно на маленькую посѣтительницу.

— Славная дѣвочка,—сказалъ онъ, обращаясь къ аптекарю,—вотъ кому-бы быть Золушкой, принцессой, Спящей царевной или Красной Шапочкой! Не такъ ли, Антонъ Карловичъ?

— Вполнѣ съ вами согласенъ,—подтвердилъ аптекарь, глядя на нее въ свою очередь.—Я даже убѣжденъ, что она была бы куда лучшей Золушкой, нежели ваша злющая Ведрина.

— Да, Ведрина, не годится больше въ Золушки,—подтвердилъ незнакомый господинъ,—я давно ищу кѣмъ-бы ее замѣнить. Она уже выросла настолько, что не помѣщается въ золотую карету, въ которой должна являться Золушка на балъ короля. Притомъ она доставляетъ намъ съ женою много хлопотъ,—прибавилъ онъ,—постоянно капризничаетъ, лѣнится, бранится, не слушается, да еще вдобавокъ и обижаетъ Павлика.

— Да, ваша Ведрина вздорная дѣвочка, — согласился аптекарь.—Я ее знаю съ тѣхъ поръ, какъ она жила еще у родныхъ и бѣгала ко мнѣ за лѣкарствомъ для своего больного отца. Повѣрите-ли, никогда толкомъ, вѣжливо не спроситъ чего ей надо, а нашумитъ, накричитъ такъ, что послѣ нея долго болятъ уши.

— Да, всѣ, положительно всѣ жалуются на нее,—сказалъ господинъ въ шубѣ.

Затѣмъ онъ опять посмотрѣлъ на дѣвочку, ожидавшую лѣкарство, и сказалъ:

— Да, да, изъ тебя, моя крошка, вышла бы чу-

десная Золушка, Красная Шапочка и принцесса Босоножка. Я въ этомъ убѣжденъ.

Дѣвочкѣ было очень неловко отъ пристальнаго взгляда незнакомаго человѣка и потому она крайне обрадовалась, когда аптекарь подалъ ей, наконецъ, стклянку съ микстурой и, принявъ отъ нея положенную плату, кивкомъ головы далъ ей понять, что она можетъ идти домой.

Въ душѣ дѣвочка очень удивлялась тому, что незнакомецъ находитъ въ ней сходство съ Золушкой, Красной Шапочкой и принцессой Босоножкой. Слова незнакомца очень заинтересовали дѣвочку, но спросить объясненія она не посмѣла.

Она знала, что Золушка, Босоножка и Красная Шапочка—сказочныя лица, читала про нихъ не разъ въ книжкахъ, но почему чужой, незнакомый баринъ называетъ ее ихъ именами, — она никакъ не могла понять.

А незнакомецъ между тѣмъ, очевидно, заинтересовался дѣвочкой: онъ разспросилъ ее подробно объ ея больной матери, о томъ, гдѣ и какъ онѣ живутъ, есть-ли у нея родные и, вынувъ изъ кармана крошечную книжку, записалъ въ ней подробный адресъ дома, гдѣ жили дѣвочка и ея больная мать. На вопросъ дѣвочки, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ, незнакомецъ сказалъ, что придетъ къ нимъ завтра и принесетъ такое средство, которое, какъ онъ думаетъ, должно будетъ непремѣнно помочь больной лучше всѣхъ микстуръ и капель, которыя она принимаетъ.

Дѣвочка, до этой минуты робѣвшая подъ при-

стальными взглядами незнакомца, при высказанномъ имъ желаніи помочь ея мамѣ, сразу просіяла и, ласково простившись съ нимъ, какъ съ хорошимъ знакомымъ, еще разъ поблагодарила его и аптекаря и съ легкимъ сердцемъ побѣжала домой, гдѣ ее ждала больная мать.

ГЛАВА II.

Больная мама —
Лизины заботы.

ХОЛОДЪ, сырость, снѣжные хлопья и вѣтеръ снова захватили дѣвочку, лишь-только она очутилась на улицѣ. Но Лиза (такъ звали ее), казалось, и не замѣчала ненастья: ее занимала радостная мысль о томъ, что она достала, несмотря на поздній часъ, лѣкарство для мамы и, вдобавокъ, что-то въ ея душѣ говорило ей, что незнакомый господинъ сдержитъ свое слово и принесетъ обѣщанное средство, отъ котораго непремѣнно выздоровѣетъ ея дорогая мама. Незамѣтно добѣжала она до воротъ большого дома и взобралась по узкой, кривой и темной лѣстницѣ на самый чердакъ, гдѣ онѣ съ матерью нанимали крошечную комнатку подъ крышей.

Отворивъ скрипучую дверь, Лиза вошла. Свѣчной огарокъ, воткнутый въ бутылку, слабо мерцая, освѣщалъ холодную, пустую комнату съ постелью, столомъ и двумя поломанными стульями, составлявшими единственную ихъ мебель.

— Это ты, Лиза?—послышался слабый голосъ изъ

дальняго угла комнаты, лишь-только дѣвочка переступила порогъ, — наконецъ-то ты вернулась! Мнѣ такъ было грустно безъ тебя. Къ тому-же я боялась, какъ ты доберешься въ такую непогоду.

— За то, мамочка, я принесла тебѣ лѣкарство,— стараясь говорить весело и спокойно, чтобы ободрить больную мать, отвѣчала дѣвочка.—Теперь тебѣ будетъ гораздо легче и кашель перестанетъ душить тебя. Прими поскорѣе хоть одну ложечку, дорогая мамочка! Увидишь, что тебѣ будетъ легче!

Лиза взяла со стола ложку, налила изъ принесенной стклянки красноватой жидкости и поднесла къ губамъ матери. Лѣкарство, должно быть, было горько, потому что Марья Дмитріевна Окольцева,—такъ звали Лизину маму,—съ трудомъ проглотила его. Потомъ она сильно и долго кашляла, откинувшись на подушку головою и прижимая обѣ руки къ груди. Лиза со слезами смотрѣла на мать, которую горячо любила всѣми силами своего маленькаго, нѣжнаго сердечка.

Когда мама немного оправилась, дѣвочка крѣпко обняла ее обѣими руками и, припавъ своей золотистой кудрявой головенкой къ ея изголовью, стала тихонько разсказывать ей о встрѣчѣ съ незнакомымъ господиномъ въ аптекѣ и о данномъ имъ обѣщаніи придти къ нимъ на слѣдующее утро. Слушая лепетъ своей ненаглядной дѣвчурки, Марья Дмитріевна успокаивалась понемногу и, наконецъ, ей стало настолько лучше, что она снова могла говорить и улыбаться.

— Ахъ, скорѣе-бы мнѣ вылѣчиться, Лизокъ,— шептали ея губы,—какъ-бы славно это было! Зажи-

ли-бы мы по-старому: я-бы стала шить платья, какъ раньше, ты-бы помогала мнѣ... По крайней мѣрѣ, не было бы постоянной заботы о томъ, что мы будемъ дѣлать, когда деньги выйдутъ и намъ не на что будетъ покупать ѣду и лѣкарство.

Послѣднія слова матери больно отозвались въ душѣ Лизы. Съ тѣхъ поръ, какъ мама заболѣла, всѣ ея маленькія средства, вырученныя отъ работы, перешли въ распоряженіе Лизы. Изъ этихъ денегъ нужно было покупать лѣкарства, яйца, булки и молоко для мамы. Другой пищи докторъ не позволялъ больной.

Лиза тратила очень разсчетливо переданныя ей матерью деньги. Сначала дѣвочкѣ показалось, что этихъ денегъ достаточно, чтобы жить на нихъ во все время маминой болѣзни, а тамъ,—думалось Лизѣ,—мама опять встанетъ, будетъ работать и снова онѣ заживутъ, если не безбѣдно, то, по крайней мѣрѣ, безъ особой нужды. Но мама не поправлялась, а деньги уменьшались и уменьшались съ каждымъ днемъ въ маленькой шкатулкѣ, гдѣ ихъ прятала Лиза.

Сегодня дѣвочка истратила послѣдній рубль на микстуру мамѣ, и завтра ей не на что будетъ пріобрѣсти яицъ, молока и булокъ для ея больной. Лиза ломала теперь голову, придумывая, что-бы сдѣлать, чтобы мама была сыта и завтра и всѣ послѣдующіе за нимъ дни. О себѣ добрая дѣвочка не думала нисколько. Она уже давно отказывала себѣ даже въ булкѣ, ни слова не говоря объ этомъ матери, и питалась однимъ только чернымъ хлѣбомъ, запивая его водою.

Пока голодала она одна, ей не было тяжело и

страшно. Но при одной мысли о томъ, что наступитъ завтра, и ея бѣдная мама попроситъ кушать, а у нихъ ничего нѣтъ, кромѣ корки чернаго хлѣба,— Лизу бросало то въ жаръ, то въ холодъ отъ волненія и страха.

Между тѣмъ, ея мама и не замѣчала, казалось, печальной заботы своей дѣвочки. Ей было такъ хорошо съ ненаглядной дочуркой! Она обняла Лизу и, лаская ее, тихо говорила:

— Когда я поправлюсь, мы уѣдемъ куда-нибудь подальше, въ деревню. Я поступлю швеей въ какой-нибудь помѣщичій домъ. Ты у меня поправишься и пополнѣешь на вольномъ воздухѣ. Все время будешь гулять и бѣгать по полямъ и лѣсамъ. Сколько цвѣтовъ и ягодъ тамъ растетъ, Лиза! А я буду работать цѣлые дни и радоваться тому, что моя милая крошка поправится и повеселѣетъ. Только-бы скорѣе встать съ постели! Тогда я сейчасъ же буду искать мѣста гдѣ-нибудь въ провинціи, въ глуши, подальше отъ столицы, гдѣ бы моя милая дѣвочка повеселѣла и порозовѣла, какъ и всѣ здоровыя дѣти...

Лизѣ были очень пріятны эти рѣчи и ласки ея матери. Она прилегла съ ней рядомъ головкой на подушку и, казалось, позабыла совсѣмъ о томъ, что завтра ждетъ ихъ обѣихъ нужда и голодъ. Ей представлялся теперь густой темный лѣсъ, много, много ландышей и сама она, Лиза, но не настоящая Лиза въ рваномъ платьицѣ и стоптанныхъ башмакахъ, а какая-то не то принцесса, не то царевна, сходство съ которыми нашелъ въ ней добрый незнакомецъ, встрѣтившій ее въ

аптекѣ. И снилось дѣвочкѣ, что она собираетъ лапдыши для мамы, а мама, нарядная, здоровая и полная, какою давно ее не видѣла Лиза, сидитъ у окна большого дома, шьетъ что-то и, глядя на свою дочурку, киваетъ и улыбается ей радостной улыбкой.

ГЛАВА III.

Добрый волшебникъ.

— ВСТАВАЙ, моя крошка, давно пора,—послышался Лизѣ сквозь сонъ ласковый голосъ матери.

Лиза быстро вскочила, протерла сонные глазки и вдругъ разомъ вспомнила о томъ, что въ домѣ нѣтъ ни денегъ, ни куска хлѣба.

«Господи! — подумала съ ужасомъ дѣвочка,—ну, какъ я скажу объ этомъ мамѣ? Вѣдь она разстроится и взволнуется, а докторъ строго запретилъ ей всякія волненія и безпокойства, такъ какъ они усиливаютъ ея болѣзнь. Но гдѣ же достать ей сегодня хоть немного покушать? Ахъ, какъ жаль, что мы живемъ не въ сказкѣ, гдѣ неожиданно появляются добрые волшебники и волшебницы и приносятъ разныя яства бѣднымъ людямъ!»

И бѣдняжка Лиза совсѣмъ было поникла своей золотокудрой головкой, какъ вдругъ внезапная мысль пришла ей на умъ.

— Какая я глупая маленькая дѣвочка!—воскликнула она мысленно,—жалѣю о томъ, что нѣтъ на

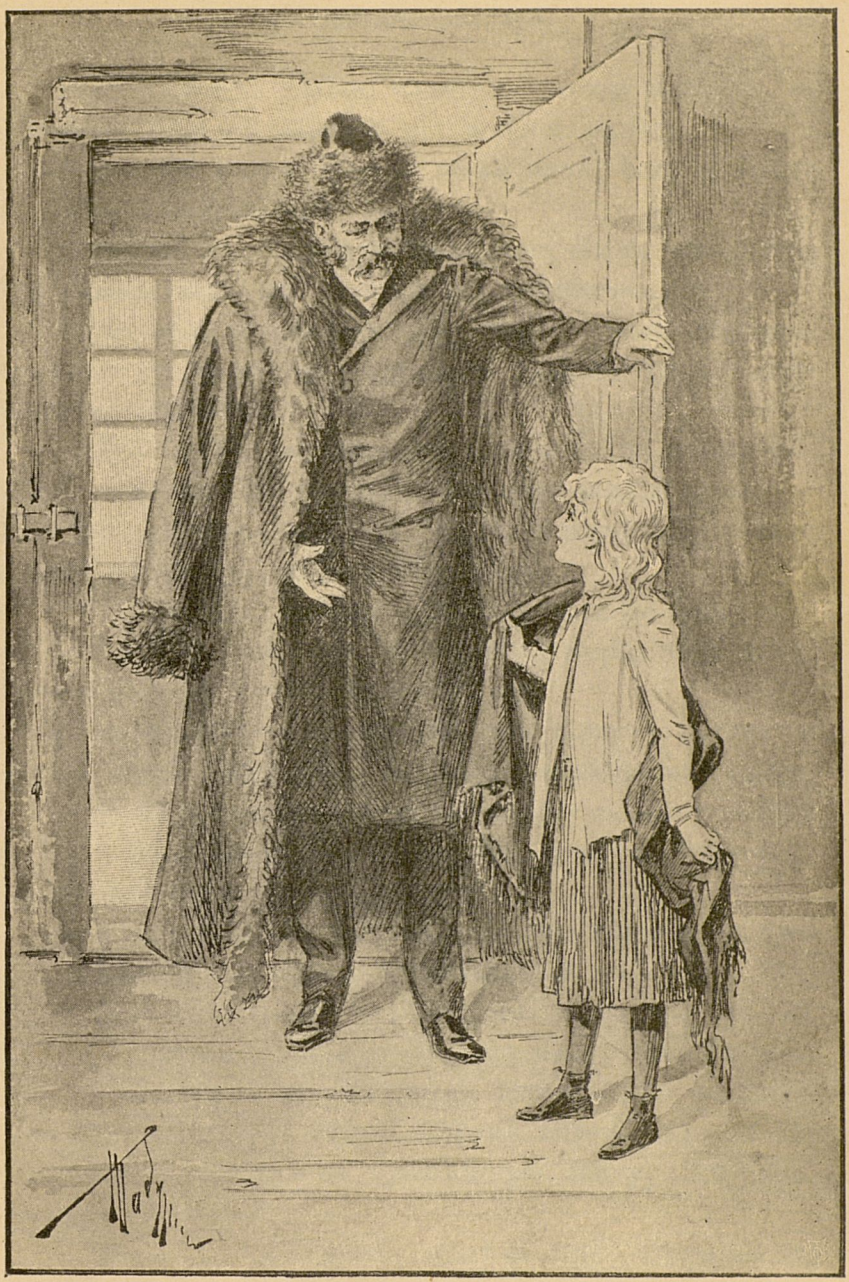
свѣтѣ добрыхъ волшебниковъ, а сколько разъ мама повторяла, что Господь Богъ, Который знаетъ всѣ горести и печали людскія, помогаетъ тѣмъ, кто молится Ему и проситъ у Него помощи и защиты. Помолюсь-ка и я хорошенько Богу, а тамъ, пойду попытаюсь достать у сосѣдей хотя чего-нибудь покушать мамѣ.

И съ этими мыслями Лиза пошла въ самый отдаленный уголъ комнаты, встала на колѣни и горячо помолилась Богу, прося Его помочь ея бѣдной мамѣ и выручить ихъ отъ тяжелой, грозившей имъ нужды.

Молитва облегчила Лизу. Она встала съ колѣнъ, подошла къ постели матери, поправила подушки и одѣяло больной, нѣсколько разъ поцѣловала ея исхудлыя щеки и, сказавъ ей, что пойдетъ купить чего-нибудь покушать, накинула платокъ на голову и шагнула было къ выходу, какъ вдругъ дверь широко распахнулась и вчерашній незнакомецъ, встрѣченный Лизой въ аптекѣ, вошелъ въ комнату.

— Здравствуй, дѣвочка,—произнесъ онъ ласково,—видишь, я сдержалъ свое слово: обѣщалъ придти—и пришелъ. Что-же ты точно не рада моему приходу? Здравствуйте, сударыня, — произнесъ онъ любезно, чуть-чуть подвинувшись къ постели больной.—Не безпокойтесь, я не подойду къ вамъ съ холоду... Ну, Лизочка,—кивнулъ онъ дѣвочкѣ,—дай-ка мнѣ стулъ и не мѣшай мнѣ, я долженъ поговорить съ твоей мамой о дѣлѣ.

Лиза не заставила незнакомца повторять просьбы, принесла стулъ и, подавая ему, замѣтила вполголоса:



Вдругъ дверь широко распахнулась, и вчерашній незнакомецъ вошелъ въ комнату...

— Ради Бога, только садитесь осторожно, а то ножка у стула сломана, и вы можете упасть.

— А тебѣ развѣ будетъ жаль меня, если я упаду и разобью себѣ лобъ?

— О, да!—воскликнула искренно Лиза,—конечно, мнѣ будетъ жаль васъ, если вы ушибетесь.

— Да вѣдь я совсѣмъ для тебя чужой, дѣвочка, ты меня вчера видѣла только въ первый разъ,—удивился незнакомецъ.

— Это ничего не значитъ,—произнесла Лиза, спокойно поднимая на говорившаго свои ясные глазки,—мама не разъ говорила мнѣ, что надо жалѣть не только своихъ близкихъ, но и всѣхъ людей.

— Ты умная, добрая дѣвочка,—весело замѣтилъ гость,—и я за это хочу чѣмъ-нибудь порадовать тебя. Вотъ возьми это себѣ на гостинцы.

И, порывшись въ карманѣ, онъ вынулъ оттуда и подалъ Лизѣ блестящій, новенькій серебряный рубль.

— Я хочу,—добавилъ онъ,—чтобы ты купила себѣ на него чего-нибудь полакомиться, пока я буду разговаривать тутъ съ твоей мамой.

Лиза тихо ахнула отъ радости. Со слезами на глазахъ приняла она этотъ неожиданный подарокъ, чувствуя, что, благодаря ему, сегодня и завтра ей не придется видѣть голодною бѣдную маму. Она въ одну минуту выбѣжала изъ комнаты, забывъ отъ волненія даже поблагодарить гостя, бѣгомъ спустилась съ лѣстницы и бросилась въ ближайшую лавку, гдѣ продавалось съѣстное.

— Вотъ я, глупенькая, жалѣла еще, что нѣтъ на

свѣтѣ волшебниковъ,—не переставала она разсуждать по дорогѣ,—а развѣ этотъ добрый господинъ не добрый волшебникъ, посланный ко мнѣ Самимъ Богомъ.

Лиза закупила все нужное для матери, ни разу не подумавъ о томъ, что деньги эти предназначены ей на гостинцы и что, стало-быть, она въ правѣ выбрать себѣ что-нибудь, хотя-бы самое дешевенькое, изъ тѣхъ вкусныхъ лакомствъ, которыя такъ заманчиво глядѣли на нее съ прилавка. На свою долю она взяла лишь небольшой круглый хлѣбецъ да ломтикъ солонины, чтобы только можно было утолить голодъ.

Спокойная и радостная, прижимая къ груди свои покупки, возвращалась она въ свою каморку, раздумывая по дорогѣ о томъ, какое лѣкарство могъ принести мамѣ ихъ добрый посѣтитель.

Когда Лиза вошла къ себѣ, незнакомца тамъ уже не было. Ея мама лежала попрежнему въ постели, но лицо мамы было теперь печально и грустно, а по исхудалымъ щекамъ катились крупныя слезы.

ГЛАВА IV.

Неожиданная новость.

— МАМА, мамочка, дорогая, о чемъ же ты плачешь? Ради Бога, не плачь, мамочка, тебѣ вредно волноваться. Докторъ сказалъ, что отъ безпокойства и волненія тебѣ можетъ быть хуже.

И Лиза, сама еле удерживаясь отъ слезъ, принялась нѣжно ласкать и цѣловать больную. Но Марья Дмитріевна долго не могла утѣшиться, несмотря на всѣ заботы и ласки своей дочурки. Наконецъ, когда слезы ея нѣсколько утихли, она крѣпко-крѣпко прижала къ своей груди Лизу и прошептала чуть слышно:

— Знаешь-ли ты, дѣточка, зачѣмъ приходилъ ко мнѣ твой новый знакомый?

— Нѣтъ, не знаю, мамочка,—отвѣчала Лиза.— Онъ говорилъ мнѣ только о какомъ-то лѣкарствѣ, которое обѣщалъ тебѣ принести. Онъ далъ тебѣ это лѣкарство, мамочка?

— Слушай же, дорогая. Никакого лѣкарства онъ мнѣ не принесъ. Этотъ господинъ очень добрый человѣкъ и хочетъ сдѣлать тебя счастливою, моя Лиза...

У него есть своя школа, но совсѣмъ особая школа, въ которую онъ желаетъ принять и тебя. Это очень большое счастье—попасть въ его школу, моя крошка. И это счастье улыбается тебѣ...

— Что же, мама, я охотно пойду въ школу,—замѣтила Лиза.

— Да, дѣточка, но это не такая школа, какъ ты думаешь. Этотъ господинъ собираетъ маленькихъ бѣдныхъ дѣтей, преимущественно сиротокъ, и обучаетъ ихъ въ своей школѣ играть на сценѣ, т.-е. представлять разныя волшебныя сказки, въ которыхъ дѣти изображаютъ принцевъ, царевенъ, добрыхъ и злыхъ волшебницъ, словомъ—всѣхъ тѣхъ лицъ, о которыхъ говорится въ сказкахъ.

— Ахъ, какъ это хорошо!—воскликнула Лиза.— Какъ интересно изображать принцессъ и волшебницъ! Это, должно быть, очень легко и весело. Неправда-ли, мамочка?

— Да, но этому надо учиться. Павелъ Ивановичъ Сатинъ—такъ зовутъ этого господина—самъ показываетъ каждому ребенку, что надо дѣлать на сценѣ, помогаетъ имъ заучивать все то, что должны говорить маленькіе актеры и актрисы, проходитъ съ ними все, что имъ задано. Подучивъ ихъ, какъ слѣдуетъ, Павелъ Ивановичъ отправляется съ ними въ путешествіе и въ разныхъ городахъ даетъ представленія. Деньги, которыя онъ выручаетъ съ публики за входъ на эти представленія, онъ частью оставляетъ себѣ, частью распредѣляетъ между дѣтьми. У него теперь 15 человѣкъ дѣтей; одна дѣвочка изображаетъ у него

въ театрѣ Золушку, другая—Спящую Царевну, Красную Шапочку, волшебницу; мальчики представляютъ карликовъ, принцевъ, королей, гномовъ и т. д. Но дѣвочка, которая до сихъ поръ изображала у него однѣхъ принцессъ и царевенъ, уже выросла, и Павелъ Ивановичъ рѣшилъ, что ее надо замѣнить другой. Да кромѣ того онъ очень недоволенъ этою дѣвочкою: она отличается дурнымъ характеромъ, очень капризна, непослушна и сердита. Давно уже Павелъ Ивановичъ искалъ такую дѣвочку, которая могла бы замѣнить прежнюю Золушку, но никакъ не могъ найти. Когда онъ увидалъ тебя, Лизочка, вчера въ аптекѣ, то сразу рѣшилъ, что ты была бы отличная Золушка, Спящая Царевна и принцесса Босоножка, словомъ—могла-бы играть все то, что до сихъ поръ играла та злая дѣвочка, съ которою онъ хочетъ разстаться. И вотъ, Павелъ Ивановичъ предлагаетъ мнѣ отпустить тебя въ его школу, или какъ онъ ее называетъ, въ его «кружокъ». И при этомъ онъ мнѣ сказалъ, что какъ и всѣмъ дѣтямъ, такъ и тебѣ, за то, что ты будешь играть въ кружкѣ, будетъ полагаться жалованье. Про Павла Ивановича,—прибавила Марья Дмитріевна,—я давно уже слышала; всѣ говорятъ, что онъ очень добрый человѣкъ, любитъ дѣтей, и поэтому я могу совсѣмъ спокойно сдать тебя на его попеченіе. Тебя тамъ ждетъ хорошая жизнь, куда лучше, нежели здѣсь со мною; какъ и другія дѣти у г. Сатина, ты будешь всегда сыта, одѣта, а играть съ дѣтьми на сценѣ тебѣ будетъ, вѣроятно, не трудно. Словомъ, тебя ждетъ счастье, Лизокъ, и я сердечно благодарна за него

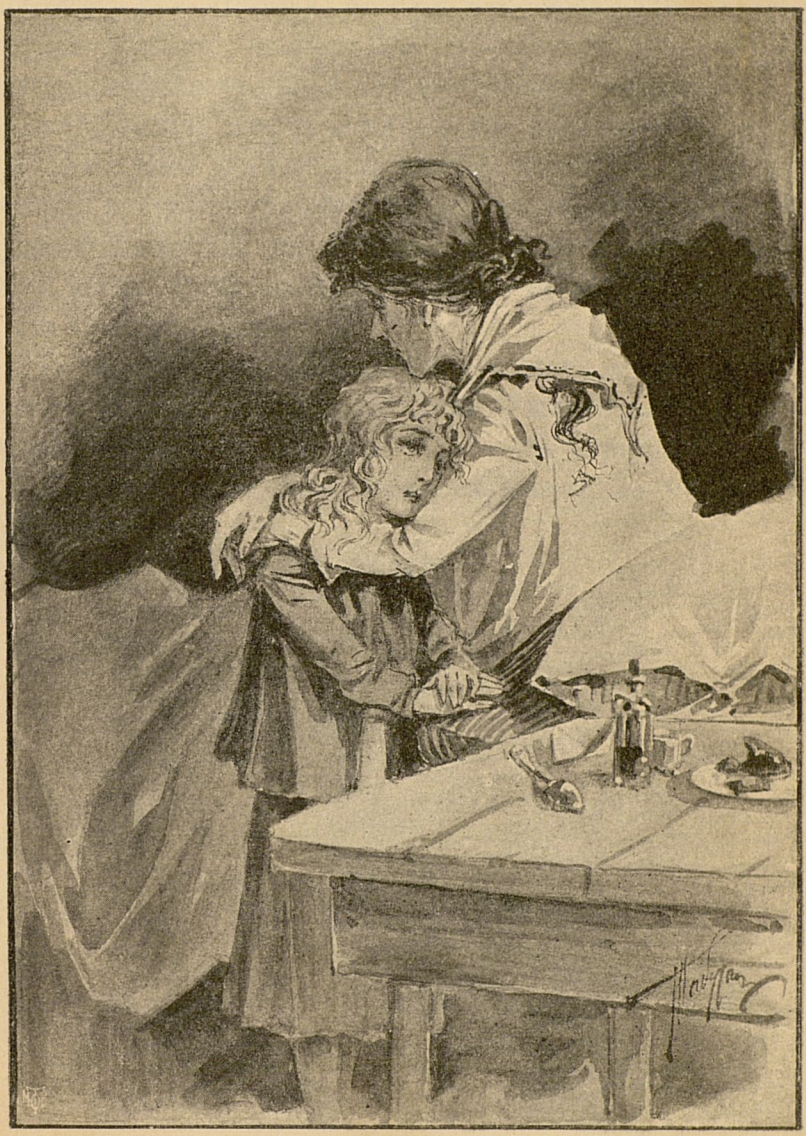
доброму человѣку. Одно только грустно—намъ придется разстаться съ тобою...

Лиза внимательно слушала рѣчь матери, не проронивъ ни одного слова. Неожиданная новость сначала очень обрадовала ее.

Когда былъ живъ отецъ Лизы, дѣла ихъ семьи были много лучше, нежели теперь, и родители Лизы доставляли какія могли удовольствія своей дѣвочкѣ. Раза два въ раннемъ дѣтствѣ Лиза была въ театрѣ. Она видѣла сказочныхъ принцессъ на сценѣ въ нарядныхъ платьяхъ и въ богатыхъ уборахъ—и вдругъ теперь ей представлялась возможность быть такой же нарядной и блестящей, какъ онѣ. Эта мысль привела въ восторгъ дѣвочку, но лишь на одну минуту. Внезапно вспомнила она о словахъ матери: «намъ надо разстаться съ тобою»—и оживленное ея личико разомъ омрачилось. Припавъ къ груди Марьи Дмитріевны, Лиза вскричала:

— Нѣтъ, нѣтъ, мамуся моя, никогда, ни за что не оставлю я тебя одну. Лучше будемъ голодать, бѣдствовать, но только бы не разлучаться съ тобой!

— Милая дѣвочка,—проговорила больная растроганнымъ голосомъ, съ полными слезъ глазами.—Разстаться намъ все равно придется, такъ какъ съ каждымъ часомъ я чувствую себя хуже и хуже, да и докторъ постоянно совѣтуетъ мнѣ лечь въ больницу. Если бы у тебя были родные, я бы охотнѣе отдала тебя къ нимъ, но родныхъ у тебя нѣтъ, Лиза, и поэтому я рѣшила принять предложеніе Павла Ивановича и отдать тебя ему. Къ тому-же вѣдь мы разстаемся не



И обѣ, мать и дочь, тихо заплакали...

навсегда, моя дѣточка! Вскорѣ мы снова, Богъ дастъ, будемъ вмѣстѣ, чтобы уже никогда не разлучаться больше, во всю жизнь. А я надѣюсь скоро поправиться... Когда я выйду изъ больницы, то поступлю куда-нибудь на мѣсто постоянной швеей, чтобы какъ можно больше и скорѣе заработать денегъ на наше будущее существованіе. И не замѣтишь, Лизокъ, какъ пройдетъ время и ты снова вернешься ко мнѣ. Правду-ли я говорю, дѣточка?

— О, мамочка,—поднимая на мать свое затуманенное личико, прошептала Лиза,—ты всегда говоришь правду и все, что ты дѣлаешь, такъ хорошо!

И обѣ, мать и дочь, тихо заплакали въ объятіяхъ другъ друга.

Участь Лизы была рѣшена.

ГЛАВА V.

Прощаніе съ мамой.

КОГДА на слѣдующее утро Павелъ Ивановичъ вошелъ въ комнату своихъ новыхъ знакомыхъ, онъ засталъ Лизу и ея мать вполнѣ готовыми, чтобы пуститься въ дорогу. Лиза успѣла уже помочь одѣться матери, еле державшейся на ногахъ отъ слабости, напоила ее молокомъ и сбѣгала къ сосѣдкѣ, которая взялась отвезти маму въ больницу.

— Ну, вотъ и молодецъ. Все такъ проворно устроила,—проговорилъ Павелъ Ивановичъ весело и, чтобы разсмѣшить грустившую дѣвочку, скроилъ такую удивительно смѣшную гримасу, что, какъ ни тяжело было на сердцѣ Лизы, она не могла удержаться отъ улыбки.

— А я думалъ, что ты еще нѣжишься въ постели,— продолжалъ онъ шутить,—и что мнѣ придется везти тебя съ постелью вмѣстѣ, вотъ была бы потѣха!

И Павелъ Ивановичъ, представивъ вѣроятно, въ своемъ воображеніи, какъ бы онъ везъ постель съ Лизой на извозчикѣ, громко и весело расхохотался.

Но Лизѣ было не до смѣху. Какъ-разъ въ эту минуту дверь растворилась, и къ нимъ вошла сосѣдка, къ которой поутру бѣгала Лиза съ просьбою сопутствовать ея мамѣ въ больницу.

— Если вы готовы, Марья Дмитріевна,—сказала она,—то ѣдемъ.

— Да, да,—какъ-то разомъ засуетилась Лизина мама.—Ѣдемъ, ѣдемъ, я готова,—и она крѣпко-крѣпко обвила обѣими руками шею дочери, покрывъ все лицо ея горячими поцѣлуями.

И Павелъ Ивановичъ, и добрая сосѣдка отвернулись къ окну, чтобы не видѣть тяжелаго прощанія матери съ дочерью.

— Лизокъ мой, дѣточка моя дорогая, ненаглядная,—говорила больная,—не плачь, не горюй безъ меня. Быть умницей и прилежной я тебя и не стану просить: я знаю тебя, моя дорогая, примѣрная дѣточка, знаю, что ты и безъ просьбы мамы будешь такой; одного прошу отъ тебя: не тоскуй и не плачь, а въ тѣ минуты, когда тебѣ особенно взгрустнется, прибѣгай къ Богу. Онъ Единственный, Который можетъ утѣшить тебя, милая моя крошка! Онъ твой Заступникъ. Онъ любитъ дѣтей и всегда внимателенъ къ дѣтской молитвѣ. Помни это, Лиза, постоянно и обѣщай мнѣ, дѣточка, часто молиться Богу и въ тяжелые, и въ радостные дни...

Лиза могла только кивнуть въ отвѣтъ головой, потому что слезы душили ее, не давая ей произнести ни слова. Но и безъ словъ ея мама поняла свою дѣвочку, поняла, что Лиза давала ей безмолвное обѣщаніе исполнить обѣ ея просьбы.

— Ну, а теперь прощай, моя крошка,—произнесла больная,—или нѣтъ,—поправилась она,—скажу лучше тебѣ до свиданія! Вѣдь мы скоро, скоро увидимся съ тобою; въ работѣ и въ ученьѣ ты и не замѣтишь, какъ пробѣжитъ время.

— Павелъ Ивановичъ,—обратилась Окольцева къ Сатину,—довѣряю вамъ мою Лизу, мое сокровище. Сберегите мнѣ ее, Бога ради, будьте поласковѣе къ ней. Она добрый и кроткій ребенокъ и не перенесетъ строгаго обращенія.

— О-о, сударыня,—прервалъ немного обиженно добрый старикъ,—или вы думаете, что я завелъ мой кружокъ, чтобы только браниться? или, можетъ-быть, вы воображаете, что я развожу дѣтей, какъ цыплятъ, чтобы жарить ихъ и подавать къ обѣду?

И онъ снова сдѣлалъ свою потѣшную гримасу, при видѣ которой и Лиза, и сама больная не могли удержаться на этотъ разъ отъ улыбки.

— Моя супруга,—продолжалъ Павелъ Ивановичъ уже спокойнымъ и серьезнымъ тономъ, видя, что совсѣмъ успокоилъ больную насчетъ ея дочери,—дѣйствительно, нѣсколько строга съ дѣтьми, но ваша Лиза, сударыня, такой милый и вѣжливый ребенокъ, что ее сразу полюбитъ даже самая строгая начальница. И потомъ я беру вашу дочь подъ мою защиту. Слышишь, Лизокъ, во всѣхъ твоихъ печаляхъ и горестяхъ ты можешь обращаться ко мнѣ, будешь?

— Спасибо, — робко прошептала Лиза и снова прильнула къ матери съ послѣднимъ поцѣлуемъ.

Наконецъ, онѣ съ трудомъ оторвались другъ отъ друга, и мама, опираясь на руку добраго господина Сатина, стала медленно спускаться по темной и скользкой лѣстницѣ.

У воротъ дома стоялъ уже извозчикъ, предупредительно нанятый Павломъ Ивановичемъ, чтобы отвезти мать Лизы въ больницу. Сатинъ осторожно посадилъ въ пролетку больную, помогъ взобраться съ другой стороны сосѣдкѣ Окольцевыхъ и, пожавъ руку Марьѣ Дмитріевнѣ, тихо проговорилъ:

— Съ Богомъ, въ добрый часъ! Поправляйтесь скорѣе... А за дѣвочку не безпокойтесь: я ее сберегу.

Извозчикъ дернулъ вожжами. Мать кивнула въ послѣдній разъ стоявшей у воротъ Лизѣ, и пролетка исчезла за угломъ ихъ большого мрачнаго дома.

— Ну, а мы пѣшкомъ, намъ недалеко, — весело проговорилъ Павелъ Ивановичъ и, взявъ своей большой рукой крошечную ручонку Лизы, быстро зашагалъ съ нею по тротуару.

ГЛАВА VI.

Отъ дома до кружка. Новые люди.

ПАВЕЛЪ Ивановичъ пошелъ такимъ скорымъ шагомъ, что Лиза, которую онъ велъ за руку, едва поспѣвала за нимъ. Она вся раскраснѣлась и запыхалась отъ скорой ходьбы. Но попросить его идти тише дѣвочка стѣснялась. И такъ уже, по ея мнѣнію, новый знакомый былъ слишкомъ добръ къ ней и утруждать его чѣмъ бы то ни было еще Лиза не хотѣла. А Павелъ Ивановичъ, казалось, вовсе и позабылъ, что рядомъ съ нимъ шагаетъ маленькая десятилѣтняя дѣвочка, а не взрослый человѣкъ: онъ говорилъ безъ умолку, повѣряя свои дѣла и мысли едва поспѣвавшей за нимъ Лизѣ.

— Ну вотъ, ты у меня теперь будешь принцессой, дѣвочка,—говорилъ онъ, радостно улыбаясь,—и всѣ роли принцессъ я передамъ тебѣ. Ты одна только и будешь играть ихъ. Ты у меня замѣнишь Мэри Ведрину. Я уже давно хотѣлъ ее замѣнить другою дѣвочкою, но не могъ никакъ подыскать подходящей. Надо тебѣ при этомъ знать, что Мэри Ведрина презлая дѣвчонка.

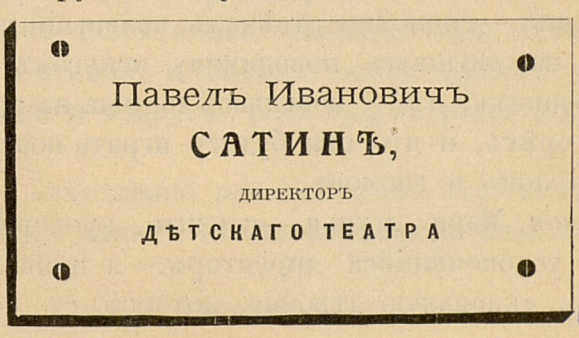
Онъ велъ за руку Лизу...

Ты слышала, что про нее говорилъ аптекарь? Мэри и дома была отвратительной дѣвчонкой и ее отдали ко мнѣ, чтобы только отъ нея избавиться. Слушай, Лиза, если она тебя когда-нибудь обидитъ, ты прямо ко мнѣ. Слышишь? не къ Аннѣ Петровнѣ, моей супругѣ, а ко мнѣ, помни это. Моя супруга, хотя и очень справедлива, но требовательна и строга. Ты ея, пожалуйста, не бойся. Она только не любитъ злыхъ и фальшивыхъ дѣтей, какъ Мэри. Мэри мы видимъ насквозь и ждемъ только, когда она вырастетъ настолько, что ее можно будетъ помѣстить въ какой-нибудь большой театръ, гдѣ играютъ взрослые актеры, и тѣмъ избавиться отъ нея.

Лиза мало понимала изъ того, что говорилъ Павелъ Ивановичъ, но она не рѣшалась перебивать его и внимательно слушала все, что говорилъ онъ ей.

— Ну, вотъ мы и пришли, — весело произнесъ, между тѣмъ, г-нъ Сатинъ, останавливаясь передъ небольшимъ домомъ на одной изъ улицъ Выборгской стороны.

На дверной дощечкѣ Лиза прочла четкую надпись, сдѣланную крупными буквами:



Гос. Публичная Б-ка Ленинград

— Вотъ мы и дома,—повторилъ еще разъ директоръ, вводя Лизу на ступеньки высокаго подъѣзда.— Мы почти не живемъ здѣсь, потому что все время кочуемъ по Россіи, но когда кружокъ мой пріѣзжаетъ въ Петербургъ, мы останавливаемся въ этомъ домѣ, который составляетъ собственность г-жи Сатиной— моей супруги.

Говоря это, Павелъ Ивановичъ нажалъ кнопку звонка у подъѣзда. Черезъ минуту за дверьми раздалось топанье дѣтскихъ ножекъ, и, когда дверь отворилась, Лиза увидала предъ собою прелестнаго, толстаго, шестилѣтняго мальчика.

— Павликъ, Павликъ,—вскричалъ въ ту же минуту господинъ Сатинъ, съ отчаяніемъ въ голосѣ.— Зачѣмъ ты самъ отворяешь двери, Павликъ? Развѣ не могла этого сдѣлать Матрена или кто-нибудь изъ старшихъ дѣтей? Ты простудишься, заболѣешь, схватишь, чего-добраго, какую-нибудь болѣзнь! Ахъ, Павликъ, Павликъ, что ты дѣлаешь съ твоимъ бѣднымъ папой!—заключилъ съ дрожью въ голосѣ взволнованный Павелъ Ивановичъ.

— Я хотѣлъ только посмотрѣть на новенькую дѣвочку, папа,—спокойно отвѣчалъ маленькій толстякъ, ни мало не смущаясь повидимому испугомъ отца.— Мэри говоритъ, что у новенькой шишка на носу, какъ грецкій орѣхъ, и что она будетъ играть поэтому роли всѣхъ карловъ и гномовъ.

— Твоя Мэри лгунья,—сердито проворчалъ нѣсколько успокоившійся директоръ,—я привелъ хорошенькую, миленькую дѣвочку, которой съ сегодняш-

няго дня передаю всѣ роли Мэри. А чтобы твоя Мэри злилась не даромъ,—заставлю ее играть всѣхъ злыхъ волшебницъ и колдуній. Это къ ней куда больше подойдетъ, нежели ея прежнія роли,—заключилъ совсѣмъ уже сердито Сатинъ.—Ну, Лизокъ,—разомъ мѣняясь отъ ласковой улыбки, прояснившей его лицо, обратился онъ къ дѣвочкѣ,—давай твою лапку Павлику и пойдемъ знакомиться съ остальными дѣтьми.

Длиннымъ темнымъ коридоромъ, сплошь заставленнымъ шкапами съ блестящими, шитыми золотомъ и серебромъ, театральными костюмами дѣтей, Лиза прошла за руку съ Павломъ Ивановичемъ и его бутузикомъ-сыномъ въ большую, свѣтлую комнату, гдѣ около полутора десятка дѣтей—мальчиковъ и дѣвочекъ—сидѣли вокругъ длиннаго стола, шопотомъ читая что-то про себя по толстымъ тетрадкамъ, положеннымъ передъ каждымъ изъ нихъ.

Худая, высокая дама въ синихъ очкахъ и теплой шали сидѣла въ концѣ стола и вязала шарфъ изъ красной шерсти.

— Вотъ и моя маленькая труппа,—сказалъ, входя въ комнату, директоръ, обращаясь къ Лизѣ,—поздоровайся съ твоей новою начальницею, Анною Петровною Сатиной, и обойди всѣхъ твоихъ будущихъ товарищей и подругъ. Они будутъ рады подружиться съ тобою.

Лиза немедленно исполнила его желаніе, подошла къ дамѣ въ очкахъ и присѣла передъ нею, какъ учила ее мама.

— Здравствуй, дѣвочка,—произнесла дама, не пе-

реставая вязать и оглядывая стоящую передъ нею Лизу поверхъ синихъ очковъ быстрымъ и проницательнымъ взглядомъ.—Да какая ты худенькая, однако... Что съ тобою? Она, должно быть, больна, Павелъ. Зачѣмъ-же ты привелъ больную дѣвочку?—строго спросила директорша, обращаясь къ мужу.

— О, что ты, Анюта,—поторопился тотъ успокоить жену,—дѣвочка и не думаетъ быть больною. Просто она исхудала въ хлопотахъ во время болѣзни ея матери.

— Ну, если она не больна,—тѣмъ лучше для нея, потому что больныхъ намъ не нужно,—сказала г-жа Сатина.—Только, зачѣмъ же ты плачешь, дѣвочка?—обратилась она снова къ Лизѣ, у которой, дѣйствительно, при напоминаніи о матери, навернулись на глаза непрошенныя слезы.—Плакать нечего! Если тебѣ тяжело съ нами, ты можешь уходить, откуда пришла.

Но Лиза отлично сознавала, что идти обратно ей некуда, и потому поспѣшно отерла слезы, чтобы не раздражать ими начальницу.

Между тѣмъ, Павелъ Ивановичъ подвелъ къ ней маленькую дѣвочку, одного роста съ нею, худенькую и болѣзненную на видъ.

— Это Маріанна—самая прилежная и умненькая дѣвочка изъ всего нашего кружка,—произнесъ онъ, ласково погладивъ тщательно причесанную головку дѣвочки.—Маріанна,—обратился онъ къ дѣвочкѣ,—познакомь Лизу съ твоимъ братомъ и со всѣми остальными, а мнѣ надо переговорить съ г-жей директоршей.

При этихъ словахъ супруга г. Сатина, Анна Петровна, съ шумомъ отодвинула свое кресло отъ стола и, бросивъ строгій взглядъ поверхъ синихъ очковъ на притихшее юное общество, послѣдовала за мужемъ въ сосѣднюю комнату. Полтора десятка будущихъ сотоварищей и подругъ Лизы, сидѣвшіе за длиннымъ столомъ и заучивавшіе свои роли къ слѣдующему спектаклю, съ любопытствомъ уставились на новенькую.

ГЛАВА VII.

Первое знакомство. Шишка и Мэри Ведрина.

СЪ минуту длилось молчаніе. Лиза смотрѣла на дѣтей, дѣти—на Лизу. Никто, казалось, не рѣшался заговорить первый. Даже Маріанна, познакомившаяся съ Лизой, и та молчала, пристально разглядывая новенькую добрыми голубыми глазами. Но нежданно-негаданно долгое молчаніе было нарушено толстенькимъ Павликомъ, директорскимъ сынишкой. Онъ все время не спускалъ глазъ съ Лизы и еще тщательнѣе, нежели Маріанна, осматривалъ ее. Наконецъ, онъ съ усиліемъ потеръ свой лобъ и произнесъ медленно и важно, ужасно смѣшно растягивая рѣчь:

— У-ди-ви-тель-но...

— Что удивительно?—сорвавшись съ своего мѣста, вскричалъ высокій, лѣтъ 12-ти мальчикъ, сильный и шустрый, на видъ очень похожій на Маріанну, но много здоровѣе и крупнѣе ея.—Что ты нашелъ удивительнаго, Павликъ?

— Удивительно,—повторилъ тѣмъ же тономъ Пав-

ликъ, какъ бы не разслышавъ вопроса,—а гдѣ-же шишка?

— Какая шишка?—въ свою очередь изумился Витя (высокаго, плотнаго мальчика, брата Маріанны, звали Витей).

— Да шишка на носу новенькой. Мэри сказала, что у новенькой на носу должна быть шишка, а я ея не вижу.

И толстякъ Павликъ такъ пристально уставился на маленькій носикъ Лизы, что окончательно сконфузилъ этимъ дѣвочку.

— Ахъ, что ты понимаешь, Павликъ,—раздался рѣзкій голосъ съ противоположнаго конца стола.— У новенькой на носу была шишка, но она ее оставила дома.

Лиза взглянула на говорившую. Это была смуглая, черноволосая дѣвочка съ большими черными глазами и недобрымъ выраженіемъ лица.

— Это Мэри Ведрина, наша старшая,—собственно говоря, ее зовутъ Маша, но у насъ она въ кружкѣ называется Мэри,—произнесла Маріанна,—она играетъ у насъ всѣхъ главныхъ принцессъ и царевенъ. Ей уже 15-ый годъ, и скоро она перейдетъ отъ насъ въ настоящій театръ, гдѣ играютъ большіе.

Высокая, красивая, смуглая Мэри не понравилась Лизѣ.

«Дѣвочка съ такими злыми глазами не можетъ быть доброй»,—рѣшила она и невольно со страхомъ взглянула на ту, о которой такъ много уже слышала дурного.

Между тѣмъ Мэри гордо посмотрѣла на Лизу и спросила ее съ нескрываемой насмѣшкой въ голосѣ:

— Почему у тебя платье въ заплатахъ и рваные башмаки?

Лиза, не ожидавшая такого вопроса отъ чужой дѣвочки, ужасно смутилась и покраснѣла.

— Ты вѣрно очень бѣдная? да?—продолжала спрашивать неумолимая Мэри.

— Да,—тихо, чуть слышно, произнесла Лиза,—мы очень бѣдны, вы угадали. Когда мама была здорова,—у насъ еще были кой-какія деньги, на которыя можно было купить все необходимое, но какъ-только мама заболѣла и слегла,—она уже не могла работать и добывать денегъ.

— Ну, если ты такая бѣдная, какъ говоришь, то попроси меня хорошенько, я возьму тебя въ мои горничныя, хочешь? Я играю только принцессъ въ нарядныхъ платьяхъ, и мнѣ трудно одѣваться безъ горничной. Я буду тебѣ хорошо платить каждый мѣсяцъ, потому что я богата, у моего отца есть магазинъ и мнѣ ничего не значитъ отдать лишній рубль для собственнаго удобства. Хочешь, я возьму тебя въ горничныя?

Говоря это, смуглая дѣвочка не переставала насмѣшливо улыбаться.

Лиза стояла красная и смущенная, не зная что отвѣчать большой дѣвочкѣ, насмѣхавшейся надъ нею такъ явно.

Наконецъ, она собрала всю свою храбрость и проговорила тихимъ голосомъ:

— Благодарю васъ за вашу доброту, но господинъ Сатинъ былъ такъ добръ, что обѣщалъ мнѣ платить жалованье, котораго, конечно, хватитъ, чтобы купить себѣ платье и сапоги, и я, дастъ Богъ, обойдусь безъ посторонней помощи.

— Какъ хочешь,—сердито буркнула Мэри и пошла на свое мѣсто, недовольная кроткимъ и умнымъ отвѣтомъ новенькой.

— Мэри Ведрина,—вдругъ снова неожиданно пискнулъ Павликъ,—папа сказалъ, что ты уже больше не будешь играть принцессъ и царевенъ. Всѣ твои роли онъ передаетъ новенькой.

Если бы громъ небесный разразился надъ пансіономъ, онъ не могъ бы болѣе испугать Мэри, нежели это извѣстіе. Она вскочила со своего мѣста, въ упоръ подскочила къ Павлику и, вся красная, какъ кумачъ, схватила его за плечи и затрясла его изо всей силы, крича ему въ самое ухо:

— Повтори-ка, повтори, что ты сказалъ, негодный мальчишка!—Слышишь? Сейчасъ повтори, или я тебя такъ отдѣлаю, что ты меня долго не забудешь!

Павликъ, не привыкшій къ подобному обращенію, такъ какъ никогда никто не разговаривалъ съ нимъ такъ грубо, громко разревѣлся отъ испуга.

— Ну, пойдетъ теперь потѣха, — проговорили въ одинъ голосъ два бѣлокурые мальчика, братья-близнецы Пика и Ника, любимцы и весельчаки труппы, такъ похожіе другъ на друга, что ихъ трудно было различить одного отъ другого.

Въ ту-же минуту г-нъ Сатинъ и его супруга пока-

зались съ встревоженными лицами на порогѣ комнаты и, увидя своего плачущаго любимца, со всѣхъ ногъ бросились къ нему.

Дѣти разомъ притихли и подтянулись. Пика и Ника сказали правду. Начиналась потѣха, нерѣдко повторявшаяся въ «Дѣтскомъ Кружкѣ» г-на Сатина.

ГЛАВА VIII.

Развѣнчанная принцесса.

—ЧТО такое? Что случилось? Павликъ, дитя мое, что съ тобою! О, не плачь же такъ сильно, не надрывай моего сердца!—кричала не менѣе самого Павлика взволнованная и испуганная Анна Петровна, подхватывая свое сокровище на руки и баюкая его на колѣняхъ, какъ самаго маленькаго ребенка.—Успокойся, Павленокъ мой, дѣточка моя, кто тебя обидѣлъ? Не плачь же, Бога-ради,—продолжала она еще нѣжнѣе, видя, что Павликъ не перестаетъ ревѣть.—Костя Корелинъ, и ты, Аля Большая, и ты, Роза, вы бѣгаете быстрѣе всѣхъ: слетайте въ аптеку да поскорѣе принесите какихъ-нибудь успокоительныхъ капель для моего несчастнаго малютки.

Но «несчастный малютка», ревѣвшій теперь уже благимъ матомъ, при одномъ воспоминаніи объ аптекѣ и лѣкарствѣ сильнѣе задрыгалъ ногами на рукахъ матери и заревѣлъ еще громче, крича на весь домъ, между всхлипываніями и рыданіями:

— Не надо лѣкарства... Не хочу... Лучше пасти-

лы.... пастилы рябиновой, она меня скорѣе успокоитъ...

— Да, да, пастилы... непремѣнно пастилы, моя крошка,—подхватила его мать.—Костя Корелинъ, бѣги за пастилой. Самой свѣжей спроси, слышишь? самой свѣжей, для больного ребенка скажи... Да что же ты стоишь? Бѣги же!

— А деньги?—робко освѣдомился Костя—быстроглазый, ловкій мальчуганъ, смуглый, какъ цыганенокъ,—вы не дали мнѣ денегъ на пастилу, г-жа директорша.

Но Павелъ Ивановичъ не далъ ему докончить и быстро сунулъ ему деньги въ руку, умоляя бѣжать, какъ можно скорѣе, какъ-будто отъ скораго доставленія пастилы зависѣла жизнь ревущаго Павлика.

Костя, привыкшій къ подобнымъ волненіямъ, опрометью бросился изъ комнаты, при чемъ налетѣлъ на входящаго въ эту минуту толстенькаго, розовенькаго, какъ свѣжая булочка, мальчика — Мишука или Медвѣжонка, какъ его называли дѣти за его неповоротливость и неуклюжесть, сбилъ того съ ногъ и, запнувшись за стулъ, попавшійся ему на дорогѣ, самъ тоже упалъ, и оба мальчика забарахтались въ одной общей кучѣ.

Павликъ, услыша необычайный шумъ и грохотъ, происшедшій отъ паденія двухъ пансіонеровъ, отнялъ платокъ отъ глазъ и любопытно покосился однимъ глазкомъ на то, что происходило. Увидя барахтавшихся на полу мальчугановъ, онъ не выдержалъ и громко разсмѣялся. Разсмѣялись за нимъ и остальныя дѣти,

потому что нельзя было не смѣяться, когда смѣялся Павликъ, общій любимецъ, въ сущности очень добрый ребенокъ, но до-нельзя избалованный слишкомъ нѣжными родителями. Разсмѣялся и Павелъ Ивановичъ, и строгая Анна Петровна, и даже смущенная, робкая Лиза невольно улыбнулась.

Не смѣялась только одна Мэри. Ей было не до смѣха. Дрожа отъ волненія и злости, стояла она передъ Павломъ Ивановичемъ и спрашивала прерывающимся отъ гнѣва голосомъ:

— Что-же это такое? Неужели это правда? Неужели вы хотите взять первую попавшуюся дѣвчонку на мое мѣсто? А мнѣ что прикажете дѣлать? Я три года играла у васъ однѣ только главныя роли. Не могу же я играть послѣ этого чуть ли не служанокъ...

— Нѣтъ, ты будешь изображать колдуній и злыхъ волшебницъ, а вовсе не служанокъ,—пропищалъ Павликъ.—Ты мнѣ сдѣлала больно... Она мнѣ сдѣлала больно,—объявилъ онъ матери.—Она разозлилась и трясла меня такъ сильно, что я думалъ—у меня оторвется голова.

— Что? что такое?—вскричали въ одинъ голосъ и директоръ, и его жена.—Ты смѣла обижать Павлика? нашего Павлика, который такъ слабъ, что не можетъ прожить дня безъ лѣченья...

— И безъ пастилы,—прибавилъ тихонько маленькій лакомка, заранѣе облизываясь при мысли о томъ, что Костя Корелинъ давно уже на пути за вкуснымъ лѣкарствомъ.

Но на этотъ разъ ни отецъ, ни мать не обратили

вниманія на его замѣчаніе. Возмущенные до глубины души поступкомъ Мэри, они съ минуту смотрѣли на нее такими глазами, точно собирались ее съѣсть. Наконецъ, Анна Петровна взяла дѣвочку за руку и повела ее къ дверямъ, говоря ей гнѣвно и сердито:

— Скверная, злая дѣвчонка! До сихъ поръ я была слишкомъ снисходительна къ тебѣ, старалась не замѣчать многихъ твоихъ дурныхъ поступковъ, но теперь, когда я знаю, что, помимо всего остального, ты еще обижаешь бѣднаго беззащитнаго малютку, я не хочу больше потакать твоимъ выходкамъ. Всѣ твои роли я съ сегодняшняго же дня передаю новенькой пансіонеркѣ, а ты ступай тотчасъ-же въ «темную» и сиди тамъ до тѣхъ поръ, пока я тебя не выпущу оттуда.—И, слегка дотронувшись рукой до спины Мэри, Анна Петровна Сатина вытолкнула дѣвочку изъ классной.

Тотчасъ по уходѣ Мэри, Павелъ Ивановичъ подошелъ къ шкапу, гдѣ лежала цѣлая груда книгъ и тетрадей за стеклянной дверью, и, отобравъ въ немъ нѣсколько тетрадокъ, вручилъ ихъ Лизѣ.

— Вотъ тебѣ работа, дѣвочка,—сказалъ онъ.— Будь прилежной и толковой. Маріанна покажетъ тебѣ, какъ надо учить роли. Съ этого дня прежняя принцесса Мэри развѣнчана за ея злое сердце и дурной характеръ, и ты будешь на ея мѣстѣ. По твоему умному лобику я уже рѣшаю, что ты отлично все поймешь и пожалуй уже въ скоромъ времени ты въ состоянія будешь замѣнить Мэри. Съ такимъ кроткимъ личикомъ, тебѣ не трудно будетъ изображать добрыхъ

и хорошихъ людей... Такъ ли я говорю, друзья мои?— обратился онъ къ остальнымъ дѣтямъ.

— Такъ, Павелъ Ивановичъ,—весело подхватили дѣти, которымъ сразу понравилась ихъ новая маленькая подруга.

— Ну, вотъ и отлично. Да здравствуетъ Лиза!— вскричалъ г-нъ Сатинъ,— или нѣтъ, — поправился онъ,—вѣдь у нея должно быть другое имя для театра. Лиза—это звучитъ слишкомъ просто. Пусть она у насъ въ кружкѣ впредь называется Эльзой. Мы такъ и будемъ знать, что у насъ теперь новая артистка Эльза. И такъ, да здравствуетъ златокудрая Эльза, наша будущая принцесса, Золушка и Красная шапочка!

— Да здравствуетъ златокудрая Эльза!—подхватили мальчики и дѣвочки, сидѣвшіе за столомъ, ласково поглядывая на сконфуженную Лизу.

Даже Павликъ, занявшійся было принесенной ему Костей Корелинымъ пастилой, и тотъ забылъ о ней на минуту и, съ набитымъ ртомъ, потянулся цѣловать Лизу.

ГЛАВА IX.

Лиза сходится съ своими новыми друзьями.

Учинивъ расправу надъ провинившейся Мэри, Павелъ Ивановичъ и его супруга уѣхали по дѣламъ, приказавъ высокой, блѣдной барышнѣ—помощницѣ Анны Петровны Сатиной, приставленной къ труппѣ въ качествѣ гувернантки,—распорядиться обѣдомъ. М-lle Люси (такъ звали барышню) пошла хлопотать по хозяйству, оставивъ дѣтей въ той же классной, гдѣ они обыкновенно готовили роли и занимались въ часы уроковъ. Лишь только наставница вышла, дѣти съ шумомъ повскакали со своихъ мѣстъ.

— Я рада, что Мэри наказали,—произнесла маленькая, рыженькая дѣвочка, похожая на лисичку, которую звали Марусей Виркиной—въ жизни и Мими—по сценѣ.

— Да, да, и я тоже,—подхватили въ одинъ голосъ Пика и Ника.

— Понятное дѣло, и я,—улыбаясь добродушной улыбкой, произнесъ Мишукъ,—она такая сердитая,

все злится, ругается и даже щиплется. Ты знаешь, Эльза,—обратился онъ къ Лизѣ,—мнѣ постоянно приходится играть ея пажей, потому что я не гожусь ни на что остальное, а моей королевой всегда бываетъ Мэри, и когда я запутаю по нечаянности ея шлейфъ,—пажи вѣдь должны носить шлейфы своихъ королевъ,—она такъ больно щиплетъ меня, потихоньку отъ публики, что я чуть не плачу въ то время, когда мнѣ приходится дѣлать радостное лицо и улыбаться, потому что Павелъ Ивановичъ говоритъ намъ, что никому не весело видѣть сердитое и недовольное лицо на сценѣ.

— А это очень трудно, должно-быть, играть на сценѣ?—робко освѣдомилась Лиза, рѣшившаяся, наконецъ, задать первый вопросъ своимъ новымъ знакомымъ.

— О, нѣтъ,—поспѣшила ее успокоить Маріанна,—совсѣмъ нѣтъ. Надо только хорошенько сперва подготовиться и выучить свою роль по тетрадкѣ, то-есть тѣ слова, которыя говоритъ лицо, изображаемое тобою, и конецъ фразы того лица, которое говоритъ съ тобою по ходу пьесы, чтобы ты знала, когда тебѣ надо самой вступить въ разговоръ. Впрочемъ, ты не безпокойся, все это тебѣ объяснитъ режиссеръ.

— Кто?—переспросила Лиза.

— Режиссеръ—это нашъ учитель,—вмѣшался въ разговоръ братъ Маріанны Витя, или Виталій, какъ его называли по театру.—Режиссеръ показываетъ намъ, какъ играть и что дѣлать на сценѣ. Иными словами онъ «ставитъ пьесы», какъ говорится по-театральному.

— А режиссеръ очень строгій?—робко освѣдомилась Лиза.

— Очень,—подхватили въ одинъ голосъ Шика и Ника и еще кто-то изъ дѣтей.

— Онъ кричитъ на насъ всѣхъ ужасно, когда мы бываемъ лѣнивы и безтолковы. Иногда сажаетъ въ темную, гдѣ теперь сидитъ наказанная Мэри,—поясняла Маріанна своей новой подругѣ.—Не кричитъ онъ только на Павлика да на Валю, потому что они съ Павликомъ считаются малышами и играютъ самыя крохотныя роли или просто безъ словъ изображаютъ ангеловъ на сценѣ. Ты не знаешь малютки Вали? Вотъ она.

И Маріанна поманила къ себѣ крошечную дѣвочку одного роста съ Павликомъ, такую же прелестную, румяненькую и бѣлокурую, какъ и онъ.

— Вотъ наша Валя, или, какъ ее называютъ, m-lle Валерія,—сказала она, цѣлуя малютку.—Не правда-ли, какъ она мила?

Валя улыбнулась Лизѣ и потомъ, отойдя въ сторонку, стала самымъ серьезнымъ образомъ помогать Павлику уплетать пастилу. Дѣти были очень дружны и не разлучались другъ съ другомъ ни на минуту.

Въ какой-нибудь часъ времени Лиза познакомилась со всею труппою. Всѣ дѣти понравились ей, кромѣ Мэри, сидѣвшей въ темной комнатѣ, да еще одной дѣвочки, которую звали Катя,—а въ кружкѣ Кэтъ,—державшейся въ сторонѣ отъ другихъ и показавшейся ей очень важной и гордой. За то одинъ высокій, почти взрослый мальчикъ лѣтъ 15—16 сразу при-

влекъ къ себѣ ея сердечко своимъ грустнымъ и добрымъ видомъ. Мальчика этого звали Володей. Остальныя дѣти говорили ему «вы», потому что онъ былъ много старше ихъ всѣхъ. Бѣдный Володя былъ калѣка и упирался согнутымъ колѣномъ одной ноги на деревяшку. У него было кроткое, болѣзненное личико, и онъ казался удивительно привлекательнымъ.

— Какъ же онъ можетъ играть безъ ноги?—съ сочувствіемъ глядя на убогаго юношу, спросила Лиза у кого-то изъ своихъ новыхъ друзей.

— Онъ не играетъ. Вѣдь нельзя же играть на сценѣ, опираясь на деревяшку,—пояснилъ ей Витя.— Онъ сидитъ въ будкѣ впереди сцены и подсказываетъ намъ шопотомъ то, что надо говорить каждому изъ насъ въ пьесѣ. Онъ у насъ суфлеръ, т.-е. подсказчикъ. Когда онъ сидитъ въ будкѣ, то ужь никогда никто изъ насъ не можетъ ошибиться.

— А если вы ошибаетесь,—спросила Лиза,—васъ наказываютъ?

— О, да, если зазѣваешься и позабудешь, что наступила твоя очередь говорить, или просто не твердо выучишь роль и спутаешься,—съ увлеченіемъ объяснялъ мальчикъ,—г. Томинъ, нашъ режиссеръ, намъ этого не прощаетъ. Насъ сажаютъ за это въ темную и оставляютъ безъ обѣда. Это очень непріятно.

— А Мэри выпустятъ сегодня?—робко спросила Лиза.

— Конечно, потому что она должна вечеромъ играть. Тебя навѣрное нашъ директоръ возьметъ сегодня въ театръ, чтобы ты видѣла, какъ мы играемъ.

Интересно, узнаешь ли ты меня, какимъ я буду вечеромъ на сценѣ,—засмѣялся Витя, лукаво подмигивая своимъ друзьямъ.

— А какимъ же вы будете?—полюбопытствовала Лиза.

— Я буду волшебникомъ,—важно сказалъ Витя.

— Волшебникомъ?—спросила съ удивленіемъ Лиза.

— Вотъ смѣшная дѣвочка,—захохоталъ Витя,—не думаешь ли ты, что мы играемъ въ театрѣ въ нашихъ домашнихъ костюмахъ? Слушай, я тебѣ разскажу...

Но Витѣ не суждено было разсказать то, что онъ хотѣлъ. Раздался звонокъ, призывающій дѣтей къ обѣду, и появившаяся съ колокольчикомъ въ рукахъ m-lle Люси повела ихъ всѣхъ въ большую, просторную столовую, находившуюся по сосѣдству съ классной.

ГЛАВА X.

Пирожки.
Матрена въ роли прекраснаго королевича.

—СУПЪ съ пирожками, супъ съ пирожками!—весело вскричалъ Павликъ и захлопалъ въ ладоши, какъ только дѣти вошли въ столовую съ большимъ, уже накрытымъ столомъ, помѣщавшимся по срединѣ комнаты.

— И пирожки-то съ мясомъ, Мэрины любимые,—замѣтила Маріанна.

— Ахъ, бѣдная Мэри, не знала она, что̀ сегодня будетъ за обѣдомъ, а то бы ужь навѣрное повела себя иначе,—сокрушенно произнесла малютка Валя, во всѣхъ видѣвшая всетолько хорошее и пріятное.

— Ну, есть кого жалѣть—Мэри!—сердито произнесла высокая дѣвочка, которую звали Алей Большою,—вамъ ли не попадало отъ нея? А вы еще жалѣете несносную дѣвчонку. Очень нужно! Я вотъ очень рада, что ее наказали: будетъ, по крайней мѣрѣ, долго̀ помнить и вести себя прилично.

— Какая ты недобрая, Аля,—съ укоромъ произ-

несла красивая голубоглазая дѣвочка съ бѣлокурой косой, которую Лиза не замѣтила раньше.—Ты знаешь, что Мэри сидитъ голодная въ темной и до завтрашняго утра ничего не получитъ. И ты можешь такъ спокойно отнестись къ несчастью твоей подруги?

— Мэри—не моя подруга. Она—злючка, и мы всѣ ея терпѣть не можемъ, — оправдывалась Аля Большая.

— Да и я не люблю ея,—подтвердила Роза,—а все-таки нельзя ея не пожалѣть. И я увѣрена, что всѣ вы жалѣете ее и только изъ скромности не хотите въ этомъ признаться. Поэтому я предлагаю всѣмъ: кто хочетъ дать одинъ изъ своихъ двухъ пирожковъ для Мэри? Мы соберемъ ихъ и снесемъ ей въ темную, чтобы она могла поѣсть.

— Но намъ попадетъ отъ Анны Петровны,—опасливо проговорила Валя.—Вѣдь намъ строго-на-строго запрещено туда ходить.

— Мы и не пойдемъ, а пошлемъ Павлика, ему ужь никогда не попадетъ отъ матери,—нашлась находчивая Роза.—Павликъ, Павликъ,—обратилась она къ мальчику,—ты снесешь пирожки Мэри? Не правда ли, дружокъ?

— Конечно, снесу,—согласился безъ малѣйшаго колебанія мальчикъ,—только скажите ей, чтобы она не вздумала трясти меня снова, а то у меня навѣрное ужь оторвется отъ этого голова.

— Хорошо, хорошо, она не посмѣетъ тебя тронуть,—вскричала Маріанна,—съ тобой пойдетъ кто-нибудь изъ большихъ мальчиковъ, хоть Костя Коре-

линъ... Вѣдь ты пойдешь проводить Павлика въ темную къ Мэри, Костя?

— Удивительныя эти дѣвочки!—произнесъ, пожимая плечами, смугленькій Корелинъ,—какъ онѣ распоряжаются чужой жизнью.—Ну, представьте вы себѣ, я послушаюсь васъ и пойду съ пирогами къ Мэри. А Мэри-то злющая-презлющая, а теперь отъ голода стала, конечно, еще злѣе. Ну, съѣстъ она пироги, съѣстъ Павлика, потому что онъ толстый и вкусный, какъ сдобная булочка, ну, а потомъ и меня проглотитъ, какъ проглотилъ волкъ Красную шапочку, а мнѣ вѣдь вечеромъ королевича играть надо. И замѣнить меня некому, потому что Мэри такая большая, что ей другого королевича подъ ростъ не подберешь. Нѣтъ, ужь лучше пусть Медвѣжонокъ идетъ къ Мэри съ пирогами. Ему, по крайней мѣрѣ, играть не надо сегодня.

Костя говорилъ все это самымъ спокойнымъ тономъ, съ аппетитомъ уничтожая кусокъ жаренаго мяса. Дѣти поминутно фыркали отъ смѣха, слушая его, и закрывались салфетками, такъ какъ имъ строго запрещалось смѣяться за обѣдомъ. М-lle Люси сидѣла за отдѣльнымъ столомъ и издали наблюдала за ввѣреннымъ ей маленькимъ стадомъ. Она, казалось, и не подозрѣвала о новой затѣѣ своихъ шалуновъ.

— Ахъ, вотъ что,—безъ малѣйшей улыбки продолжалъ между тѣмъ, какъ-бы спохватившись, Костя (онъ умѣлъ говорить самыя смѣшныя вещи, оставаясь все время серьезнымъ),—пожалуй, извольте, я отнесу пирожки Мэри: если она съѣстъ меня, то найдется

лицо, которое можетъ сыграть за меня сегодня прекраснаго королевича.

— Кто-же?—вырвалось разомъ изъ устъ нѣсколькихъ человѣкъ дѣтей.

— Кто? Костенька, миленькій, скажи кто?—приставала къ нему малютка Валя.

— Какъ-же,—поддразнивалъ ихъ Костя,—такъ я вамъ и скажу! Ишь какіе ловкіе!

— Ну, Костенька, ну, Корелинька, ну, милый, скажи,—не унималась дѣтвора, заглядывая въ глаза мальчику.

— Нѣтъ, отгадайте сами,—продолжалъ поддразнивать Костя, все больше и больше разжигая общее любопытство.

— Мы не можемъ, мы не знаемъ,—раздавалось со всѣхъ сторонъ.

— Ну, а какъ вы думаете?

— Мы ничего не думаемъ! Ахъ, скажи-же, пожалуйста, поскорѣе. Не мучь насъ!

Но Костя и не подумалъ торопиться. Онъ обвелъ торжествующими глазами весь столъ и, съ минуту помолчавъ для пущей важности, громко пропищалъ тоненькимъ голоскомъ:

— Наша кухарка Матрена. Прекраснаго королевича изобразитъ сегодня она, а я, такъ и быть, пойду вмѣстѣ съ пирожками на жаркое Мэри.

Не успѣлъ еще Костя докончить своей фразы, какъ всѣ дѣти дружно прыснули со смѣха.

Дѣло въ томъ, что Матрена, кухарка г. Сатина, вѣчно грязная, засаленная, въ подоткнутомъ платьѣ,

съ глупымъ, постоянно добродушно ухмыляющимся лицомъ, должна была очень мало подходить къ роли прекраснаго королевича, предназначаемой ей Костей. Дѣти очень живо представили себѣ толстую, грязную Матрену въ бархатномъ камзолѣ и шапкѣ съ перомъ, въ кружевномъ жабо, со щегольскими туфельками на громадныхъ ногахъ, всегда обутыхъ въ высокіе козловые башмаки, и залились неудержимымъ громкимъ смѣхомъ.

— Ишь, безстыдникъ, что выдумалъ-то, — ухмыляясь необыкновенно добродушной и глуповатой улыбкой, говорила, грозя пальцемъ Костѣ, прислуживавшая дѣтямъ у стола Матрена.

— Ничего, Матрена, ты не волнуйся только,—не унимался маленькій шалунъ,—я съ тобою живо всю роль пройду послѣ обѣда. Ты только выучись становиться на одно колѣно, прижимать руку къ сердцу и говорить: «Наконецъ-то, прекрасная принцесса, я нашелъ васъ! Этотъ башмачокъ принадлежитъ вамъ». И одѣнь башмачокъ на ногу Мэри, только осторожно, потому что у нея мозоли, и если ты ей сдѣлаешь больно, то она ущипнетъ тебя такъ, что ты закричишь «караулъ» на весь театръ.

— Ишь ты, выдумщикъ какой,—продолжала добродушно негодовать Матрена, не переставая, однако, улыбаться во весь ротъ.—Вотъ погоди ты у меня! Директоршѣ пожалюсь, живо усмиришься.

— Ахъ, Матрена, ты не тодишься, я вижу, для роли королевича,—съ притворной грустью произнесъ Костя, въ то время какъ остальныя дѣти, пользуясь

уходомъ изъ столовой m-lle Люси, такъ и покатывались со смѣху.—Ну, сама только посуди, какой-же королевичъ будетъ говорить: «ишь ты» и «пожалюсь».

— Да ну тебя совсѣмъ, насмѣшникъ!—разсердилась, наконецъ, по-настоящему Матрена и, гремя тарелками, ножами и вилками, понеслась къ себѣ въ кухню.

Во все время обѣда Лиза не принимала участія въ общемъ оживленіи. Она, наголодавшаяся и натерпѣвшаяся за послѣднее время нужды, съ удовольствіемъ ѣла все, что ей предназначалось. Простой супъ съ лапшой и жареное мясо ей, не видавшей ничего, кромѣ корокъ черстваго хлѣба за эти дни, показались необыкновенными, чуть не царскими яствами.

ГЛАВА XI.

Заключенная.

ПОСЛѢ обѣда Павликъ съ грудой пирожковъ, завернутыхъ въ салфетку, сопровождаемый Костей Корелинымъ, направился въ «темную» къ Мэри.

— Костя, голубчикъ, дай мнѣ проститься съ тобою. Ты уже больше не вернешься обратно, чуетъ мое сердце,—съ притворнымъ плачемъ воскликнулъ Витя.—Корелинька, мой чумазенькій, обнимемся и поцѣлуемся въ послѣдній разъ!

— Корелинъ, милушка,—подхватила веселая хохотунья Мими,—позволь тебя хоть сахаркомъ посыпать, а то ты далеко не вкусное блюдо для бѣдной Мэри.

— Ничего: она не замѣтитъ вкуса, а проглотитъ цѣликомъ,—отшутился Костя, направляясь въ «темную».

Дверь темной, куда сажали дѣтей за ихъ провинности, запиралась снаружи и потому Костѣ и Павлику не стоило никакого труда попасть туда. Лишь-только

они вошли, Павликъ приблизился къ Мэри и сказалъ, насколько могъ ласково и добродушно:

— Всѣ наши посылаютъ тебѣ пирожковъ, Мэри, зная, что ты сидишь голодная... кушай на здоровье.

Но дѣвочка съ сердцемъ оттолкнула отъ себя мальчика и крикнула сердито:

— Убирайся отъ меня! Изъ-за тебя я наказана и сижу безъ обѣда, и нечего тебѣ теперь угощать меня твоими гадкими пирожками!

— Ахъ, Мэри,—жалобно протянулъ мальчикъ,—ты попробуй только хоть одинъ пирожокъ и увидишь, что они вовсе не гадкіе, а очень вкусные.

Павлику и не надо было расхваливать пирожки: Мэри знала это и безъ него. На ея голодный желудокъ они представлялись ей чудеснымъ лакомствомъ, но она не могла побороть своего гнѣва на мальчика, считая его виновникомъ своего несчастья, и продолжала сидѣть, не двигаясь съ мѣста, глядя на обоихъ мальчиковъ взглядомъ затравленнаго волчонка.

Павлику стало безконечно жаль Мэри. Онъ, казалось, совсѣмъ позабылъ о томъ, что она обидѣла его такъ сильно, ему только ужасно хотѣлось въ настоящую минуту, чтобы голодная Мэри отвѣдала его пирожковъ и хотя бы чуточку утолила ими свой голодъ. Поэтому онъ еще ближе подвинулся къ ней и сказалъ еще ласковѣе прежняго:

— Мэричка, не сердись на меня и, пожалуйста, покушай, а то я сейчасъ заплачу.

— Нѣтъ, ужь не плачь пожалуйста,—злобно раз-

смѣялась Мэри,—а то опять всѣхъ разошлютъ по аптекамъ и лавкамъ, а меня еще вдвое дольше продержатъ въ «темной»,—и, окончательно выйдя изъ себя. она закричала въ гнѣвѣ:—Зачѣмъ вы пришли ко мнѣ сюда? Развѣ я звала васъ съ вашими непрошенными утѣшеніями? Очень нужны мнѣ ваши гадкіе пироги! Не надо мнѣ ихъ! Оставьте меня въ покоѣ! Убирайтесь! Я васъ ненавижу всѣхъ, слышите ли—всѣхъ васъ ненавижу!

— Слышимъ, не глухіе, можешь не кричать и не надсаживать горла, тебѣ оно еще понадобится для сегодняшняго спектакля,—спокойно и строго проговорилъ Костя.

— Ну, Павликъ,—обратился онъ къ своему маленькому товарищу,—намъ съ тобой здѣсь нечего дѣлать. Оставимъ пирожки развѣнчанной принцессѣ и пойдемъ, братъ, во-свояси.—И съ этими словами оба мальчика вышли изъ «темной», закрыли дверь, щелкнувъ задвижкой, и оставили Мэри въ прежней темнотѣ и одиночествѣ.

— А, такъ-то,—задыхаясь отъ злости, прошептала она.—Я развѣнчанная принцесса? хорошо-же! И всѣ эти насмѣшки мнѣ приходится выносить изъ-за скверной пришлой дѣвчонки, которую я знать не знаю и не хочу. И что въ ней особеннаго нашелъ Павелъ Ивановичъ? Рваная, жалкая нищенка съ дырявыми сапогами! Развѣ она можетъ быть принцессой или царевной? И какая она принцесса? Она просто жалкій, ощипанный цыпленокъ. Даже Золушку и ту она не сумѣетъ изобразить. Я въ этомъ увѣрена. И куда ей

тягаться со мною, все равно не дотянется никогда.— И Мэри злорадно разсмѣялась.

Но скоро смѣхъ ея смѣнился слезами. Какой-то внутренній голосъ говорилъ ей, что Лиза умна, прилежна, кротка и послушна и ужь, конечно, всѣ ее полюбятъ.

— А, если такъ,—вскричала Мэри въ новомъ приступѣ гнѣва,—то я припомню тебѣ все, что ты мнѣ причинила невольно, дурная, скверная дѣвчонка!

И, бросившись на полъ «темной», Мэри заколотила ногами объ его доски и заревѣла на весь домъ громкими, злыми, отчаянными слезами.

ГЛАВА XII.

Лиза узнаетъ много новаго и интереснаго.

РОВНО въ 7 часовъ за дѣтьми пріѣхали три наемныя шестимѣстныя кареты, чтобы везти ихъ въ театръ. Къ этому времени вернулись и Павелъ Ивановичъ со своей супругой и выпустили Мэри, отсидѣвшую свой срокъ наказанія въ «темной».

Въ то время какъ всѣ дѣти въ обществѣ Люси, хозяевъ и хромого суфлера вышли на подъѣздъ, къ нимъ присоединился еще одинъ членъ труппы—Григорій Григорьевичъ Томинъ, режиссеръ дѣтскаго кружка г-на Сатина.

— Ну-ну, торопитесь, нечего зѣвать по сторонамъ,—строго покрикивалъ онъ на замѣшкавшихся на подъѣздѣ дѣтей.—Мэри Ведрина,—обратился онъ къ дѣвочкѣ, пристально всматриваясь въ ея лицо,—что это у васъ за подушки вмѣсто глазъ? Опять, очевидно, изволили капризничать да плакать? И когда-то вы перемѣнитесь?.. А-а, новенькая,—остановился онъ глазами на Лизѣ.—Какъ тебя зовутъ, дитя мое?

— Лиза,—произнесла та, робко взглядывая на его бритое, смуглое лицо и живые, быстро бѣгающіе черные глаза.

— Этого не можетъ быть,—рѣзко оборвалъ онъ дѣвочку,—ты не можешь называться Лизой, по крайней мѣрѣ въ театрѣ. Это имя слишкомъ просто для того, чтобы помѣщать его въ афишахъ и программахъ.

— Ахъ, простите, пожалуйста,—вдругъ неожиданно спохватилась Лиза, вспомнивъ, что ей дано другое имя,—простите, пожалуйста, я позабыла, что меня здѣсь назвали Эльзой.

— Ну, это другое дѣло. Эльза звучитъ много красивѣе,—смягчился господинъ Томинъ.—Пожалуйста, не забывай его въ другой разъ; дома и у родныхъ тебя могутъ называть какъ хочешь, хоть Февроньей и Агашкой, но на сценѣ ты Эльза. Слышишь? Эльза—и прошу этого не забывать.

— Нѣтъ, не забуду,—прошептала Лиза покорно, сконфуженная за свою безпамятность.

Кареты, наполненныя дѣтьми, ѣхали около получаса по ярко освѣщеннымъ улицамъ города и, наконецъ, остановились у большого зданія съ колоннами и высокими электрическими фонарями у входа.

— Это и есть театръ,—произнесъ Витя, сидѣвшій подлѣ Лизы въ каретѣ.—Выходи.

Вмѣстѣ съ остальными дѣтьми Лиза вошла въ прихожую театра, поднялась по какой-то узкой лѣстницѣ наверхъ и очутилась на сценѣ между искусственными кустами и деревьями, передъ картоннымъ дворцомъ, мастерски сдѣланнымъ, какъ настоящій.

— Ну, маршъ одѣваться! живо!—командовалъ неутомимый Григорій Григорьевичъ, и мигомъ всѣ пятнадцать человѣкъ дѣтей куда-то разбѣжались и исчезли.

Потомъ уже Лиза поняла, что они разошлись по тѣмъ уютнымъ маленькимъ комнатамъ, которыя назывались уборными и гдѣ дѣти одѣвались, приготовляясь къ выходу на сцену.

— А ты что тутъ дѣлаешь одна?—послышался за спиной Лизы знакомый голосъ.

Дѣвочка живо обернулась и увидѣла добродушно улыбающееся лицо директора.

— Пойдемъ-ка за мною,—сказалъ онъ,—только постой немного, тебѣ надо чуточку переодѣться,—и, поднявъ голову кверху, онъ сталъ кричать, приложивъ руку въ видѣ трубочки къ губамъ:—Мальвина Петровна, Мальвина Петровна, сойдите на сцену, возьмите дѣвочку, переодѣньте ее во что-нибудь свѣтлое и приведите ко мнѣ въ директорскую ложу.

— Слушаю-съ, Павелъ Ивановичъ,—послышалось въ отвѣтъ откуда-то сверху, и черезъ минуту сѣдая, низенькаго роста старушка спустилась по витой лѣстницѣ съ висячаго прямо надъ головою Лизы балкончика.

Старушка кивнула головою дѣвочкѣ и велѣла ей идти за собою.

Въ маленькой, уютной комнаткѣ второго этажа, куда Лиза попала по той же лѣстницѣ и черезъ тотъ же висячій балкончикъ, стояло большое зеркало передъ туалетнымъ столикомъ, диванъ и рукомойникъ. Старушка велѣла Лизѣ сбросить свое старенькое, заплатанное во многихъ мѣстахъ, платье и сапоги и, по-

порывшись въ большой корзинѣ, помѣщавшейся въ углу уборной, вынула оттуда прехорошенькое бѣлое тюлевое платьице съ голубыми бантами на плечахъ и широкой лентой вмѣсто пояса.

— Вотъ надѣнь, дѣвочка, это тебѣ впору, и вотъ эти туфельки,—продолжала она, подавая Лизѣ маленькіе, голубые съ блестящими пряжками нарядные полусапожки.

Дѣвочка, одѣвавшаяся болѣе чѣмъ скромно у матери, тихо ахнула при видѣ этого нарядного костюма. А когда, при помощи старушки, Лиза, одѣтая въ новое платье, подошла къ зеркалу, то показалась себѣ такой блестящей и красивой, что даже усомнилась, она ли эта хорошенькая и нарядная, какъ бабочка, дѣвочка.

— Ну, теперь остается только привести въ порядокъ твою головку,—сказала старушка и принялась расчесывать и расплетать пышные золотистые локоны Лизы.—Ну, и волосы же у тебя, дѣвочка, настоящее золото!—говорила она.—Съ такими волосами тебѣ не надо и парика. Это цѣлое богатство. Впрочемъ, и вся ты прехорошенькая и можешь назваться лучшимъ украшеніемъ труппы,—невольно любуясь новенькой, расхваливала ее старушка.

Лизѣ было очень неловко отъ этихъ похвалъ. Мама никогда не говорила ей о ея внѣшности, да и вообще не придавала никакого значенія красотѣ.

— Была бы добрая и умная, а красота—Богъ съ ней. Гордиться ею не слѣдуетъ,—учила постоянно Марія Дмитріевна дочь.—Богъ далъ красоту, а не

люди пріобрѣли ее своими трудами, значитъ—можно-ли гордиться ею?

Когда туалетъ дѣвочки былъ вполнѣ законченъ, Мальвина Петровна, оказавшаяся портнихой, завѣдующей гардеробомъ труппы, повела ее тѣмъ же путемъ внизъ по лѣстницѣ на сцену, въ самомъ дальнемъ углу которой находилась маленькая дверка, ведущая, какъ Лиза потомъ узнала, въ директорскую ложу. Впустивъ туда дѣвочку, она закрыла за нею дверь и поспѣшила обратно въ уборную.

Лишь только Лиза переступила порогъ двери, яркій свѣтъ нѣсколькихъ сотенъ огней ослѣпилъ ее на мгновенье. Цѣлая толпа, отдѣленная отъ нея барьеромъ ложи, ходила, сидѣла и стояла въ театральномъ залѣ, въ ожиданіи поднятія занавѣса. Тутъ, среди взрослыхъ зрителей, была цѣлая масса дѣтей, пріѣхавшихъ посмотрѣть на игру своихъ сверстниковъ-актеровъ.

— А, наконецъ-то ты нарядилась,—увидѣвъ Лизу, произнесъ Павелъ Ивановичъ, сидѣвшій позади своей супруги, у барьера ложи.

Оглядѣвъ дѣвочку съ головы до ногъ, онъ наклонился къ уху Анны Петровны и сказалъ тихо, чтобы не быть услышаннымъ Лизой:

— Взгляни, Анюта, что за красоточка-дѣвочка!

Анна Петровна Сатина, нарядная и довольная тѣмъ, что театръ полонъ, и что, слѣдовательно, они выручатъ съ мужемъ крупную сумму денегъ за сегодняшній вечеръ, также оглядѣла Лизу не менѣе внимательнымъ взглядомъ. Должно быть, Лиза, въ своемъ но-

вомъ платьѣ, и ей очень понравилась: она милостиво указала ей на свободный стулъ подлѣ себя и сказала:

— Сегодня ты присмотришься ко всему тому, что должна будешь въ скорости дѣлать сама. Будь же какъ можно внимательнѣе и постарайся понять твою новую работу: гляди, какъ играютъ и говорятъ твои товарищи.

Лиза обѣщала быть внимательной и понятливой насколько сумѣетъ. Кроткій отвѣтъ дѣвочки понравился начальницѣ: она кивнула ей очень ласково и угостила конфетами, которыя лежали передъ нею въ нарядной коробкѣ на барьерѣ ложи.

Въ ту же минуту первые звуки музыки заставили зрителей прекратить разговоры и поспѣшить занимать мѣста.

ГЛАВА XIII.

Занавѣсъ поднимается.

ТЯЖЕЛЫЙ занавѣсъ, отдѣляющій сцену отъ зрительнаго зала, медленно поднялся кверху, и Лиза увидѣла внутренность бѣдной комнатки съ лежанкой въ углу и скамейками, стоящими вдоль стѣнъ. На одной изъ скамеекъ сидѣла Золушка или, вѣрнѣе, Мэри Ведрина, съ золотистыми волосами, вмѣсто своихъ черныхъ, и въ рваномъ платьѣ. Золушка горько плакала о томъ, что злая мачиха надавала ей много работы, между тѣмъ сама со своими родными дочерьми поѣхала на балъ къ королю.

Лизѣ стало очень жаль бѣдную Золушку. Она совсѣмъ позабыла о томъ, что ее играла злая, капризная Мэри; ей просто было больно за бѣдную дѣвочку, притѣсняемую мачихой, и когда передъ Золушкою предстала добрая волшебница, въ которой Лиза не безъ труда узнала Маріанну, совершенно преобразившуюся отъ бѣлокураго парика, надѣтаго у нея на головѣ, Лиза страшно обрадовалась за бѣдняжку. Она тихо ахнула отъ неожиданности, увидя, какъ волшебница-Маріанна,

дотронувшись жезломъ до плеча Мэри-Золушки, въ одну минуту превратила ту въ нарядную, блестящую принцессу.

— Что, нравится, Лизочка?—наклонился къ дѣвочкѣ Павелъ Ивановичъ, какъ только занавѣсъ опустили, по окончаніи перваго дѣйствія.

— О, да!—искренно вырвалось изъ устъ Лизы.

— А играть самой вдвое веселѣе, — улыбнулся директоръ, видя неподдѣльный восторгъ въ лицѣ Лизы.

Все второе, третье и четвертое дѣйствіе Лиза просидѣла, не отрываясь глазами отъ сцены, искренно восторгаясь прекрасной пьесой. Въ то же время она старалась узнать на сценѣ своихъ новыхъ друзей, спрятавшихъ свои юныя личики подъ искусственными бородами и усами и сѣдыми париками, которые совершенно преобразили ихъ. Она почти всѣхъ ихъ отыскала въ концѣ концовъ, кромѣ Вити. Но когда появился добрый волшебникъ на свадьбѣ Королевича и Золушки,—Лиза сразу поняла, что подъ неуклюжей темной мантіей и сѣдой бородой скрывается веселый, живой братъ Маріанны.

Не даромъ быстрые, темные глаза мальчика, особенно ярко горѣвшіе изъ-подъ нависшихъ приклеенныхъ сѣдыхъ бровей, поминутно устремлялись по направленію директорской ложи, гдѣ сидѣла Лиза. Разъ даже дѣвочкѣ показалось, что добрый волшебникъ незамѣтно кивнулъ ей со сцены какъ-разъ въ ту минуту, когда соединялъ руки Золушки-Мэри и Королевича—Кости Корелина.

— Сегодня Мэри въ послѣдній разъ играла Золушку: слѣдующій разъ будешь играть ее ты,—сказала Анна Петровна Сатина, выходя съ Лизой изъ ложи по окончаніи представленія.

Тѣмъ же путемъ, въ трехъ громыхающихъ, тяжелыхъ каретахъ, дѣтей повезли изъ театра домой. Передъ выходомъ изъ театра, Лиза забѣжала-было въ маленькую уборную, гдѣ ее одѣвала Мальвина Петровна, съ тѣмъ чтобы смѣнить бѣлый нарядный туалетъ на свое старое заплатанное платье Но ея новая знакомая, занятая въ эту минуту складываніемъ въ большія корзины театральныхъ костюмовъ, остановила ее словами:

— Зачѣмъ тебѣ снимать это платье, малютка? или оно не нравится тебѣ?

— О, напротивъ, сударыня,—воскликнула дѣвочка,—но это прелестное платье не принадлежитъ мнѣ, и поэтому я бы желала получить мое собственное.

— Прежде всего не называй меня сударыней, дитя мое,—прервала ее старушка.—Я простая портниха и господскаго во мнѣ ровно ничего нѣтъ. А только платья своего ты не получишь. Сегодня ты поѣдешь домой въ этомъ бѣломъ нарядѣ, а завтра тебѣ дадутъ еще другое, сѣрое платьице, которое ты будешь носить ежедневно.

По возвращеніи домой, дѣтей накормили ужиномъ и отослали спать. Мальчики помѣщались въ одной комнатѣ подъ присмотромъ хромого Володи, котораго оставляли съ ними за старшаго. Дѣвочки спали въ обществѣ m-lle Люси. Дѣти очень уставали, проводя весь

вечеръ въ театрѣ, и лишь только добирались до постелей, засыпали какъ убитые.

Одной только Лизѣ плохо спалось въ эту ночь. Она долго ворочалась съ боку на бокъ, не переставая ни на минуту думать о матери. «Что она теперь? Легче ли ей въ больницѣ? Думаетъ-ли она въ эту длинную зимнюю ночь о своей маленькой Лизѣ?»— Вотъ какіе вопросы поминутно навертывались въ головѣ дѣвочки.

Наконецъ, не выдержавъ болѣе, она порывисто вскочила на полъ и, какъ была, въ одной рубашонкѣ, упала на колѣни съ горячей молитвой.

— Господи, — шептала дѣвочка, — сдѣлай такъ, чтобы мнѣ хоть однимъ глазкомъ увидѣть маму! Ты Милосердный и Всемогущій, помоги мнѣ въ этомъ, Господи, и пошли мамѣ счастья, покоя и здоровья.

ГЛАВА XIV.

Сборы.
Въ больницѣ.

ЛИЗА очень скоро привыкла къ новой жизни. Она сблизилась со своими новыми друзьями, особенно же съ Маріанной и ея братомъ Витей. Кроткая, вѣжливая и добрая Лиза не могла въ свою очередь не понравиться дѣтямъ. Всѣ, за исключеніемъ Мэри, искренно привязались къ ней въ самомъ скоромъ времени. А Павликъ и Валя такъ полюбили ее, какъ будто прожили съ нею уже много-много времени.

Павликъ былъ въ сущности милый и добрый мальчикъ, только родители избаловали его напропалую, постоянно считая его слабенькимъ, нуждающимся въ попеченіяхъ и заботахъ, больнымъ ребенкомъ. Если-бы Павликъ не обладалъ отъ природы добрымъ, хорошимъ сердечкомъ, то навѣрное бы онъ окончательно испортился отъ такого воспитанія.

Пика и Ника—весельчаки дѣтскаго кружка—никогда не пропускали случая посмѣяться надъ преувеличенными заботами родителей Павлика. Чихнетъ-ли

Павликъ—Пика и Ника уже тутъ-какъ-тутъ и кричатъ ему насмѣшливо:

— Павликъ, ты простудился, ты боленъ! Ты очень боленъ, Павликъ. Ложись скорѣе самъ въ постель, пока твои папа и мама не уложатъ тебя насильно.

— А я сбѣгаю въ аптеку и куплю тебѣ цѣлый фунтъ хинина. Кушай на здоровье, милый Павликъ,— вставлялъ свое словечко постоянно подвертывавшійся въ такія минуты Костя Корелинъ, самый большой насмѣшникъ и шалунъ изъ всего кружка.

Но Павликъ и не думалъ обижаться на эти шутки. Онъ былъ премилый мальчикъ и ревѣлъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда Мэри продѣлывала надъ нимъ или Валей,—его закадычной подругой—свои злыя, безсердечныя шутки.

Съ самаго перваго дня Мэри возненавидѣла Лизу, а по мѣрѣ того, какъ Григорій Григорьевичъ и Павелъ Ивановичъ, занимавшіеся съ дѣвочкой подготовленіемъ ея къ первому выходу на сцену, хвалили ее за понятливость и прилежаніе, Мэри злилась все больше и больше и ненавидѣла все сильнѣе ни въ чемъ неповинную Лизу.

Дѣйствительно, Лиза оказалась очень понятливой и толковой ученицей. Послѣ двухъ-трехъ репетицій (такъ назывались подготовительные уроки къ спектаклямъ, происходившіе, какъ и самые спектакли, на сценѣ, но только въ пустомъ залѣ, безъ публики) она не хуже любой изъ своихъ подругъ по кружку умѣла говорить и двигаться по сценѣ. Къ тому-же у Лизы былъ трогательный, нѣжный голосокъ и такое

милое личико, что однимъ уже этимъ она могла понравиться публикѣ.

Лиза радовалась тому, что ее хвалитъ не только Павелъ Ивановичъ, но и его строгая супруга, а главнымъ образомъ—самъ Григорій Григорьевичъ, который былъ въ глазахъ дѣтей совершенствомъ и угодить которому было крайне трудно.

Пока кружокъ г. Сатина находился въ Петербургѣ, Лизу не выпускали играть передъ публикою. Она должна была начать играть въ небольшомъ городѣ В., куда дѣтскую труппу думали перевезти на зимнее время вплоть до великаго поста. Пока же дѣвочка усиленно занималась и готовила свои роли.

Однажды утромъ, когда дѣти репетировали вполголоса кой-какія сценки изъ пьесъ подъ наблюденіемъ m-lle Люси и хромого Володи, слѣдившихъ за ними по тетрадкамъ, дверь съ шумомъ распахнулась, и Павелъ Ивановичъ, въ шубѣ и шапкѣ, запушенныхъ снѣгомъ, весело крикнулъ съ порога:

— Ну, команда, пора собираться! Завтра выѣзжаемъ въ В.

Необыкновенный шумъ и гамъ тотчасъ же поднялся въ классѣ. Дѣти суетились и кричали въ одинъ голосъ, задавая вопросы своему любимцу-директору, на которые тотъ едва успѣвалъ отвѣчать: «Долго-ли ѣхать? Далеко-ли В.? Большой-ли тамъ театръ? Съ какимъ поѣздомъ они выѣдутъ изъ Петербурга?»—Никто изъ дѣтей не стѣснялся добраго, ласковаго директора, который обращался съ ввѣреннымъ ему ребятишками скорѣе какъ отецъ или близкій родственникъ, нежели какъ начальникъ.

— В. очень, очень далеко,—добродушно смѣялся онъ, подшучивая надъ дѣтьми.—На самомъ краю свѣта. Тамъ лишь лѣса и болота. По комнатамъ бродятъ волки, и лисицы подъ поломъ норы роютъ и въ чехарду играютъ.

— Неправда, неправда,—снова зашумѣли дѣти,—для кого же мы играть будемъ, если тамъ одни волки да лисицы, какъ вы говорите?

— Кто вамъ сказалъ, что мы для людей играть будемъ?—совершенно серьезно спросилъ дѣтей Павелъ Ивановичъ.

— А то для кого же?—недоумѣвали тѣ.

— Для лисицъ, волковъ и медвѣдей,—еще серьезнѣе прежняго проговорилъ директоръ.

— Ай! — вскрикнула Валя, испугавшись самымъ искреннимъ образомъ при одной мысли о такой публикѣ,—ай! я боюсь медвѣдей.

— Не бойся. Я буду тамъ съ тобою и смогу защитить тебя каждую минуту, — важно произнесъ Павликъ.

— Ну, ужь ты, защитникъ!—насмѣшливо произнесла Мэри, молчавшая все время,—знаемъ мы тебя. Отъ медвѣдей Валю спасать собираешься, а кто давеча заревѣлъ отъ страху на сценѣ, когда тебя сажали на лошадь?

— Да, но лошадь-то была настоящая,—протянулъ въ свое оправданіе сконфуженный Павликъ.

— А медвѣди будутъ игрушечные, по-твоему, что ли?—не унималась та.

— Перестань дразнить Павлика, Мэри, — строго

прикрикнулъ Павелъ Ивановичъ на дѣвочку.—Ну-съ,—снова принимая свой добродушный видъ, обратился онъ къ дѣтямъ,—теперь надо готовиться въ путь, а не сердиться и вздорить. Въ В. мы будемъ ровно черезъ три дня и, отдохнувъ немного, снова примемся за дѣло. Эльза теперь вполнѣ готова для своего выхода на сцену. Она у насъ молодецъ. Съ нея мы и начнемъ.—И Павелъ Ивановичъ ласково погладилъ золотистую головку Лизы.

— Посмотримъ еще, какой молодецъ она будетъ на сценѣ,—прошептала Мэри.

— Что ты тамъ ворчишь?—услышавъ ея шопотъ, обратился къ ней съ нахмуреннымъ лицомъ директоръ.

— Ничего, Павелъ Ивановичъ,—сразу перемѣнивъ тонъ, отвѣтила хитрая дѣвочка,—я только сказала, что если въ В. вмѣсто публики насъ будутъ смотрѣть волки и медвѣди, то для нихъ такая актриса, какъ наша Эльза, будетъ вполнѣ хороша.

— О, какая ты злая дѣвочка,—окончательно вышелъ изъ себя обыкновенно снисходительный и добрый Павелъ Ивановичъ.—Сколько въ тебѣ злобы и насмѣшки! Такъ послушай-же, что я тебѣ скажу на это: Эльза вдвое толковѣе и понятливѣе тебя. Что бы ты ни дѣлала, какъ бы ты ни злилась и ни выходила изъ себя, а тебѣ придется уступить ей свое мѣсто.

— Да я и уступаю, Павелъ Ивановичъ,—съ дѣланнымъ смиреніемъ проговорила Мэри,—я сама вижу, что Лиза Окольцева прекрасная дѣвочка, и я сама за это полюбила ее.

И съ этими словами Мэри, въ доказательство своихъ словъ, потянулась поцѣловать Лизу.

— Берегись, Эльза, она тебѣ носъ откуситъ,—предупредительно шепнулъ Костя Корелинъ Лизѣ, но такъ громко, что всѣ дѣти услышали его слова и дружно разсмѣялись.

Дѣйствительно, черные глаза Мэри не предвѣщали ничего добраго, и еслибъ Лиза не была занята своими мыслями, то навѣрное испугалась-бы злого выраженія этихъ, горѣвшихъ ненавистью, глазъ. Но Лиза мысленно была очень далеко въ данную минуту. Какъ только она услышала, что отъѣздъ въ В. рѣшенъ на завтра, сердечко ея болѣзненно сжалось.

«Какъ? она уѣдетъ, не повидавшись съ мамой, не поцѣловавъ ее на прощанье, не зная даже въ какомъ состояніи находится здоровье дорогой больной? О, нѣтъ, это было-бы слишкомъ тяжело! Она не можетъ уѣхать отсюда, не повидавшись съ ней».

И, собравъ всю свою храбрость, Лиза обратилась къ Павлу Ивановичу тихимъ, взволнованнымъ голоскомъ:

— Г-нъ директоръ, прошу васъ... очень васъ прошу, отпустите меня къ мамѣ... проститься.. Я скоро вернусь... только поцѣлую ее... Отпустите, пожалуйста!

— Проститься съ мамой? Что же! я ничего не имѣю противъ,—отвѣчалъ Павелъ Ивановичъ.—Ступай, но у насъ правило, по которому мы строго запрещаемъ дѣтямъ выходить однимъ на улицу. М-lle Люси проводитъ тебя... М-lle Люси,—обратился онъ

къ дѣвушкѣ, занимавшейся въ это время съ Маріанной повтореніемъ роли,—вы потрудитесь проводить Эльзу въ больницу къ ея матери.

— Хорошо,—отвѣчала всегда на все готовая m-lle Люси.—Когда прикажете?

Павелъ Ивановичъ взглянулъ на часы, потеръ себѣ лобъ и сказалъ, что если идти въ больницу, то ужь сейчасъ, конечно, потому что теперь какъ разъ тамъ часъ пріема и ихъ пропустятъ безъ всякихъ затрудненій.

Лиза чуть не прыгала отъ радости. Такого огромнаго счастья она и не смѣла ожидать. Черезъ какіенибудь полчаса она увидитъ маму, будетъ говорить съ ней.

Мигомъ одѣлась дѣвочка и отъ души благодарила директора.

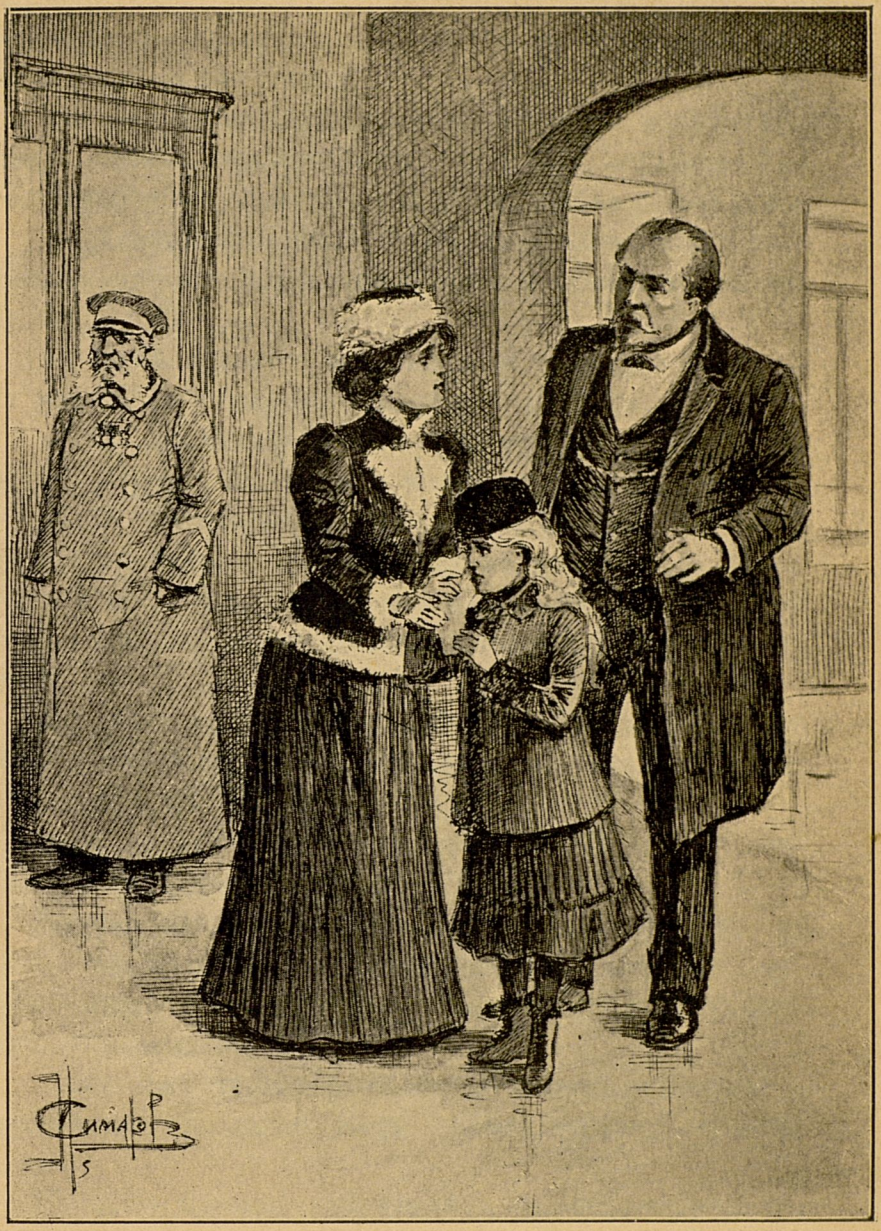
ГЛАВА XV.

Въ больницѣ.

Время по пути въ больницу показалось Лизѣ короткимъ, счастливымъ сномъ. Добрая, кроткая m-lle очень любила дѣтей. Лиза же понравилась ей съ перваго дня ея поступленія въ труппу, и она всю дорогу проговорила съ нею, разспрашивая ее о матери и ея прежней жизни дома. Лиза, обрадованная ласковымъ обращеніемъ и сочувствіемъ наставницы, разсказала ей подробно обо всемъ: какъ онѣ жили съ мамой, хотя и бѣдно сначала, но безъ особыхъ лишеній, и какъ потомъ болѣзнь подточила мамины силы, и онѣ узнали голодъ и нужду.

M-lle Люси, сама видѣвшая много горя въ жизни и прожившая всю свою молодость у чужихъ людей, съ искреннимъ сочувствіемъ слушала Лизу. Незамѣтно прошли онѣ недолгій путь и очутились у подъѣзда больницы.

— Въ какой палатѣ лежитъ Марія Окольцева, вдова чиновника?—спросила m-lle Люси при входѣ въ



—О чемъ такъ горько плачетъ этотъ прелестный ребенокъ?..

больницу у бородатаго и суроваго на видъ швейцара, отворившаго имъ двери.

Тотъ сердито посмотрѣлъ на обѣихъ посѣтительницъ, потомъ подошелъ къ столу и, заглянувъ въ большую толстую книгу, важно произнесъ сквозь зубы:

— Двѣнадцатая палата. По груднымъ болѣзнямъ. Только сейчасъ пріемъ окончился и больныхъ видѣть нельзя.

— Какъ нельзя?—вырвалось изъ груди Лизы, и ея маленькое сердечко томительно сжалось.

— Ну да, нельзя,—безжалостно подтвердилъ швейцаръ.—Пріемъ окончился, вамъ же сказали!

— О, пожалуйста,—умоляюще сложивъ ручки у груди, произнесла Лиза,—пустите меня, ради Бога! Только на минутку. На одну маленькую минутку. Я завтра уѣзжаю далеко-далеко отсюда и долго не увижу маму.

Но суроваго швейцара мало тронулъ нѣжный голосокъ дѣвочки: онъ преспокойно повернулъ ей спину и отошелъ къ дверямъ.

Лиза не выдержала больше и, бросившись въ объятія Люси, горько и жалобно заплакала.

Бѣдная Люси испугалась не на шутку. Она не знала что дѣлать—просить ли снова о пропускѣ неприступнаго швейцара, или успокаивать Лизу, рыдавшую навзрыдъ на ея груди.

— О чемъ такъ горько плачетъ этотъ ребенокъ?—неожиданно раздался надъ ними густой, громкій голосъ.

Поднявъ головы, онѣ увидѣли высокаго, полнаго

господина, сочувственно и ласково смотрѣвшаго на Лизу. Люси, разсчитывая, что незнакомецъ можетъ оказать имъ защиту, поторопилась пояснить ему въ чемъ дѣло.

— Какъ!—воскликнулъ незнакомецъ, узнавъ причину Лизиныхъ слезъ,—нашъ строгій швейцаръ не хотѣлъ пускать эту милую дѣвочку къ ея мамѣ? Въ такомъ случаѣ, малютка, утри твои слезки и пойдемъ со мною. Я отведу тебя къ ней... Надѣюсь, Осипъ,—обратился онъ къ швейцару съ добродушной улыбкой на лицѣ,—меня-то ты туда пропустишь, любезный?

— Ваше превосходительство шутить изволите,—осклабился во весь ротъ Осипъ.—Развѣ мы можемъ вамъ перечить, ваше превосходительство?

— Ну, вотъ и отлично! Пойдемъ же, малютка,—весело проговорилъ незнакомецъ и, попросивъ Люси обождать ихъ немного въ швейцарской, сталъ подниматься съ Лизой по широкой, устланной коврами лѣстницѣ.

Они незамѣтно миновали второй и третій этажъ и вошли, наконецъ, въ длинный коридоръ, по обѣ стороны котораго находились небольшія свѣтлыя комнаты, гдѣ стояли постели съ больными и гуляли выздоравливающіе въ бѣлыхъ халатахъ и чепцахъ на головѣ.

— Ну, дѣточка, узнай-ка свою маму,—весело проговорилъ новый Лизинъ другъ, вводя дѣвочку въ большую комнату, гдѣ стояло до дюжины постелей, на которыхъ лежали больныя женщины.

Въ одинъ мигъ Лиза окинула взглядомъ комнату

и съ легкимъ, радостнымъ крикомъ кинулась къ крайней постели, гдѣ лежала ея милая мама.

— Дѣточка моя ненаглядная,—со слезами на глазахъ шептала мама, прижимая къ груди Лизу,—вотъ мы съ тобой снова увидѣлись. Разсказывай же мнѣ скорѣе про твое новое житье-бытье.

Но Лизу уже нечего было просить объ этомъ. Въ какихъ-нибудь нѣсколько минутъ она подѣлилась съ мамой всѣмъ, что произошло съ нею за послѣднее время. Такимъ образомъ мама узнала, что у нея есть уже другъ—Маріанна, и что послѣ Маріанны и Вити она больше всего любитъ Павлика и Валю, что Павликъ немного капризенъ, потому что его пичкаютъ лѣкарствомъ, когда онъ и не боленъ вовсе, что Павелъ Ивановичъ очень добръ ко всѣмъ и сердится только на Мэри, а Григорій Григорьевичъ и Анна Петровна Сатина очень строги, но ею, Лизой, они довольны за ея прилежаніе и еще ни разу не сердились на нее, и что Мэри злюка и всячески, чѣмъ можетъ, досаждаетъ ей. И даже о Люси, о суровомъ швейцарѣ и о добромъ господинѣ, выручившемъ ее, успѣла сообщить Лиза матери.

— Онъ очень важный, мамочка,—разсуждала дѣвочка,—швейцаръ называлъ его «ваше превосходительство».

— Да, дѣточка, очень важный. Онъ старшій врачъ здѣшней больницы. Самое главное лицо здѣсь и имѣетъ званіе генерала.

— Неужели, мамочка? а какой онъ добрый, какой простой, ласковый и милый.

— Да, дитя мое, онъ очень хорошій человѣкъ и любитъ дѣтей. У него самого, говорятъ, есть дѣвочка, которая постоянно болѣетъ. Но скажи мнѣ, родная, хорошо-ли живется тебѣ въ пансіонѣ?

— Очень хорошо, мамочка, только тебя не хватаетъ,—не задумываясь отвѣчала Лиза и снова, не умолкая ни на минуту, стала торопиться разсказывать матери про свою жизнь въ дѣтскомъ кружкѣ.

Марія Дмитріевна, слушая свою дѣвочку, съ нѣжной улыбкой любовалась ею. Лиза очень пополнѣла и поправилась за короткое время ихъ разлуки, и это не могло ускользнуть отъ глазъ матери.

«Слава Богу, она сыта и довольна, — подумала съ облегченіемъ больная.—Какъ хорошо сдѣлала я, что отдала ее въ кружокъ Сатина. По крайней мѣрѣ, дѣвочка не увидитъ нужды и не будетъ голодать и холодать по сырымъ угламъ, гдѣ намъ пришлось бы ютиться».

Ни мать, ни дочь не замѣтили, какъ миновало время, и опомнились только тогда, когда новый знакомый Лизы вошелъ въ палату и напомнилъ дѣвочкѣ, что m-lle Люси заждалась ее въ швейцарской и что маму не слѣдуетъ утомлять долгимъ разговоромъ, такъ какъ она еще очень слаба.

Лиза безпрекословно исполнила приказаніе доктора. Крѣпко обняла она мать и, шепнувъ ей на ушко: «До свиданія, родная»,—храбро пошла изъ комнаты, подавивъ свои слезы.

— А я и не зналъ, малютка, что ты такая важная птица,—шутливо произнесъ ея спутникъ, выходя

съ нею снова на лѣстницу.—Мнѣ твоя наставница повѣдала внизу, что ты маленькая актриса и, несмотря на свои дѣтскіе годы, уже зарабатываешь хлѣбъ...

— Ахъ, я тоже не знала...—начала-было сокрушеннымъ тономъ Лиза и вдругъ внезапно смолкла.

— Чего не знала?—удивился докторъ.

— Да что и вы такой важный.

— Что? что такое?

— Что вы такой важный,—набравшись храбрости, проговорила дѣвочка,—что вы генералъ.

— Почему же я не могу быть генераломъ?—засмѣялся добродушно докторъ.

— Ахъ, всѣ генералы съ орденами и звѣздами и ужасно сердиты, а вы такой добрый,—неожиданно заключила Лиза.—Я не знаю, какъ благодарить васъ за то, что вы позволили мнѣ увидѣть маму.

— А я вотъ какъ-разъ и потребую отъ тебя благодарности,—произнесъ онъ шутливо.—Слушай, дѣвочка, въ первый же спектакль, который вашъ директоръ дастъ здѣсь, я пріѣду смотрѣть, какъ ты играешь на сценѣ. Только ты должна будешь извѣстить меня письмомъ. Согласна?—спросилъ докторъ, протягивая ей руку, такъ какъ они спустились уже въ швейцарскую.

— О, да, конечно, согласна,—поспѣшила отвѣтить Лиза.

— А я за это постараюсь какъ можно скорѣе поправить твою маму,—заключилъ тѣмъ же добродушнымъ, шутливымъ тономъ докторъ.

— Да, да,—подхватила Лиза, безо всякаго сму-

щенія протягивая обѣ ручки своему новому знакомому,—поправьте ее поскорѣе! Я буду совсѣмъ, совсѣмъ счастлива тогда.

— И я также,—растроганный ея дѣтскимъ порывомъ, произнесъ докторъ,—буду очень, очень доволенъ, если принесу пользу и облегченіе больной.

Когда Лиза, въ сопровожденіи Люси, выходила изъ зданія больницы, старшій докторъ еще долго стоялъ на одномъ мѣстѣ и смотрѣлъ имъ вслѣдъ. Потомъ, когда Лиза исчезла за угломъ дома, онъ тихо побрелъ снова наверхъ для обхода больныхъ, невольно размышляя о дѣвочкѣ:

«Чудный, рѣдкій ребенокъ. Вотъ еслибъ моей бѣдной Зоѣ такую подругу, она навѣрное бы куда легче переносила болѣзнь и была бы много счастливѣе, нежели теперь».

ГЛАВА XVI.

Отъѣздъ.
Выходка Мэри.

На другой день дѣтская труппа г. Сатина выѣзжала изъ Петербурга.

На вокзалъ какъ взрослыхъ, такъ и дѣтей доставили тѣ же громадныя шестимѣстныя кареты, которыя возили ихъ въ театръ. На платформѣ собрались нѣкоторые родные, пришедшіе проводить маленькихъ актеровъ и актрисъ.

Съ Маріанной и Витей пришла ихъ старушка-бабушка, замѣнявшая имъ родителей, которые рано оставили ихъ сиротами; къ Костѣ Корелину забѣжалъ его братъ студентъ, такъ какъ другихъ родственниковъ у него не было. Хохотушку Мими провожала ея мама—такая же маленькая и подвижная, какъ сама Мими. Мама горько всхлипывала, цѣлуя свою дѣвочку, но Мими, несмотря на тяжесть разлуки, все-таки сумѣла разсмѣшить ее какой-то шаловливой выходкой, и мать и дочь и плакали и смѣялись въ одно и то же время. Къ Алѣ Большой пришелъ отецъ, служившій актеромъ въ одномъ изъ петербургскихъ театровъ, и долго про-

силъ дѣвочку быть усердной и прилежной. Мэри никто не провожалъ: хотя у нея были и отецъ и мать, и сестры и братья, но она такъ всѣмъ имъ надоѣла своими выходками и тяжелымъ характеромъ, что никто не пожелалъ увидѣться съ нею еще разъ на вокзалѣ.

— Очень нужны всѣ эти проводы,—сердито говорила Мэри, разгуливая по платформѣ подъ руку съ Кэтъ, которую она, если и не любила, то выносила больше, нежели другихъ дѣтей.—Я и не жду родныхъ. Только бы они догадались прислать лакомствъ на дорогу, да побольше,—продолжала она и, внезапно увидя появившагося на станціи посыльнаго, съ большимъ пакетомъ въ рукахъ, кинулась къ нему, въ полной увѣренности, что пакетъ этотъ присланъ ей родными.

— Вы это мнѣ?—чуть ли не вырывая пакетъ изъ рукъ посыльнаго, закричала она на всю платформу,—да говорите же скорѣе, мнѣ или нѣтъ? Или вы онѣмѣли? Я—Мэри Ведрина. Давайте мнѣ скорѣе мои гостинцы.

— Никакъ нѣтъ, барышня, пакетикъ не вамъ-съ,—насмѣшливо улыбнувшись ея поспѣшности, произнесъ посыльный,—мнѣ велѣно передать эту посылку маленькой барышнѣ Лизочкѣ Окольцевой.

Лиза, находившаяся поблизости и услышавъ свое имя, подошла узнать въ чемъ дѣло.

— Тебѣ посылка, — крикнула Мэри сердито и, прежде чѣмъ кто-либо могъ остановить ее, швырнула пакетъ, которымъ уже успѣла завладѣть, на доски платформы.

Бечевка, плохо сдерживавшая туго набитый свертокъ, разорвалась, и оттуда покатились апельсины, яблоки, пряники и конфеты по всей платформѣ.

— На, подбирай свои богатства!—крикнула Мэри, разсмѣявшись злымъ смѣхомъ прямо въ лицо растерявшейся Лизѣ.—Очень рада, что эту дрянь придется ѣсть не мнѣ! Я терпѣть не могу дешевыхъ лакомствъ, а ты невзыскательна и скушаешь ихъ въ лучшемъ видѣ.

— Какъ тебѣ не стыдно, Мэри!—вскричали находившіеся тутъ-же поблизости Ника и Ника и бросились подбирать гостинцы съ пола.—Пожалуйста, не плачь, Лиза, мы мигомъ поправимъ дѣло,—утѣшали они дѣвочку.

Но Лиза и не думала плакать, хотя поступокъ Мэри очень огорчилъ ее Она раздумывала,—кто-бы могъ послать ей всѣ эти вкусныя вещи, когда у нея, кромѣ матери, никого изъ близкихъ не было на свѣтѣ, а мама, Лиза знала это прекрасно, не могла послать ей ничего подобнаго.

Посыльный, видя смущенный видъ дѣвочки, сжалился надъ нею и помогъ ей разгадать загадку.

— Мнѣ передалъ этотъ пакетъ высокій, очень хорошо одѣтый баринъ,—сказалъ онъ,—и велѣлъ передать вамъ, если бы вы спросили отъ кого посылка, что она отъ генерала—самаго скромнаго изъ всѣхъ генераловъ въ мірѣ.

Какъ ни грустно было на душѣ Лизы, но она не могла не улыбнуться этой шуткѣ, понявъ, что посылка

съ лакомствами послана ей ея новымъ знакомцемъ-докторомъ, лѣчившимъ ея маму.

Первый звонокъ прервалъ мысли Лизы. Павелъ Ивановичъ, пріѣхавшій немного позднѣе со своей супругой и Григоріемъ Григорьевичемъ Томинымъ, построилъ дѣтей въ пары и подъ предводительствомъ Люси послалъ ихъ садиться въ вагонъ. Лиза помѣстилась по сосѣдству съ Маріанной въ самомъ дальнемъ углу купе. Мальчики въ обществѣ г. Сатина и Томина заняли сосѣднее отдѣленіе, за исключеніемъ маленькаго Павлика, который былъ помѣщенъ въ одномъ отдѣленіи съ матерью.

Вслѣдъ за третьимъ звонкомъ поѣздъ тронулся. Провожавшіе дѣтей родные пошли слѣдомъ за нимъ по платформѣ, махая платками и крича послѣднія напутствія. Лиза невольно подумала въ эту минуту, что охотно бы отдала всѣ лакомства, присланныя ей добрымъ докторомъ, лишь бы только увидѣть, хотя на одну минутку, свою милую, дорогую мамочку, оставшуюся теперь совсѣмъ одинокой въ большомъ и скучномъ городѣ.

ГЛАВА XVII.

На новомъ мѣстѣ. Сестры.

ДОРОГА отъ Петербурга до В. показалась всѣмъ дѣтямъ очень долгой и скучной. Анна Петровна Сатина не покидала ихъ ни на минуту, а дѣти, боявшіяся строгой директорши, всю дорогу говорили шопотомъ и старались вести себя такъ, чтобы какъ можно меньше обращать на себя ея вниманіе. Лиза угощала все маленькое общество своими лакомствами, не забывая предлагать ихъ и Мэри, которая, однако, отталкивала ихъ и нѣсколько разъ презрительно заявляла, что она ѣстъ только кондитерскіе торты и конфеты, потому что у нея очень тонкій вкусъ. За то Павликъ, обожавшій сладкое, ни разу не отказался отъ предложеннаго ему Лизой угощенія.

— Это ничего, что Мэри не хочетъ ѣсть твоихъ гостинцевъ,—утѣшалъ онъ по-своему Лизу,—я охотно съѣмъ ея порцію, только ты не грусти, голубушка Лиза!

Черезъ двое сутокъ дѣти благополучно пріѣхали въ В. Былъ темный зимній вечеръ. Фонари горѣли только

на главныхъ улицахъ, да и то такъ слабо и тускло, что почти не освѣщали ихъ. Извозчиковъ всѣхъ разобрали другіе пассажиры и приходилось идти пѣшкомъ. Дѣтей выстроили парами и повели темными улицами, черезъ весь городъ, на площадь, гдѣ находился театръ и домъ, нанятый господиномъ Сатинымъ для помѣщенія труппы.

Усталые, иззябшіе добрались они, наконецъ, до своего новаго жилья, гдѣ ихъ ждали ужинъ и теплыя постели. Проголодавшіеся путешественники жадно накинулись на ѣду, послѣ чего, еле живые отъ усталости, разошлись по своимъ постелямъ. Дѣвочки размѣстились въ томъ же порядкѣ, какъ и въ Петербургѣ, только Павликъ, привыкшій за все время дороги не разлучаться съ Валей, началъ хныкать и капризничать, требуя, чтобы его оставили въ спальнѣ дѣвочекъ.

М-lle Люси стала было уговаривать расходившагося ребенка, но разъ Павликъ что-нибудь рѣшалъ, измѣнить его рѣшеніе уже не было никакой возможности.

Слезы и всхлипыванія его мало-по-малу перешли въ ревъ, ревъ въ рыданья.

— Боже мой,—зажимая уши, вскричала Аля Большая, разбитая усталостью,—да перестанешь-ли ты, Павликъ? Вѣдь опять меня пошлютъ въ аптеку, если ты будешь ревѣть, а я не знаю, гдѣ здѣсь аптека, да и устала до смерти. Ужь сдѣлай милость, не реви.

— Вотъ несносный мальчишка,—зашипѣла изъ своего угла Мэри,—ну, скажи на милость, чего ты ревешь, какъ зарѣзанный теленокъ?

— Зарѣзанные телята не могутъ ревѣть, потому что они не живые,—протянулъ Павликъ, всхлипывая уже черезъ силу, такъ какъ ему на самомъ дѣлѣ вовсе не хотѣлось плакать.

Какъ-разъ въ эту минуту вошла Анна Петровна Сатина посмотрѣть, какъ устроились дѣвочки.

Лиза, уставшая и измучившаяся не меньше другихъ, завернулась было въ одѣяло съ головкой, чтобы не слышать рева Павлика и храпа мальчиковъ, доносившагося изъ сосѣдней комнаты, какъ вдругъ почувствовала, что кто-то легонько трясетъ ее за плечо. Она быстро вскочила и протерла глаза, начинавшіе было сильно слипаться.

— Тсс! это я, Маріанна,—послышалось съ сосѣдней кровати,—я хотѣла напомнить тебѣ, что завтра ты выступаешь первый разъ на сценѣ. Ты не забыла?

— Не забыла,—отвѣчала Лиза, которая ужасно волновалась всю дорогу за завтрашній день.

— И тебѣ не страшно?—допытывалась у нея Маріанна.

— Ахъ, страшно,—чистосердечно призналась Лиза.

Она, дѣйствительно, очень трусила завтрашняго представленія.

— Я понимаю тебя,—сочувственно проговорила Маріанна,—я такъ-же боялась, какъ и ты, когда въ первый разъ играла добрую фею въ Золушкѣ. А потомъ понемногу привыкла. А знаешь-ли,—помолчавъ немного, снова проговорила она,—какъ я перестала бояться?

— Нѣтъ, не знаю.

— Весь мой страхъ миновалъ, когда Витя дога-

дался перекрестить меня передъ выходомъ на сцену. Теперь каждый разъ, когда я играю, Витя дѣлаетъ это, и я совсѣмъ перестала трусить. Хочешь, я тебя буду крестить, чтобы ты также не боялась?

— О, да,—произнесла чуть слышно растроганная Лиза.—И какая-же ты добрая, Маріанна, и какъ я люблю тебя за это!

— Нѣтъ, ты не знаешь меня, я вовсе не добрая, тебѣ это только такъ кажется, Лиза,—покачала головкою дѣвочка.—Вотъ Мэри я бы не перекрестила ни за что, потому что терпѣть ея не могу. А тебя мнѣ жаль. Мнѣ легко здѣсь живется, потому что со мною мой братъ, который въ случаѣ надобности и защититъ меня, и поговоритъ со мною обо всемъ. А ты совсѣмъ одинока и такая еще тихонькая и кроткая. Тебя каждый можетъ обидѣть. Знаешь, что я придумала: хочешь, я буду твоей сестрой, а Витя твоимъ братомъ? Онъ такъ-же будетъ заступаться за тебя, какъ и за меня, и мы всѣ трое будемъ дѣлиться всѣмъ, что у насъ есть. Хочешь?

— Конечно, хочу,—радостно прошептала Лиза,—конечно, хочу. И какъ мнѣ только отблагодарить тебя за это, Маріанна?

— Никакъ не надо меня благодарить,—возразила та,—потому что никакихъ благодарностей не можетъ быть между сестрами. Я вѣдь предложила тебѣ быть моей сестрой. Только ты подвинься немного и дай мнѣ мѣсто въ твоей постели, а то мнѣ что-то жутко здѣсь на новомъ мѣстѣ. Я порядочная трусиха, знаешь-ли! Можно лечь съ тобой рядомъ?

— Конечно, можно,—поторопилась отвѣтить Лиза и отодвинулась въ самый дальній уголъ постели.

Маріанна перепрыгнула къ ней со своей кроватки и, спрятавшись подъ одѣяло, обѣ дѣвочки крѣпко поцѣловались въ знакъ заключенія новой, неразрывной дружбы между ними.

Минутъ черезъ 15 онѣ крѣпко спали безмятежнымъ, безъ всякихъ грезъ и сновидѣній, дѣтскимъ сномъ.

ГЛАВА XVIII.

Первый выходъ.

ОГРОМНЫЙ театръ сіялъ огнями. Къ подъѣзду то и дѣло подкатывали экипажи, подходили пѣшеходы, и нарядная и скромная публика со смѣхомъ и шутками скрывалась за тяжелыми дверьми театра.

На большой афишѣ, прибитой къ дверямъ, было написано крупными буквами, раскрашенными въ красный, синій, зеленый и желтый цвѣта:

ДѢТСКІЙ ТЕАТРЪ САТИНА

СЕГОДНЯ

ДѢТСКОЙ ТРУППОЙ АРТИСТОВЪ ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА

БУДЕТЪ ПРЕДСТАВЛЕНО:

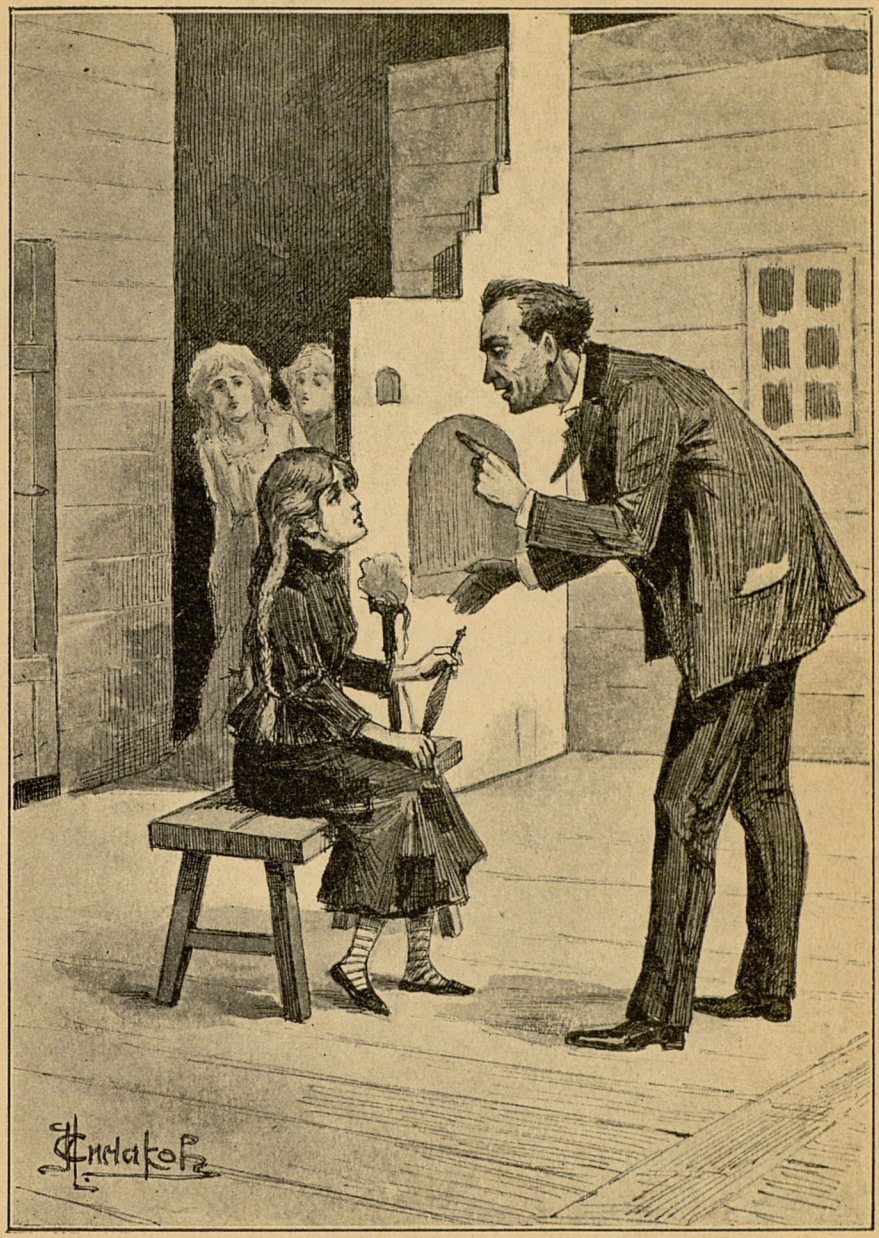
=ЗОЛУШКА.=

Большая феерія въ 4 дѣйствіяхъ и 5 картинахъ съ удивительными превращеніями и апоѳеозомъ.

Первый выходъ новой актрисы

m-lle ЭЛЬЗЫ.

Еслибъ скромная, маленькая Лиза видѣла, какъ самая избранная публика тѣснится у афиши, чи-



—Помни же: ты больше не Лиза Окольцева, а бѣдная Золушка...

тая ея имя, она навѣрное бы страшно оробѣла. Но къ счастью, Лиза ничего не видала и не слыхала, потому что сидѣла передъ зеркаломъ въ маленькой уборной и подставляла безропотно свою золотистую головку искуснымъ рукамъ Люси, которая заплетала ея густые волосы въ двѣ ровныя толстыя косички.

Лиза была уже одѣта въ простенькую коричневую, нарочно заплатанную во многихъ мѣстахъ, юбку и синюю кофточку съ продранными локтями, какія носила бѣдняжка Золушка по желанію ея мачихи.

— Ну, Эльза, ты готова?—раздалось съ порога, и Григорій Григорьевичъ просунулъ голову въ дверь Лизиной уборной.—Помнишь всѣ мои наставленія?—спросилъ онъ,—главное: говори громко и внятно, чтобы тебя было слышно отъ перваго до послѣдняго ряда въ залѣ. Постарайся не робѣть. Роль ты знаешь отлично и ведешь ее превосходно, только не смущайся и не бойся. Вѣдь ты, надѣюсь, не трусишь?

Лиза, конечно, боялась, какъ и всякая другая боялась бы на ея мѣстѣ, но, изъ страха разсердить строгаго режиссера, отвѣтила, что она нисколько не труситъ.

— Ну, то-то-же,—подхватилъ тотъ.—Я знаю, ты у меня молодецъ! Помни одно: бояться будешь,—все дѣло испортишь.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не буду бояться,—поторопилась подтвердить дѣвочка.

— Ну, вотъ и прекрасно,—похвалилъ ее Григорій Григорьевичъ.—А теперь пойдемъ. Слышишь, звонятъ? Черезъ 5 минутъ начало.

И, взявъ трепещущую отъ волненія Лизу за руку, Томинъ повелъ ее на сцену.

— Губернаторъ пріѣхалъ, самъ губернаторъ сидитъ въ ложѣ!—кричалъ, весь запыхавшійся и красный, какъ ракъ, Павелъ Ивановичъ, внезапно появляясь откуда-то.—Ну, Лизочка,—обратился онъ къ дѣвочкѣ,—и счастье же тебѣ такое, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать! Самъ губернаторъ пріѣхалъ посмотрѣть, какъ ты будешь играть. Право!

Но Лизѣ было рѣшительно все равно—будетъ или не будетъ ее смотрѣть губернаторъ, такъ какъ она даже плохо понимала, что это была важная особа, и только усиленно оглядывалась по сторонамъ, отыскивая Маріанну, которая обѣщала придти и перекрестить ее передъ выходомъ на сцену.

Ровно за двѣ минуты до начала пьесы Маріанна появилась откуда-то въ бѣломъ нарядномъ платьѣ доброй волшебницы и, быстро осѣнивъ Лизу крестомъ, прошептала:

— Ну, дай тебѣ Богъ успѣха. Я увѣрена, что ты сыграешь отлично и Мэрька лопнетъ отъ зависти.

— Я ужасно боюсь,—прошептала взволнованная Лиза,—такъ боюсь, что у меня и ноги трясутся, и зубъ на зубъ не попадаетъ.

Дѣйствительно, дѣвочка не переставала дрожать, какъ въ лихорадкѣ.

— Э, пустяки! — вскричала Маріанна, — новенькія всегда трясутся до перваго выхода; у всѣхъ..

— Маріанна, прочь со сцены! Сейчасъ начинаемъ,— раздался строгій окрикъ Григорія Григорьевича, и

дѣвочка, не докончивъ фразы, въ одно мгновенье юркнула за кулисы.

— Ну, Эльза, а ты на мѣсто. Помни же: ты больше не Лиза Окольцева, а бѣдная Золушка, которую всячески притѣсняетъ злая мачиха. Садись сюда и бери въ руки веретено,—говорилъ ободряющимъ голосомъ Григорій Григорьевичъ, усаживая дѣвочку на скамейку.

Лиза двигалась, какъ въ туманѣ, и безсознательно опустилась на указанное мѣсто.

Прошла минута... Продребезжалъ звонокъ—и занавѣсъ съ тихимъ шуршаньемъ взвился кверху.

Первое, что бросилось въ глаза Лизѣ, это—темное пространство, въ которомъ виднѣлись только сотни человѣческихъ головъ съ глазами, направленными къ сценѣ. Всѣ они разсматривали Лизу, не отрываясь отъ нея ни на минуту, точно невиданнаго звѣрька.

Жутко становилось дѣвочкѣ подъ этими взглядами. Если бы не страхъ передъ наказаніемъ—она бы бѣгомъ бросилась со сцены, чтобы уже никогда не возвращаться сюда.

Но въ ту минуту, какъ малодушный порывъ страха охватилъ все маленькое существо Лизы, она услышала шопотъ, ясно доносившійся изъ-за кулисы:

— Ну, не робѣй и начинай-же съ Богомъ!

Лиза покосилась немного въ ту сторону, откуда слышался шопотъ, и увидѣла Григорія Григорьевича, который крестилъ ее издали и ободряющее кивалъ ей головою.

Лиза никогда не замѣчала такого добраго и ласко-

ваго выраженія на всегда холодномъ и строгомъ лицѣ своего начальника. Это придало ей храбрости, она какъ-то стряхнула съ себя разомъ ненужный страхъ и заговорила сначала тихо и робко, потомъ все громче и смѣлѣе.

Въ первомъ дѣйствіи пьесы Золушка трогательно жалуется на свою судьбу. Мачиха и ея дочери держатъ ее въ черномъ тѣлѣ и не даютъ ей ни минуты отдохнуть отъ работы.

Своимъ нѣжнымъ, кроткимъ голоскомъ и прелестнымъ личикомъ, полнымъ ангельской доброты, Лиза очень подходила къ роли несчастной, обиженной Золушки.

— Такъ, такъ, отлично, хорошо! — доносился до нея изъ-за кулисъ тотъ же одобряющій шопотъ Томина, и это одобреніе окончательно прогнало страхъ дѣвочки.

Когда нарядная, блестящая добрая волшебница (которую изображала Маріанна) внезапно предстала передъ глазами Золушки, чтобы превратить ее въ прекрасную принцессу, и Лиза увидѣла милое, улыбающееся ей нѣжно и ласково личико ея названной сестры, боязнь и страхъ ея пропали совершенно и дѣвочка громкимъ и твердымъ голосомъ произнесла, обращаясь къ доброй волшебницѣ:

— О, милая крестная, какъ я рада, что ты пришла ко мнѣ! Мнѣ не съ кѣмъ подѣлиться моимъ горемъ.

— Подѣлись имъ со мною, крестница, — ласково отвѣчала Маріанна-волшебница и быстро прибавила шопотомъ, чтобы слышала одна только Лиза:

— Не бойся, идетъ отлично.

Когда лохмотья Золушки спали при одномъ прикосновеніи волшебной палочки, и Лиза появилась передъ публикой въ бѣломъ нарядномъ платьѣ, затканномъ яркими звѣздами, съ двурогимъ мѣсяцемъ на золотистыхъ кудряхъ, тихій шопотъ одобренія пронесся по залѣ.

— Что за прелестная дѣвочка!—ясно слышалось изъ крайней ложи, гдѣ сидѣлъ, окруженный дѣтьми, высокій, красивый старикъ въ генеральской формѣ.

Лиза знала, что это ложа губернатора—перваго лица въ городѣ, и ей стало очень пріятно отъ его похвалы.

Первое дѣйствіе кончилось. Занавѣсъ опустился подъ громкіе, шумные апплодисменты публики. Слышались веселые, восторженные дѣтскіе голоса:

— Ахъ, какъ хорошо! Что за прелесть эта Золушка-Эльза! Какъ она играетъ!..

Лиза не успѣвала выходить на сцену и раскланиваться съ апплодирующей ей публикой. Голова у нея кружилась отъ счастья, въ которое она боялась даже повѣрить.

Лишь-только она вошла въ уборную, чтобы поправиться и приготовиться ко второму дѣйствію, чьи-то сильныя руки подняли ее съ полу и кто-то осыпалъ ея лицо самыми нѣжными поцѣлуями.

— Лизочка, дѣточка моя! Какъ ты прекрасно играла. Спасибо, что поддержала стараго директора! Я не ошибся въ тебѣ... Я увидѣлъ сразу, что ты талантливая маленькая дѣвочка и вырастешь на радость и счастье твоей мамѣ и всѣмъ намъ.

— О, Павелъ Ивановичъ,—могла только выговорить Лиза,—безъ васъ, вашихъ уроковъ и занятій Григорія Григорьевича я не могла бы произнести ни слова на сценѣ.

— А Мэри-то, Мэри, видѣла ты ее?—лукаво подмигнулъ старикъ, сдѣлавъ такую смѣшную гримасу, что Лиза весело разсмѣялась.

— Нѣтъ, не видѣла. А что?

— Да она со злости разорвала атласныя туфли, въ которыхъ должна появиться гостьей на балу короля, когда услышала всѣ эти апплодисменты и крики.

— Бѣдная Мэри, ей не легко!—прошептала Лиза, разомъ сдѣлавшись серьезной.

— Вотъ нашла кого жалѣть! Злая, скверная дѣвчонка и подѣломъ несетъ заслуженное наказаніе. Однако, пойдемъ. Сейчасъ надо начинать 2-е дѣйствіе.

Когда Золушка-Эльза вышла на сцену, изображавшую теперь внутренность королевскаго дворца, балъ былъ въ полномъ разгарѣ.

Мэри, танцовавшая въ разорванныхъ туфляхъ въ первой парѣ съ прекраснымъ королевичемъ—Костей Корелинымъ, окинула Лизу сверкающимъ ненавистью взглядомъ. Еще-бы! ей было отъ чего злиться и ненавидѣть Лизу. Когда играла она, Мэри, никто не хвалилъ ее такъ, какъ хвалили новенькую, никогда публика не устраивала ей, Мэри, такого шумнаго пріема, какъ этой «ничтожной дѣвчонкѣ»—какъ называла она Лизу.

— Что, Мэринька, плохо твое дѣло? Разбила тебя

новая Золушка въ пухъ и прахъ,—насмѣшливо произнесъ Витя, улучивъ удобную минуту.

— Еще увидимъ—чья возьметъ,—сердито буркнула себѣ подъ носъ взбѣшенная Мэри,—еще увидимъ!

— Да что ужь тамъ видѣть еще,—не унимался мальчикъ. — И видѣли и слышали и безъ того отлично. И знаешь ли, что тебѣ остается дѣлать? — собирать свои пожитки и ѣхать во-свояси въ Петербургъ.

— Это не твое дѣло, прошу меня не учить, я знаю сама, что мнѣ надо дѣлать!—шипѣла Мэри и съ пылающимъ лицомъ отошла отъ Вити.

Лиза въ своемъ нарядномъ костюмѣ, подъ звуки красивой бальной музыки, совсѣмъ позабыла въ эту минуту, что она не кто иная, какъ маленькая бѣдная дѣвочка, и невольно вообразила себя сказочной принцессой, которую должна была изображать.

Да и въ самомъ дѣлѣ, развѣ съ нею не случилось такъ, какъ можетъ случиться только въ сказкахъ? Ее—бѣдную, голодную дѣвочку—одѣли, обули и пріютили добрые люди. Мало того, всѣ были такъ ласковы къ ней! Ее хвалили и восхищались ею...

«Вотъ, если-бы мама увидѣла меня въ этомъ платьѣ, съ этимъ золотымъ мѣсяцемъ на головѣ,—навѣрное бы она не узнала своей прежней скромной дѣвочки»,—думалось Лизѣ, и ей стало грустно, что она не можетъ подѣлиться своимъ счастьемъ съ своей далекой мамой.

Когда кончилось второе дѣйствіе пьесы, Лиза уже ничуть не волновалась и, по паденіи занавѣса, съ

улыбкой кланялась публикѣ, которая еще больше прежняго апплодировала ей.

Передъ послѣднимъ дѣйствіемъ, когда Лиза, переодѣвшись снова изъ своего наряднаго костюма въ рубище Золушки, какъ это требовалось по ходу пьесы, вышла на сцену, Григорій Григорьевичъ, не сказавшій ей ни слова до сихъ поръ, подошелъ къ дѣвочкѣ и, положивъ ей руку на плечо, проговорилъ серьезно:

— Я до сихъ поръ не хвалилъ тебя, Эльза, чтобы дать тебѣ спокойно докончить начатое дѣло. Но публика, да и деректоръ твой и твои маленькіе друзья оказались менѣе сдержанными и наговорили тебѣ много такого, отъ чего можетъ совсѣмъ закружиться твоя юная головка. Ты недурно играла, это вѣрно. Но этого мало: ты должна работать и работать, чтобы усовершенствовать и развить данный тебѣ Богомъ талантъ...

Громкій звонокъ, призывающій къ послѣднему дѣйствію, прервалъ рѣчь режиссера.

Послѣдній актъ «Золушки» считался самымъ интереснымъ. Въ немъ прекрасный королевичъ, искавшій со своей свитой по всему государству неизвѣстную, полюбившуюся ему принцессу, потерявшую башмачокъ на его балу, заходитъ случайно и въ домъ Золушкиной мачихи и примѣряетъ башмачокъ на ноги ея дочерей.

Но башмачокъ, разумѣется, не впору злымъ и коварнымъ мачихинымъ дочкамъ.

— Нѣтъ, это не она,—съ грустью говоритъ королевичъ, пряча волшебный башмачокъ снова въ кар-

манъ.—Нѣтъ-ли у васъ въ домѣ еще молодой особы, которой бы можно было примѣрить башмачокъ?

— О нѣтъ,—отвѣчаетъ Кэтъ, игравшая злую мачиху,—нѣтъ никого, кромѣ моей падчерицы Золушки, которая нигдѣ никогда не показывается, такъ она безобразна и неряшлива.

— Въ такомъ случаѣ, я хотѣлъ бы видѣть вашу падчерицу,—восклицаетъ королевичъ-Костя.

— Ее нельзя видѣть,—возражаетъ мачиха-Кэтъ.—Какъ можно показывать вашей свѣтлости такую чумичку? Она чиститъ картофель на кухни и навѣрное вся перепачкана имъ такъ, что одинъ ея видъ можетъ оскорбить свѣтлыя очи вашей королевской чести.

— Я непремѣнно хочу видѣть вашу падчерицу!—воскликнулъ королевичъ и бросился во внутреннія комнаты—искать Золушку.

Когда онъ вывелъ ее, дѣйствительно запачканную и оборванную, на сцену, съ прилипшей къ ней шелухой картофеля и собственноручно примѣрилъ ей башмачокъ,—всѣ—и мачиха, и сестры, и свита—изумились: башмачокъ оказался какъ-разъ впору Золушкѣ. Когда же Золушка опустила руку въ карманъ и вынула изъ него второй такой же башмачокъ, — восторгу королевича не было конца. Онъ взялъ ее за руку и назвалъ передъ всѣми своей женою.

Въ ту же минуту появилась добрая волшебница и превратила Золушку однимъ движеніемъ волшебной палочки въ прежнюю красавицу-принцессу.

Пьеса кончилась—и занавѣсъ опустили подъ неумолкаемый шумъ апплодисментовъ въ зрительной залѣ.

ГЛАВА XIX.

Еще новое знакомство съ важными лицами.

Не успѣла еще Лиза, при помощи Мальвины Петровны, снять свой блестящій нарядъ принцессы, какъ въ уборную вбѣжала Анна Петровна Сатина и, вся красная отъ волненія, прокричала:

— Скорѣе, скорѣе одѣвайте дѣвочку, ее требуетъ самъ губернаторъ.—И стала помогать снимать съ Лизы ея театральный костюмъ и торопливо застегивать на ней ея форменное сѣрое платьице.

Черезъ пять минутъ дѣвочка вышла за руку съ Анной Петровной на сцену, гдѣ уже собралась и выстроилась вся труппа, во главѣ съ Павломъ Ивановичемъ, передъ тѣмъ сѣдымъ генераломъ, лицо котораго Лиза замѣтила въ крайней ложѣ.

Два мальчика въ бѣлыхъ матросскихъ курткахъ вертѣлись тутъ же, заговаривая то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ маленькихъ актеровъ.

— Сколько тебѣ лѣтъ, малютка?—обратился губернаторъ къ Лизѣ, поднимая за подбородокъ ея го-

ловку своей бѣлой, мягкой рукой и глядя ей въ глаза ласковыми, добрыми глазами.

— Десять лѣтъ,—отвѣчала дѣвочка, ничуть не робѣя подъ этимъ взглядомъ.

— Надо сказать: «ваше превосходительство»,—подсказала Лизѣ стоявшая подлѣ нея Анна Петровна Сатина.

— Ваше превосходительство,—машинально повторила Лиза за своей директоршей.

— Десять лѣтъ и такъ играетъ!—удивился губернаторъ.—Да знаешь ли, дѣвочка, что изъ тебя можетъ выйти прекрасная актриса!

— Дай Богъ, ваше превосходительство,—вмѣшался въ разговоръ Павелъ Ивановичъ, такъ и сіявшій отъ радости за свою любимицу.—Дай Богъ, потому что мы всѣ полюбили Эльзу за ея добрый характеръ.

— Такъ вотъ что,—весело проговорилъ губернаторъ,—мало того, что ты прекрасная маленькая актриса, а ты еще и хорошая дѣвочка! Не ожидалъ, чтобы ты совмѣщала въ себѣ столько достоинствъ. Хорошія дѣла и доброе сердце награждать нельзя, но все-таки мнѣ хочется сдѣлать тебѣ маленькое удовольствіе. Возьми эту бездѣлку отъ стараго генерала, которому доставила столько удовольствія своей игрой.—И, говоря это, губернаторъ вложилъ въ руку дѣвочки блестящій новенькій червонецъ.

Лиза вспыхнула отъ удовольствія и низко присѣла передъ нимъ.

«Это для мамы»,—тутъ же подумала она, крѣпко зажимая монету въ ладони.

— Ну, до свиданья, до слѣдующаго представленія. Посмотримъ, такъ ли ты отличишься въ слѣдующій разъ, какъ сегодня,—произнесъ губернаторъ, погладивъ Лизину головку.

Потомъ, попрощавшись съ маленькой труппой и ея начальствомъ, генералъ ушелъ со сцены.

— Ну, будущая знаменитость,—тихонько шепнулъ Костя Корелинъ Лизѣ, когда они садились въ карету для обратнаго пути,—пожалуйста не забудь насъ, бѣдненькихъ, въ твои лучшіе дни. Чего добраго, встрѣтишь и кланяться не пожелаешь.

— Ахъ, что ты!—искренно вырвалось изъ груди Лизы,—я васъ всѣхъ такъ полюбила за это время!

— И даже Мэри?—лукаво сощурившись, спросилъ сидѣвшій противъ нихъ Ника.

— Ну, нѣтъ... Мэри не очень,—искренно созналась Лиза, вызывая этимъ дружный смѣхъ ея друзей.

Мэри ѣхала въ другой каретѣ и не могла слышать того, что о ней говорили, а то бы это окончательно вывело изъ себя и безъ того разсерженную дѣвочку.

Лиза была безконечно довольна своей судьбой въ этотъ вечеръ. Одного только, казалось, не хватало ей для полнаго счастья: присутствія ея дорогой, милой, далекой мамы.

ГЛАВА XX.

Исторія одного торта.

ПРИБЛИЖАЛОСЬ 15-ое декабря—день рожденія Анны Петровны Сатиной, который она справляла ежегодно съ большой торжественностью. Въ этотъ день дѣти были свободны. Дѣтскіе спектакли давались только два раза въ недѣлю, а остальные дни посвящались репетиціямъ новыхъ пьесъ, ученію ролей, школьнымъ занятіямъ съ Анной Петровной и урокамъ пѣнія и танцевъ, для которыхъ ходилъ особый учитель.

15-го уроковъ не было. Даже урокъ танцевъ перенесли на 16-ое, чтобы дѣти могли какъ слѣдуетъ отпраздновать семейный праздникъ ихъ начальства.

Съ утра въ кружкѣ Сатина поднялось оживленіе и суматоха. Всѣ члены маленькой труппы пожертвовали кто сколько могъ изъ своего жалованья и поднесли на сложившуюся немалую сумму чудесный тортъ начальницѣ.

Даже Лиза, у которой не накопилось еще пока заработанныхъ денегъ, отдѣлила немного отъ суммы,

данной ей губернаторомъ, и внесла въ общую складчину свою долю. Остальныя деньги она отослала по почтѣ въ больницу, на имя своей матери, при помощи хромого Володи, готоваго всегда на всякія услуги.

Тортъ оказался великолѣпнымъ. Даже всегда строгая и хмурая директорша, увидя вниманіе къ себѣ своей трупы, просіяла.

Дѣтей угостили чудеснымъ обѣдомъ, ради торжественнаго дня, и напоили шоколадомъ. Потомъ Анна Петровна Сатина раздѣлила тортъ по числу дѣтей и дала по большому ломтю каждому изъ нихъ.

— Еслибъ насъ каждый день такъ кормили!—мечтательно произнесъ Мишукъ, ужасный сластена, въ одну минуту уничтожая свою порцію.

— Вотъ чего захотѣлъ,—пошутилъ Ника,—тогда бы поминутно приходилось бѣгать въ аптеку, потому что Павликъ, конечно, наѣлся бы до-отвалу и у него былъ бы вѣчно разстроенный желудокъ.

Но на этотъ разъ Павликъ, однако, удивилъ всѣхъ своимъ воздержаніемъ. Онъ громко заявилъ, что не будетъ ѣсть торта, такъ какъ наугощался въ достаточной мѣрѣ всякими другими лакомствами, и что оставитъ свою порцію на слѣдующій день. Съ этими словами онъ взялъ тарелку со своимъ кускомъ торта и отнесъ ее въ спальню, гдѣ и поставилъ на ночной столикъ у своей постели.

Весь вечеръ дѣти играли въ разныя игры. Даже Мэри, ходившая послѣднее время надутая и сердитая, какъ-будто немного развеселилась. Правда, она тщательно избѣгала смотрѣть на Лизу и какъ бы не за-

мѣчала ея. Когда, во время игры въ фанты, Лиза нечаянно коснулась Мэри, дѣвочка отдернула отъ нея пальцы, словно ужаленная этимъ прикосновеніемъ, и потомъ долго терла руку носовымъ платкомъ, точно на ней остались какіе-нибудь слѣды отъ руки Лизы.

— Какъ тебѣ не стыдно, Мэри,—покачала головой серьезная не по лѣтамъ Роза:—ты этимъ обижаешь Эльзу.

— А развѣ ваша хваленая Эльза не оскорбила меня и не обидѣла въ тысячу разъ сильнѣе?—разсердилась Мэри.

— Чѣмъ, чѣмъ, скажи?—вмѣшалась въ разговоръ Маріанна, всегда готовая вступиться за свою названную сестру.

— Чѣмъ, чѣмъ!—передразнивала ее Мэри.—Отстань хоть ты-то, пожалуйста, отъ меня! Всѣ вы ужасно глупы, потому что носитесь съ вашей Эльзой, какъ съ писаной торбой. А вотъ увидите, она еще покажетъ себя...

Лизѣ было и горько, и непріятно слышать Мэри. Она уже готовилась-было подойти къ говорившимъ и по своему доброму сердечку, не терпѣвшему раздора, увѣрить Мэри, что она совсѣмъ напрасно сердится на нее.

Но въ ту минуту, когда Лиза двинулась-было по направленію трехъ говорившихъ дѣвочекъ, въ классъ вошелъ Павелъ Ивановичъ, держа высоко надъ головою бѣленькій конвертикъ и весело размахивая имъ.

— Кому-то радость! кому-то счастье!—лукаво подмигивая Лизѣ, произнесъ онъ.

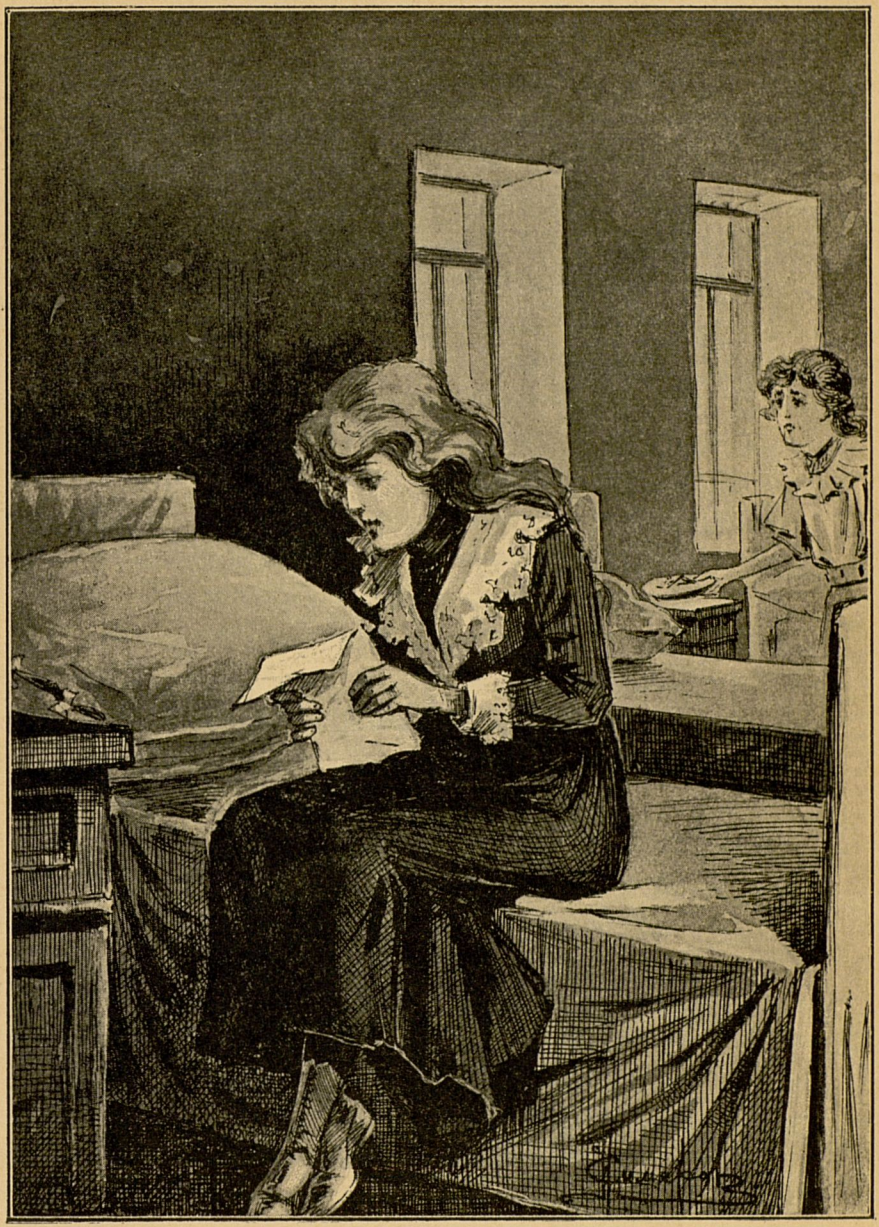
— Письмо мнѣ?—боясь повѣрить, воскликнула дѣвочка.—О, дайте мнѣ его скорѣе, Павелъ Ивановичъ!

И всегда робкая и застѣнчивая даже съ такимъ добродушнымъ человѣкомъ, какимъ былъ ея начальникъ, Лиза на этотъ разъ обрадовалась и взволновалась настолько, что чуть ли не вырвала изъ его рукъ письма.

— Ой, ой, руку чуть не оторвала, вотъ вамъ и тихоня!—воскликнулъ со смѣхомъ директоръ.—Ай да Эльза! ай да овечка!

Но Лиза уже ничего не слыхала. Прижимая къ груди драгоцѣнное письмо, она бросилась съ нимъ въ спальню и тутъ только, взобравшись на свою постельку, гдѣ столько разъ молилась Богу о томъ, чтобы получить хоть вѣсточку отъ мамы, распечатала конвертъ и принялась читать.

«Милая моя, родная Лизочка!—писала мама.—Вотъ уже третій день, какъ я выписалась изъ больницы и, благодаря добротѣ старшаго доктора, который оказалъ тебѣ однажды услугу, я сразу попала на мѣсто. Николай Николаевичъ Ворскій (такъ зовутъ моего благодѣтеля) предложилъ мнѣ мѣсто у себя. Я должна шить на его маленькую дочь Зою и ухаживать за нею. Она, бѣдняжка, калѣка: у нея параличъ ногъ и никогда, никогда она не будетъ въ состояніи ходить и бѣгать, какъ другія дѣти. Я вожу ее по комнатамъ въ маленькой колясочкѣ. Бѣдная малютка сразу привязалась ко мнѣ и мы стали съ нею большими друзьями. Часто я говорю съ нею о тебѣ, моя дѣточка, и она уже заочно тебя полюбила. Твое письмо, дорогая



Между тѣмъ она была не одна...

моя крошка, со вложеніемъ денегъ, подаренныхъ тебѣ добрымъ губернаторомъ, я получила. Спасибо тебѣ, моя Лиза. Этотъ подарокъ еще разъ доказываетъ мнѣ, какъ ты любишь меня, моя дочурка. Я спрятала эти деньги... Онѣ послужатъ началомъ нашихъ сбереженій для будущей совмѣстной жизни. Еслибъ ты знала, дѣточка, какъ я мечтаю объ этомъ!

Радуюсь за тебя, что тебя окружаютъ добрые, хорошіе люди, которые такъ заботятся о тебѣ. Я молюсь за нихъ ежедневно Богу. Порадовалась я и твоему успѣху. Только, ради Бога, моя дорогая дѣтка, не придавай ему значенія и не гордись дарованіемъ, даннымъ тебѣ Богомъ. Лучше не имѣть никакихъ талантовъ да быть доброй, чуткой, сердечной дѣвочкой.

Я ужасно боюсь, чтобы постоянныя похвалы окружающихъ не избаловали тебя. Оставайся такой, какою ты была до сихъ поръ у меня. Молись почаще Богу, Лиза моя, помни, что въ Немъ вся твоя защита и надежда.

Ну, Христосъ съ тобою. Цѣлую тебя несчетное число разъ, моя крошка. Зоя зоветъ меня. Пора кончать.

«Твоя мама».

«P. S. Зоя, узнавъ, что я пишу тебѣ, посылаетъ тебѣ поклонъ и поцѣлуй. Она очень милая дѣвочка».

Нѣсколько разъ подъ-рядъ прочитала Лиза дорогое письмецо. Она не замѣчала, какъ слезы тихо текли по ея щекамъ и капали на мелко исписанныя странички письма. Не замѣчала она и того, что происходило вокругъ нея. А между тѣмъ она была не одна.

Занятая чтеніемъ своего письма, Лиза и не слышала, какъ въ спальню вошла Мэри и, убѣдившись, что Лиза погружена въ свое занятіе, стала безшумно красться къ постели Павлика, подлѣ которой на ночномъ столикѣ находилась тарелка съ тортомъ. Преспокойно взявъ тортъ съ тарелки, Мэри такъ-же безшумно удалилась изъ спальни, какъ и вошла.

Съѣсть тортъ до послѣдней крошки въ самомъ дальнемъ углу коридора, тщательно обтереть ротъ и руки и какъ ни въ чемъ не бывало присоединиться къ играющимъ дѣтямъ—было для Мэри дѣломъ нѣсколькихъ минутъ. Никакое раскаяніе не мучило ее, казалось. Напротивъ того, въ этотъ вечеръ она была гораздо веселѣе и добрѣе обыкновеннаго. Ни разу не раздразнила Вали, не повздорила съ Витей, съ которымъ они постоянно ссорились изъ-за всякаго пустяка, и даже выучила Павлика дѣлать пѣтушковъ изъ бумаги, чѣмъ сразу подкупила не помнящаго зла мальчика.

— Что это съ Мэри?—удивлялись дѣти,—точно кто подмѣнилъ ее намъ.

— Она стала премилая. И знаешь, даже не щиплется больше,—радостно проговорила малютка Валя на ушко своему другу Павлику.

И, глядя на Мэри, они даже раскаивались въ томъ, что считали ее такой злой, а иной разъ и обижали ее несправедливо, подозрѣвая одно только дурное во всѣхъ ея поступкахъ.

ГЛАВА XXI.

Обвиненіе.

— КТО взялъ мой тортъ? У меня былъ тортъ на ночномъ столикѣ!—завопилъ не своимъ голосомъ Павликъ, входя вмѣстѣ съ дѣвочками въ спальню послѣ ужина и вечерней молитвы.

— Что ты кричишь, Павликъ?—благоразумно остановила его Роза,—ты вѣрно съѣлъ тортъ и позабылъ объ этомъ.

— Съѣлъ тортъ!—вскричалъ еще громче возмущенный Павликъ,—съѣлъ тортъ! Да если бы я съѣлъ его хоть кусочекъ, то могъ бы разсказать тебѣ, какой онъ на вкусъ. Но я не ѣлъ торта, увѣряю тебя!

— Ну, значитъ его съѣли крысы,—разсудила спокойная Мими и какъ ни въ чемъ не бывало стала укладываться въ свою постельку.

— Съѣли крысы! ты говоришь, что съѣли крысы?—не унимался Павликъ, заливаясь потокомъ слезъ.—О, безсовѣстныя!

— Не вини понапрасну бѣдныхъ крысъ, Павликъ,— самымъ сладенькимъ голоскомъ произнесла,

внезапно откуда-то вынырнувшая, Мэри,—настоящія крысы, то-есть тѣ, у которыхъ четыре ноги и сѣрый хвостъ, не при чемъ. Твой тортъ скушала совсѣмъ особенная крыса, очень хорошенькая, но которая живетъ не подъ поломъ, а здѣсь между нами.

— Между нами?—и Павликъ раскрылъ ротъ отъ недоумѣнія и разомъ пересталъ плакать.

— Ну да, или ты находишь, что Лиза Окольцева не похожа на такую крысу?

— Лиза Окольцева? — переспросилъ изумленный Павликъ.

— Кто зоветъ меня? Я здѣсь,—послышался нѣжный голосокъ Лизы, откликнувшейся на свою фамилію.

— А! ты здѣсь, тѣмъ лучше!—вскричала Мэри, вся красная отъ волненія.—Слушайте-же, господа,—крикнула она громко, обращаясь къ дѣтямъ, обступившимъ ее въ ожиданіи разъясненія этихъ странныхъ словъ,—слушайте: я видѣла своими собственными глазами, какъ Эльза ѣла тортъ Павлика.

Если бы стѣны разступились въ эту минуту, Лиза была бы не болѣе поражена, нежели услышавъ обвиненіе Мэри. Она даже не испугалась нисколько—до того неожиданно и нелѣпо было оно.

Но если сама Лиза сознавала свою правоту, то другія дѣти не знали истины и ждали объясненія со стороны Лизы.

— Ну, что-жъ ты молчишь?—вскричала Кэтъ, пріятельница Мэри, также не любившая Лизу.—Говори: ты съѣла тортъ Павлика?

— Да, да, говори-же! говори скорѣе!—послышалось со всѣхъ сторонъ.

Но Лиза молчала, изумленная еще болѣе этимъ страннымъ и неожиданнымъ вопросомъ со стороны ея друзей.

Тогда Маріанна выдвинулась впередъ и, обводя сердитыми глазами своихъ подругъ, проговорила:

— Какъ вамъ не стыдно слушать Мэри! Или вы не знаете эту злую дѣвочку? И какъ вы могли повѣрить ей на секунду, что Лиза могла съѣсть чужой тортъ?

— А тогда зачѣмъ же она цѣлый вечеръ провела въ спальнѣ, пока мы играли? что она дѣлала тамъ? И вѣдь въ спальню за цѣлый день никто не входилъ, кромѣ Павлика, который принесъ тортъ, и Окольцевой,—продолжала Мэри злорадно. — Ну-ка, Эльза,—обратилась она къ Лизѣ,—скажи: что ты дѣлала цѣлый вечеръ въ спальнѣ?

— Я читала письмо,—тихо отвѣчала Лиза.

— Какъ! цѣлый вечеръ?—насмѣшливо произнесла Кэтъ, явно державшая сторону Мэри.

— Да, я его перечла нѣсколько разъ,—смущенно произнесла Лиза.

— И выучила наизусть, конечно, — продолжала тѣмъ же тономъ Мэри.—Но прекрасно, если даже и такъ, то на это понадобилось бы самое большое часъ времени, а остальные часы что вы изволили тамъ дѣлать? Мы ждемъ отвѣта.

Лиза молчала. Ей не хотѣлось разсказывать злой дѣвочкѣ о томъ, что она замечталась о мамѣ и ихъ

будущемъ, когда онѣ сами будутъ жить вмѣстѣ, не разлучаясь никогда въ жизни. Да врядъ ли кто-бы и повѣрилъ въ эту минуту такому объясненію.

— Ну, хорошо, пусть Окольцева увѣряетъ, что она «продумала» цѣлый вечеръ,—упорствовала Мэри,— но пусть она скажетъ также, что никто не входилъ въ комнату, пока она была тамъ, и что тортъ былъ на ночномъ столикѣ, когда она туда вошла. Вѣдь былъ?—обратилась Мэри къ Лизѣ, пытливо уставляясь на нее глазами.

— Да, былъ,—тихо отвѣчала Лиза, припомнивъ, что дѣйствительно видѣла тортъ на тарелкѣ, когда вбѣжала въ спальню прочесть письмо.

— И при тебѣ туда никто не входилъ?—продолжала допрашивать ее Мэри.

— Не входилъ,—еще тише прошептала Лиза.

— Ну, значитъ, тортъ съѣла она,—громко заявила дѣвочка, обводя все юное собраніе торжествующимъ взглядомъ.

— Да, она! она! кому же больше?—подтвердила за нею и Кэтъ.

Дѣти молчали. Лиза, смущенная и блѣдная, стояла между ними, дѣлая усилія надъ собою, чтобы не разрыдаться отъ незаслуженной обиды.

Но когда Павликъ подошелъ къ ней со словами:

— Ахъ, Лиза, зачѣмъ ты его съѣла! Если онъ такъ нравился тебѣ, ты бы сказала мнѣ, и я отдалъ бы тебѣ половину.

Лиза не выдержала и разрыдалась навзрыдъ.

— Что такое? Что случилось?—спросила прибѣжавшая на шумъ Анна Петровна.

— Ничего особеннаго,—спокойно отвѣчала Мэри,—если не считать особеннымъ то, что въ нашемъ кружкѣ появилась воровка.

— Что? что такое? воровка? что ты говоришь?—взволновалась директорша.—Я хочу все узнать толкомъ, говори-же, въ чемъ дѣло.

Но Мэри и безъ просьбы начальницы разсказала бы ей все. Она подробно пояснила въ чемъ дѣло, снабжая свой разсказъ новыми прикрасами и подробностями.

Когда она кончила, Анна Петровна Сатина взглянула на Лизу пристальнымъ, недобрымъ взглядомъ и проговорила сурово:

— Такъ-то ты отблагодарила твоего благодѣтеля Павла Ивановича за все его добро, сдѣланное тебѣ? Такъ вотъ ты какая! Притворялась тихоней, а на самомъ дѣлѣ оказываешься хуже и вреднѣе самой послѣдней шалуньи... Тебѣ не мѣсто быть въ обществѣ дѣтей. Съ сегодняшняго же вечера ты будешь спать, ѣсть и учиться въ отдѣльной комнатѣ. А вамъ,—строго закончила начальница, обращаясь къ дѣтямъ,—я разъ навсегда запрещаю разговаривать и играть съ нею.

И съ этими словами она схватила Лизу за руку и вывела ее изъ спальни.

— Вотъ твое новое помѣщеніе,—тѣмъ же суровымъ голосомъ произнесла Анна Петровна, вводя Лизу въ маленькую комнатку подлѣ кухни, гдѣ спала Мат-

рена, пріѣхавшая вмѣстѣ съ пансіономъ г-на Сатина въ В.—И съ этого вечера ты будешь жить здѣсь.

И, оставивъ ее одну въ обществѣ сладко храпѣвшей на своей постели кухарки, Анна Петровна величественно вышла изъ комнаты.

Она стала утѣшать ее...

ГЛАВА XXII.

Она—воровка.

ТЯЖЕЛОЕ чувство охватило Лизу по уходѣ директорши.

— Господи, чѣмъ я виновата!—воскликнула бѣдная дѣвочка и, бросившись на стулъ, горько зарыдала.

Матрена, проснувшаяся отъ ея слезъ, долго не могла понять, что случилось. Но догадавшись по-своему, что Лиза, очевидно, провинилась въ чемъ-нибудь, она стала утѣшать ее, какъ умѣла.

— Не плачьте, барышня, не плачьте, золотая, дай-кось я вамъ постельку сдѣлаю. Вотъ тутъ на моемъ сундукѣ я положу вамъ матрасикъ и такую вамъ кроватку смастерю, что любо-дорого. А плакать не надо. Видно, за дѣло попало-то. А то и безъ дѣла если, все же стерпите.

Ласковое, участливое обращеніе Матрены немного утѣшило Лизу. Она послушалась доброй женщины, раздѣлась и легла въ приготовленную ею постель.

Въ этотъ вечеръ Лиза долго молилась Богу, чтобы

Господь укрѣпилъ ее и помогъ ей нести тяжелую невзгоду, посланную ей судьбою.

Печальное время наступило для дѣвочки. Цѣлый день она проводила у себя въ каморкѣ и только вечеромъ, когда надо было ѣхать въ театръ, выходила оттуда. Дѣти, помня запрещеніе Анны Петровны Сатиной, не разговаривали съ Лизой и даже какъ-будто не замѣчали ея. И дѣвочка, къ ужасу своему, убѣдилась, что они на самомъ дѣлѣ повѣрили въ клевету Мэри и считаютъ ее воровкой.

Даже Маріанна, вызвавшаяся быть ея названной сестрою, и ея братъ Витя—и тѣ разомъ измѣнили свое обращеніе съ Лизой. При дѣтяхъ они держались съ нею такъ же, какъ и остальные, но когда однажды Лиза, похудѣвшая и поблѣднѣвшая за послѣднее время, попалась какъ-то навстрѣчу Маріаннѣ за кулисами театра, послѣдняя, робко оглянувшись по сторонамъ и убѣдившись, что никто ихъ не слышитъ, быстро наклонилась къ уху Лизы и прошептала:

— Мнѣ очень, очень жаль тебя. Не думай, что я тебя разлюбила. Что дѣлать! Это могло съ каждымъ изъ насъ случиться, вѣдь тортъ былъ такъ вкусенъ! А только, разъ это случилось—было бы гораздо лучше съ твоей стороны пойти и повиниться передъ начальницей.

— Какъ! — вскричала изумленная и огорченная Лиза,—какъ? и ты, Маріанна, ты также можешь вѣрить тому, что я съѣла этотъ несчастный тортъ? О, какъ это жестоко, какъ жестоко въ самомъ дѣлѣ!

И Лиза залилась горькими слезами, забывъ о томъ,

что ей надо было сейчасъ съ веселымъ лицомъ выходить на сцену.

Играла Лиза все такъ же хорошо, какъ и въ первый выходъ, и скоро стала общей любимицей. Рѣдкій спектакль проходилъ безъ того, чтобы на сцену не подавалось коробки конфетъ, букета цвѣтовъ или какой-нибудь изящной игрушки отъ кого-нибудь изъ маленькихъ посѣтителей и посѣтительницъ театра. Многія дѣти приставали къ своимъ роднымъ съ просьбами познакомить ихъ съ златокудрой дѣвочкой Эльзой, такъ очаровавшей ихъ своею игрой.

Но всѣ эти радости Лиза охотно промѣняла бы на одну: чтобы начальство и товарищи повѣрили бы въ то, что она не брала торта. А между тѣмъ это было почти невозможно, такъ какъ и Анна Петровна Сатина, и Григорій Григорьевичъ, и Люси, и дѣти, и даже завѣдующая гардеробомъ Мальвина Петровна, искренно полюбившая дѣвочку,—всѣ они не сомнѣвались въ томъ, что злополучный тортъ былъ съѣденъ Лизой.

Одинъ только человѣкъ, казалось, не вѣрилъ въ проступокъ дѣвочки. Часто онъ подолгу останавливался на ней глазами и внимательно разсматривалъ, какъ будто видѣлъ Лизу въ первый разъ въ жизни.

«Нѣтъ, нѣтъ,—думалось ему,—не можетъ она—съ этимъ правдивымъ, честнымъ личикомъ, съ этими кроткими, ясными глазками, быть тѣмъ, чѣмъ ее считаютъ».

Этотъ единственный, думающій хорошо о Лизѣ, человѣкъ былъ Павелъ Ивановичъ Сатинъ. Но Па-

велъ Ивановичъ молчалъ почему-то и не рѣшался выступить на защиту дѣвочки.

Ко всѣмъ горестямъ Лизы прибавилось еще и опасеніе, чтобы добрый старикъ-губернаторъ не узналъ какъ-нибудь о происшествіи съ тортомъ и не измѣнился къ ней такъ же, какъ уже измѣнились всѣ остальные. Но судьба какъ-бы смиловалась въ этотъ разъ надъ нею. Въ первый же спектакль послѣ исторіи съ тортомъ Лиза увидѣла губернатора въ его ложѣ съ обоими сыновьями, и всѣ трое они незамѣтно кивнули ей, лишь только она появилась на сценѣ.

Потомъ губернаторъ прислалъ за дѣвочкой одного изъ сыновей, и Лиза снова услышала похвалу своей игрѣ и получила громадную коробку конфетъ въ губернаторской ложѣ.

Было еще одно лицо, сильно заинтересовавшее Лизу, несмотря на тяжелые дни, которые она переживала.

Это былъ смуглый, высокій, сухой и прямой какъ палка, господинъ въ поношенномъ сюртукѣ, напоминающій своей внѣшностью не то цыгана, не то турка. Господинъ этотъ всегда сидѣлъ гдѣ-нибудь въ послѣднемъ ряду креселъ, но по паденіи занавѣса пробирался къ самой сценѣ и тщательно разглядывалъ Лизу въ то время, какъ она выходила раскланиваться на аплодисменты публики.

У этого господина были черные, какъ уголь, глаза, и Лизѣ, встрѣчавшей на себѣ взгляды этихъ страшныхъ глазъ, невольно дѣлалось жутко. Но господинъ такъ усердно аплодировалъ ей, стоя у са-

мой сцены, и старался улыбаться ей такъ ласково, что Лиза вскорѣ перестала его бояться.

Когда же однажды «черномазый», какъ его прозвали дѣти, подалъ Лизѣ громадную коробку конфетъ по окончаніи спектакля, послѣдній страхъ исчезъ изъ сердца дѣвочки, и она съ улыбкой благодарила незнакомца.

Однако, несмотря на всѣ знаки вниманія, оказываемые публикой, Лиза положительно не находила себѣ мѣста отъ тоски.

Ей было безконечно жаль къ тому же, помимо всѣхъ остальныхъ невзгодъ, терять дружбу Маріанны, которую она успѣла горячо полюбить за это короткое время.

Мамѣ она рѣшила ничего не писать о своемъ несчастномъ житьѣ-бытьѣ.

«Къ чему огорчать ее, дорогую?—думалось Лизѣ.—Пусть вѣритъ, что я счастлива, что мнѣ хорошо живется, и будетъ, по крайней мѣрѣ, спокойна за меня».

И она храбро и стойко переносила свою невзгоду, стараясь скрывать ее отъ всѣхъ, насколько могла.

Она, казалось, даже нѣсколько привыкла и къ своей маленькой каморкѣ подлѣ кухни, и къ холодному обращенію дѣтей, и къ насмѣшкамъ Мэри, не оставлявшей ее теперь ни на минуту въ покоѣ.

Только вечеромъ, ложась въ постельку, она съ каждымъ разомъ молилась Богу все жарче и жарче и просила Его все усерднѣе и усерднѣе избавить ее отъ непосильной для нея тяжести и муки.

ГЛАВА XXIII.

Г-нъ Томазо—
директоръ
странствующей
труппы.

На сценѣ давали «Красную Шапочку». Тотчасъ послѣ перваго дѣйствія Лиза направилась бѣгомъ въ свою уборную, гдѣ ее ждала Мальвина Петровна, чтобы помочь ей переодѣться.

— Эльза,—остановила ее на полдорогѣ Мэри,—мнѣ надо тебѣ сказать два слова.

Лиза, привыкшая уже къ насмѣшкамъ злой дѣвочки, заподозрила и на этотъ разъ какую-нибудь выходку со стороны своего врага и хотѣла было пройти мимо, дѣлая видъ, что не слышитъ Мэри, но послѣдняя съ силою схватила ее за руку и зашептала:

— Постой, не бѣги же. Одинъ добрый человѣкъ хочетъ поговорить съ тобой.

— Добрый человѣкъ?—переспросила удивленная Лиза. — Кто-же это? Я никого не знаю, кто бы могъ теперь быть добрымъ ко мнѣ.

— «Я никого не знаю»,—передразнила ее съ гримасой Мэри.—Переодѣвайся скорѣе, я тебя сведу къ нему, и тогда ты все узнаешь.

— Хорошо,—покорно произнесла Лиза и, поспѣшивъ переодѣться, снова вышла черезъ минуту къ ожидавшей ее у дверей Мэри.

Та, не говоря ни слова, схватила ее за руку и повлекла въ самый дальній уголокъ театра.

— Ты, кажется, дуешься на меня?—говорила она ей по дорогѣ,—дуешься за то, что я открыла твой поступокъ передъ всѣми. Но кто же виноватъ, посуди сама, что ты сластена и польстилась на чужой пирогъ.

— Ахъ, Мэри,—съ тоской проговорила Лиза,—зачѣмъ ты мучаешь меня напрасно! Ты вѣдь знаешь отлично, что я не ѣла этого торта.

— А если не ѣла, то почему же не сказала, что я налгала на тебя?

— Мнѣ бы не повѣрили. Вѣдь я была одна въ спальнѣ...

— Ну, ладно, довольно объ этомъ!—рѣзко оборвала Мэри,—все равно—ни я и никто другой не повѣрятъ тебѣ. Я еще, видишь ли, говорю съ тобою изъ желанія тебѣ добра, а другіе-то, въ томъ числѣ и твоя хваленая Маріанна, и знать тебя не хотятъ!.. Ну, вотъ мы и пришли,—заключила она, толкнувъ какую-то маленькую дверку.

Дверка поддалась сразу, и дѣвочки очутились въ комнатѣ, до верха наполненной разными вещами, нужными для сцены. Тутъ лежали сложенныя въ кучу рыцарскія латы и знамена, ружья и шпаги, стояли красивыя лампы, искусственныя пальмы и сдѣланныя изъ папки фигуры животныхъ и, наконецъ, зеркала и

мебель разныхъ фасоновъ, начиная съ королевскаго трона, обернутаго въ красный кумачъ, и кончая простой садовой скамьей.

Но ничто изъ всей массы вещей не заняло Лизы: войдя, она сейчасъ же обратила вниманіе на высокаго господина, стоявшаго при входѣ дѣвочекъ спиной къ дверямъ. Что-то знакомое показалось Лизѣ и въ этой высокой, прямой фигурѣ и въ потертомъ, лоснящемся сюртукѣ незнакомца. Когда же онъ живо обернулся на голосъ Мэри, Лиза съ удивленіемъ узнала въ немъ «черномазаго», апплодировавшаго ей такъ усердно у барьера сцены.

— Ну, вотъ вамъ и Эльза. Говорите съ нею, пока длится антрактъ,—весело произнесла Мэри.—Только поскорѣе, а то и мнѣ и ей попадетъ отъ начальства, если опоздаемъ на сцену.

Съ этими словами она выбѣжала изъ комнаты, оставивъ Лизу одну въ обществѣ «черномазаго».

— Здравствуйте,—произнесъ тотъ, протягивая дѣвочкѣ большую мохнатую руку съ нечистыми ногтями.—Конечно, маленькая барышня, вы и не догадываетесь, зачѣмъ я попросилъ вашу подругу привести васъ сюда? Времени у насъ мало и потому постараюсь быть краткимъ и толковымъ, а вы, хотя и маленькая барышня, но, должно-быть, очень умненькая, судя по тому, какъ превосходно играете на сценѣ. А если вы настолько умны, какъ кажетесь, то мигомъ поймете свою пользу. И такъ, слушайте. Мое имя Энрико Томазо. Я итальянецъ и у меня есть такой же театръ, какъ и у васъ здѣсь, то-есть, иными сло-

вами, я такой же директоръ дѣтской труппы, какъ и вашъ Павелъ Ивановичъ. Но въ моей труппѣ недостаетъ нѣсколькихъ маленькихъ актеровъ и, чтобы набрать ихъ, я путешествую по разнымъ городамъ. Я видѣлъ васъ, когда вы играли «Золушку» и «Спящую красавицу», вижу и сегодня въ «Красной Шапочкѣ» и нахожу, что вы мнѣ были бы очень полезны въ моей труппѣ. А у меня вамъ будетъ куда лучше, нежели у Сатина. Поэтому я предлагаю вамъ сегодня же пойти къ Сатину и сказать ему, что вы переходите служить въ труппу директора Энрико Томазо.

Все услышанное Лизой отъ ея неожиданнаго знакомаго было такъ странно и внезапно, что дѣвочка въ первую минуту окончательно растерялась и не знала, что отвѣчать.

Черные глаза г-на Томазо между тѣмъ такъ и впились въ нее, ожидая отвѣта. Лизѣ снова стало жутко и непріятно отъ этого взгляда. И въ первый разъ, кажется, она пожалѣла объ отсутствіи Мэри, оставившей ее одну въ обществѣ «черномазаго»

— Вы, можетъ-быть, думаете, Эльза, что я не буду платить вамъ такого жалованья, какое вамъ назначилъ г-нъ Сатинъ?—продолжалъ между тѣмъ г-нъ Томазо, видя ея волненіе.—Но, дитя мое, я вамъ дамъ гораздо больше и обѣщаю самъ исполнять всѣ ваши прихоти и капризы. Къ тому же вамъ не трудно разстаться съ людьми, гдѣ васъ такъ дурно приняли. Мнѣ говорила Мэри объ этой исторіи съ пропавшимъ тортомъ. Ну, даже если-бы вы и взяли кусочекъ, то чтожъ изъ этого?—хитро улыбаясь и прищуриваясь лукаво,

произнесъ г-нъ Томазо,—дѣти любятъ сладкое... Я отлично васъ понимаю... Будь я на мѣстѣ Павла Ивановича, я бы купилъ вамъ десять такихъ тортовъ вдвое лучше и вдвое вкуснѣе.

— О,—прервала его, внезапно пришедшая въ себя при одномъ воспоминаніи о тортѣ, Лиза,— о, я его не брала, увѣряю васъ, что не брала, г-нъ Томазо.

— Ну, вотъ видите ли, тѣмъ хуже для нихъ, они оклеветали васъ! Стало-быть, они дурные люди и вамъ надо ихъ оставить и перейти въ мой театръ.

— О, нѣтъ!—съ жаромъ вскричала Лиза,—это какая-то ошибка: Павелъ Ивановичъ и Григорій Григорьевичъ не злые, нѣтъ, нѣтъ! Павелъ Ивановичъ такъ добръ и ласковъ ко мнѣ! И даже теперь... Онъ точно не вѣритъ тому, что про меня говорятъ другіе. Онъ сдѣлалъ мнѣ столько хорошаго, что я никогда не промѣняю его ни на кого другого.

— Значитъ, вы не согласны поступить ко мнѣ?—внезапно мѣняя тонъ и сверкнувъ загорѣвшимися глазами, вскричалъ незнакомецъ.

— О, нѣтъ, я желаю остаться у Павла Ивановича,—вся задрожавъ отъ этого взгляда, прошептала Лиза и попятилась къ двери.

— Куда вы! стойте!—прогремѣлъ надъ нею грубый голосъ г-на Томазо, и его тяжелая рука опустилась на плечо дѣвочки.—Я въ послѣдній разъ спрашиваю тебя, хочешь ли ты поступить добровольно ко мнѣ въ театръ или нѣтъ?

— Нѣтъ,—еще испуганнѣе прошептала дѣвочка, трепеща передъ высокимъ человѣкомъ.

— А, такъ-то,—скорѣе сердито прошипѣлъ, нежели произнесъ г-нъ Томазо,—такъ знай же, такъ или иначе, а ты будешь у меня. Я заставлю тебя силою уйти отъ Сатина. Увидимъ, что ты запоешь тогда, моя милая.

— Увидимъ,—раздался знакомый голосъ за ними и, разомъ обернувшись къ двери, Лиза увидѣла знакомую плотную фигуру Павла Ивановича на порогѣ комнаты.

Лицо его было блѣдно отъ гнѣва, губы дрожали; онъ смѣло подошелъ къ незнакомому гостю, съ силой сбросилъ его руку съ плеча Лизы и, указавъ ему на дверь, прокричалъ громовымъ голосомъ, какого Лиза никогда еще не слышала у него:

— Вонъ отсюда, бездѣльникъ! И если когда-нибудь еще разъ твоя нога переступитъ порогъ моего театра, тебя упрячутъ въ такое мѣсто, гдѣ ты живо забудешь всѣ свои продѣлки!

Г-нъ Томазо весь какъ-то сжался и, бокомъ проскочивъ мимо разгнѣваннаго директора, какъ пуля вылетѣлъ изъ комнаты.

— Дитя, мое, бѣдное дитя, что мы съ тобой сдѣлали!—прошепталъ Павелъ Ивановичъ, лишь только остался наединѣ съ Лизой, и, широко открывъ объятія, принялъ въ нихъ дрожащую и плачущую дѣвочку.

Онъ далъ ей успокоиться немного, посадилъ ее на колѣни, гладилъ по головкѣ и ласково, ласково говорилъ ей своимъ нѣжнымъ голосомъ:

— Милая... добрая... благородная дѣвочка... Не

хотѣла оставить своего стараго директора, а онъ-то, онъ-то какъ виноватъ передъ тобою! Простишь ли ты его когда-нибудь, крошка? Вѣдь я давно зналъ, моя Лизочка, что ты не можешь быть воровкой, но молчалъ, выжидая, когда сама судьба докажетъ твою невинность. А ты столько времени мучилась и терпѣла, бѣдняжка! Прости ты меня, Эльза, дѣточка моя!

— О, Павелъ Ивановичъ, дорогой, милый...— могла только проговорить взволнованная до глубины души Лиза,—какъ вы во-время пришли сюда!

— Я стоялъ за дверью и все слышалъ,—продолжалъ добрый старикъ,—и то, что предлагалъ тебѣ этотъ бездѣльникъ, и то, что ты ему отвѣчала. И сегодня же я разскажу всей труппѣ о твоемъ благородномъ сердечкѣ и докажу имъ всѣмъ твою невинность въ исторіи съ этимъ глупымъ тортомъ.

— А онъ не можетъ повредить вамъ, Павелъ Ивановичъ?—робко освѣдомилась Лиза, невольно припоминая горящій злобою взглядъ незнакомца, брошенный въ послѣднюю минуту на ея защитника.

— О, милая дѣвочка! она еще безпокоится обо мнѣ, — проговорилъ растроганный Павелъ Ивановичъ —Только тебѣ нечего безпокоиться ни за себя, ни за меня. Этотъ человѣкъ, назвавшій себя директоромъ театра, не кто иной, какъ простой странствующій акробатъ. Онъ ходитъ по дворамъ съ двумя дѣтьми— мальчикомъ и дѣвочкой. Мальчикъ продѣлываетъ всякіе акробатическіе фокусы, а дѣвочка поетъ разныя пѣсенки. Онъ очень плохо съ ними обращается, часто ихъ бьетъ, плохо кормитъ, и все, что заработаетъ—

—Поняли, поняли!—подхватили дѣти...

самъ тратитъ потомъ въ трактирахъ. Послѣднее время его дѣвочка занемогла, и съ нимъ ходитъ одинъ мальчикъ. Я знаю его, потому что онъ приходилъ уже нѣсколько разъ ко мнѣ, прося у меня денежной помощи. Теперь онъ пробрался къ тебѣ съ цѣлью уговорить тебя замѣнить ему заболѣвшую дѣвочку и заставить тебя пѣть за нее по дворамъ. Но никогда, никогда ни за что на свѣтѣ не допущу я ничего подобнаго! И если онъ еще разъ явится сюда,—я сумѣю раздѣлаться съ нимъ такъ, что онъ долго будетъ меня помнить.

Звонокъ, раздавшійся со сцены, прервалъ рѣчь Павла Ивановича. Онъ взялъ Лизу за руку и повелъ ее на сцену.

Счастливая, сіяющая Лиза играла особенно хорошо въ этотъ вечеръ. Она чувствовала, что всѣ ея невзгоды и печали разомъ миновали, и прежняя счастливая жизнь улыбалась ей.

Передъ ужиномъ Павелъ Ивановичъ не пустилъ Лизу въ ея каморку и посадилъ ее рядомъ съ собою за столъ.

— Дѣти, — обратился онъ къ своей маленькой труппѣ, недоумѣвающе смотрѣвшей на него и Лизу,— любите-ли вы меня?

Страшный шумъ отъ смѣшанныхъ криковъ и восклицаній, въ которыхъ, однако, ровно ничего нельзя было разобрать, былъ ему отвѣтомъ.

— Тс-тс-тс!—зашикалъ совсѣмъ оглушенный директоръ,—Бога ради, пожалѣйте мои уши, они еще пригодятся мнѣ, хотя бы для того, чтобы слушать,

какую вы чушь несете со сцены. Отвѣчайте только: любите-ли вы меня?

— Любимъ, любимъ, ужасно любимъ, больше всѣхъ!—раздалось со всѣхъ концовъ стола.

— Ну, а если любите, то и вѣрите, конечно, каждому моему слову?

— Вѣримъ, вѣримъ, конечно, вѣримъ!—подхватили снова дѣти такъ громко, что бѣдному директору снова пришлось зажать уши изъ боязни быть оглушеннымъ.

— Ну, а если вѣрите,—продолжалъ онъ снова, когда шумъ и крики нѣсколько стихли,—то знайте, что Лиза Окольцева не можетъ быть воровкой и никакого торта она не брала и не ѣла. Слышите-ли—не брала... Тортъ Павлика съѣли крысы или у Мэри Ведриной очень странное зрѣніе, и она видитъ то, чего никто другой никогда не увидитъ. Поняли-ли вы меня всѣ?

— Поняли, поняли!—подхватили дѣти и, какъ по командѣ, къ Лизѣ потянулись черезъ столъ болѣе десятка ручонокъ, и нѣсколько паръ дѣтскихъ глазъ остановились на ней съ виноватымъ, молящимъ выраженіемъ.

Одна только Мэри сидѣла надутая и красная, какъ піонъ, съ самымъ скверымъ и смутнымъ чувствомъ на душѣ, не смѣя оторвать взгляда отъ тарелки. Ей было и досадно, и горько, что ея злая продѣлка съ Лизой не удалась ей, какъ она того хотѣла, и послужила только новымъ доказательствомъ кротости и доброты Лизы.

— Прости меня, ради Бога прости, что я повѣ-

рила злой дѣвчонкѣ,—шептала между тѣмъ на ушко Лизѣ ея другъ Маріанна.—Больше никогда, никогда не буду... что бы она ни говорила. Увѣряю тебя!

Но Лиза и не думала сердиться. Она давно забыла все дурное и, счастливая и радостная, готова была даже бѣжать къ Мэри съ ласковымъ объятіемъ и крѣпкимъ поцѣлуемъ.

Въ этотъ вечеръ Лиза послѣ долгаго промежутка времени снова удостоилась привѣтливаго кивка директорши и уснула мирнымъ сномъ въ своей настоящей постели по сосѣдству съ Маріанной.

ГЛАВА XXIV.

Въ рождественскій сочельникъ.

ПРЕЖНЯЯ жизнь снова началась для Лизы. Она сразу позабыла незаслуженную обиду, нанесенную ей невольно, и охотно простила всѣмъ. Въ свою очередь дѣти старались, кто какъ могъ, загладить передъ ней свою вину. Костя Корелинъ на свой скромный заработокъ купилъ Лизѣ коробку карамели, до которой та была большая охотница. Пика и Ника отвели какъ-то Лизу въ сторонку и продѣлали передъ нею всѣ свои уморительныя штуки, ловко представляя ей клоуновъ изъ цирка и заставляя дѣвочку хохотать до слезъ. Хромой суфлеръ Володя особенно старательно подсказывалъ ей ея роли во время спектаклей, не давая ей запнуться ни на минуту. Витя, братъ Маріанны, особенно хорошо рисовавшій лошадиныя головы, нарисовалъ ей ихъ цѣлую коллекцію и карандашомъ, и перомъ, и даже простымъ угленъ, вынутымъ изъ печки. Даже маленькій Павликъ, изъ своихъ собственныхъ карманныхъ денегъ, данныхъ ему матерью на лакомства (жалованья ни

онъ, ни Валя маленькая не получали, за молодостью лѣтъ), и тотъ умудрился купить тортъ, «совсѣмъ такой же, какъ прежній», какъ онъ увѣрялъ своихъ товарищей, и поднесъ его Лизѣ.

Дѣвочки не менѣе мальчиковъ старались угодить ей. Даже гордая Кэтъ, сознавая свою вину передъ нею, подарила ей прехорошенькую коралловую брошку, которую сама носила только по праздникамъ.

И сама Мэри круто перемѣнилась къ Лизѣ. Нарочно или искренно, но она нѣсколько разъ похвалила дѣвочку за ея игру и вообще относилась къ ней много лучше. Правда, когда онѣ оставались случайно вдвоемъ, Мэри отъ-времени-до-времени такъ сердито взглядывала на Лизу, что бѣдной дѣвочкѣ становилось жутко на сердцѣ отъ этихъ взглядовъ ея невольнаго врага. Но это длилось только мгновеніе, послѣ котораго глаза Мэри попрежнему становились привѣтливыми, и Лиза скоро забывала дурные поступки злой дѣвочки и готова была думать, что Мэри, если и не исправилась вполнѣ, то уже навѣрное исправится въ самомъ непродолжительномъ времени.

Между тѣмъ наступало Рождество—самое трудное время для маленькихъ актеровъ, такъ какъ по большимъ праздникамъ дѣтскіе спектакли давались ежедневно.

На Лизину долю выпадало особенно много работы, такъ какъ она готовила подъ руководствомъ Григорія Григорьевича новую роль изъ пьесы «Сиротка-Маша», написанной самимъ Павломъ Ивановичемъ. Это была уже не сказка, передѣланная въ феерію, какія обык-

новенно игрались дѣтьми, а настоящая трогательная комедія, героиней которой была маленькая дѣвочка Маша.

— Ты должна отлично сыграть эту роль,—сказалъ какъ-то Григорій Григорьевичъ во время одной изъ репетицій Лизѣ,—въ тебѣ много общаго съ этой маленькой Машей, героиней пьесы.

Дѣйствительно, судьба выведенной въ пьесѣ сиротки во многомъ походила на судьбу самой Лизы.

И Лиза сама сознавала это и, благодаря, должно быть, этому, отлично читала роль на репетиціяхъ, приводя въ восторгъ своихъ учителей.

— Я говорю, что изъ этой дѣвочки со временемъ выйдетъ очень хорошая актриса,—какъ-то разъ сказалъ Григорій Григорьевичъ г-ну Сатину.

Послѣдній сочувственно покачалъ головой.

— Жаль только, что ей будетъ очень трудно пробивать себѣ дорогу,—отвѣчалъ онъ.

— О, я надѣюсь, что мнѣ поможетъ Господь!—хотѣлось крикнуть Лизѣ, которая была особенно счастлива въ это предпраздничное время, такъ какъ она получила письмо отъ мамы изъ Петербурга, гдѣ та писала, что готовитъ Лизѣ радостный сюрпризъ, о которомъ ея дѣвочка врядъ-ли можетъ догадаться.

Лиза долго ломала себѣ голову, что бы это могло быть, но, наконецъ, рѣшила терпѣливо ждать, не задаваясь никакими предположеніями.

Сочельникъ наступилъ незамѣтно. Губернаторъ, желая побаловать маленькихъ актеровъ, сумѣвшихъ доставить столько удовольствія всему юному населенію

города, пригласилъ дѣтей и ихъ начальство провести канунъ Рождества у него на елкѣ.

Маленькіе актеры знали, что добрый губернаторъ устраиваетъ эту елку собственно для нихъ, и заранѣе радовались тѣмъ подаркамъ, которые ихъ ожидали. Особенно довольна была Лиза. Во время послѣдняго спектакля, губернаторъ позвалъ ее въ ложу, еще разъ расхвалилъ ее и непремѣнно велѣлъ ей быть у него на елкѣ, такъ какъ ее ждала тамъ такая пріятная новость, какой она, должно-быть, и не подозрѣвала.

Лиза очень изумилась словамъ губернатора. Она едва-едва только успѣла успокоиться отъ радостнаго волненія, узнавъ изъ письма матери объ ожидавшемъ ее сюрпризѣ, а тутъ ей обѣщаютъ еще вторую неожиданную радость!

Придя за кулисы, она долго совѣщалась съ Маріанной, что бы это могло быть.

— Вѣроятно, какая-нибудь золотая вещь,—рѣшила ея маленькая подруга, ужасно любившая всякія золотыя украшенія и бездѣлушки.

— Ну вотъ, что ты! Развѣ маленькимъ дарятъ золотыя вещи?—замѣтилъ, услыша ихъ разговоръ, Витя.

— Ну, тогда онъ ей подаритъ конфетъ, — рѣшилъ сластена-Павликъ, для котораго важнѣе всего въ жизни были лакомства,—такъ много конфетъ, что она ихъ будетъ ѣсть день и ночь цѣлый годъ, не переставая.

— И тебѣ не дастъ ни одной штучки,—добавилъ Костя Корелинъ.

Но, видя, что Павликъ скроилъ плаксивую гримасу,

собираясь заревѣть, поспѣшилъ его успокоить словами:

— Дастъ, дастъ, и ты будешь ихъ ѣсть, не переставая, круглый годъ, два года, три, четыре,— только не реви, пожалуйста, не реви, а то на дворѣ такая стужа, что у тебя слезы замерзнутъ и на рѣсницахъ образуются ледяныя сосульки.

— Неправда, никакихъ сосулекъ у меня не будетъ,—сердито произнесъ Павликъ и, лукаво подмигнувъ дѣвочкамъ на Костю, какъ бы желая поддразнить его, добавилъ:—А про сюрпризъ, который губернаторъ сдѣлаетъ нашей Эльзѣ, ты все-таки ничего не знаешь!

— Что тутъ отгадывать и мучить себя понапрасну,—рѣшила красивая Роза,—вотъ придетъ вечеръ и все узнаете въ свое время.

Но дѣтямъ не суждено было узнать губернаторскаго сюрприза, приготовленнаго ихъ общей любимицѣ.

Павликъ, объѣвшійся сладкимъ пирогомъ за обѣдомъ, почувствовалъ сильную боль въ желудкѣ.

Анна Петровна Сатина, уѣхавшая на недѣлю праздниковъ въ Москву къ роднымъ, что она дѣлала ежегодно, оставила Павлика на попеченіе отца. Павелъ Ивановичъ, баловавшій Павлика безъ мѣры, не могъ ему отказать ни въ чемъ, и Павликъ до того объѣлся, что заболѣлъ. Видя мученья мальчика, Павелъ Ивановичъ совсѣмъ было потерялъ голову. Пригласили доктора, который, послѣ тщательнаго осмотра, сказалъ, что хотя у Павлика нѣтъ ничего серьезнаго,

но что онъ долженъ полежать остатокъ дня въ постели и принимать микстуру.

Услышавъ эту печальную новость, Павликъ горько заплакалъ.

— Какъ! всѣ вы поѣдете на елку къ губернатору, будете, навѣрное, веселиться, слушать музыку, танцовать и ѣсть такія вкусныя вещи, какія только можно видѣть во снѣ, а я буду лежать въ постели и глотать противную микстуру? О, это слишкомъ жестоко!

— Что дѣлать, Павликъ, ты самъ виноватъ,—произнесъ Павелъ Ивановичъ, гладя сына по головкѣ.

— Хоть бы мама была дома, все-таки мнѣ было бы веселѣе,—прошепталъ бѣдный Павликъ, собираясь плакать.

— Павликъ, не плачь,—вмѣшалась въ разговоръ малютка Валя,—тебѣ не будетъ скучно: я останусь съ тобою.

Какъ ни улыбалось Павлику пробыть цѣлый вечеръ со своей маленькой подружкой, но онъ, вспомнивъ, какъ радовалась малютка поѣздкѣ на губернаторскую елку, не рѣшился лишить ее такого громаднаго удовольствія.

— Нѣтъ, нѣтъ, поѣзжай, пожалуйста,—поспѣшилъ онъ отказаться отъ ея жертвы,—а то кто же мнѣ разскажетъ обо всемъ, что было на елкѣ? И потомъ вѣдь папа остается со мною.

— О, нѣтъ, дитя мое,—произнесъ Павелъ Ивановичъ,—я не могу на этотъ разъ остаться у твоей постели: я долженъ быть на губернаторскомъ праздникѣ, какъ директоръ и представитель труппы.

— Ну, хорошо,—храбро произнесъ мальчикъ, хотя двѣ непрошенныя слезинки при этомъ выкатились изъ его глазъ.—Я останусь тогда съ Матреной, потому что ужь Матрену губернаторъ, навѣрно, не пригласилъ на свой праздникъ.

— Конечно, не пригласилъ, дитя мое, ты можешь остаться съ Матреной.

— Ахъ, нѣтъ,—внезапно вмѣшалась въ разговоръ Лиза,—не оставляйте Павлика съ Матреной. Она очень добрая, хорошая женщина, но она такъ страшно храпитъ ночью, что навѣрное не дастъ ему уснуть. И потомъ она не сумѣетъ давать ему лѣкарство по часамъ. Нѣтъ, нѣтъ, пусть Матрена ложится спать у себя на кухнѣ, а я побуду съ Павликомъ.

— Какъ,—вскричало нѣсколько человѣкъ дѣтей,—ты не поѣдешь къ губернатору?

— Конечно, нѣтъ, разъ я остаюсь съ Павликомъ.

— Но это невозможно, Лиза. Онъ обидится. Вѣдь для тебя онъ готовитъ какой-то сюрпризъ—и вдругъ тебя не будетъ,—взволнованно говорилъ Павелъ Ивановичъ.

— Но вѣдь сюрпризъ не уйдетъ до слѣдующаго раза,—настаивала на своемъ дѣвочка,—а губернатору можно сказать, что я нездорова. Да у меня и сейчасъ немного болитъ голова, увѣряю васъ. Скажите г. губернатору, что я очень жалѣю, что такъ случилось, но что я больна и быть у него не могу.

— Какъ хочешь, дорогое дитя, такъ и поступай,—проговорилъ Павелъ Ивановичъ, растроганный до глубины души поступкомъ Лизы.—Спасибо тебѣ за твою

доброту. Я принимаю твою жертву только по необходимости и буду всегда помнить твой великодушный поступокъ.

Съ этими словами Павелъ Ивановичъ наклонился къ Лизѣ и крѣпко поцѣловалъ ее.

Лизѣ очень хотѣлось ѣхать на праздникъ, но ей было безконечно жаль оставлять бѣднаго, одинокаго Павлика. Она знала также, что для m-lle Люси и для Мальвины Петровны, не бывавшихъ никогда на такихъ елкахъ въ большихъ, богатыхъ домахъ, было бы очень досадно не попасть на губернаторскій праздникъ, поэтому она предпочла лучше лишить себя удовольствія, нежели другихъ, и, ссылаясь на мнимую головную боль, осталась подлѣ больного ребенка.

Дѣти шумно и весело собирались на праздникъ. Дѣвочки завивали и причесывали другъ другу волосы, вплетали въ нихъ ленточки и искусственные цвѣты, мальчики чистили бензиномъ перчатки, встряхивали костюмы и до того усердно натирали ваксой сапоги, что они у нихъ готовы были распороться по швамъ.

Матрену совсѣмъ загоняли то съ тѣмъ, то съ другимъ. Наконецъ къ 9-ти часамъ всѣ маленькіе актеры и ихъ начальство собрались въ гостиной, гдѣ у ярко пылавшаго камина находился Павликъ въ обществѣ Лизы.

Дѣвочки были въ праздничныхъ бѣлыхъ платьяхъ, мальчики—въ новыхъ костюмахъ, Павелъ Ивановичъ и Григорій Григорьевичъ—во фракахъ, а m-lle Люси—въ нѣжно-голубомъ платьѣ, которое она сшила къ при-

частію въ прошлогодній постъ. Даже старушка Мальвина Петровна надѣла старомодное шумящее платье и такой чепецъ, который долженъ былъ безъ сомнѣнія обратить на себя вниманіе самого губернатора. И притомъ ото всѣхъ такъ пахло духами, что у Лизы разболѣлась голова на этотъ разъ уже самымъ настоящимъ образомъ. Маріанна, прощаясь съ Лизой, тихо шепнула:

— Не скучай, сестренка, я отломлю тебѣ отъ каждаго лакомства, какое тамъ будутъ подавать, по кусочку, чтобы ты имѣла понятіе о томъ, чѣмъ насъ угощали на елкѣ.

Но малютка Валя отличились больше всѣхъ.

— Ты, Павликъ, не горюй,—сказала она своему любимцу, — я попрошу губернатора прислать тебѣ завтра все, что у него останется послѣ насъ отъ угощенія.

— Нѣтъ, ужь лучше не надо,—благоразумно замѣтилъ больной,—а то у меня еще больше заболитъ животъ. А лучше вотъ что: когда ты будешь ѣсть очень вкусныя вещи, то подумай обо мнѣ. Можетъ-быть, тогда я увижу во снѣ, что кушаю ихъ вмѣстѣ съ тобою. Папа говоритъ, что часто видишь то, что думаютъ про тебя другіе.

Въ самую послѣднюю минуту отъѣзда хватились Мэри. Ея не было среди дѣтей. Бросились ее искать по всѣмъ комнатамъ и, наконецъ, нашли спокойно спавшей на своей постели.

— Что ты дѣлаешь, Мэри? — вскричали Роза и Аля въ одинъ голосъ,—что съ тобою?

— Какъ что дѣлаю? сплю!—спокойно отвѣчала Мэри, поворачиваясь на другой бокъ.

— Такъ ты развѣ не ѣдешь къ губернатору?—удивились тѣ.

— Ахъ, отстаньте отъ меня, пожалуйста!—разсердилась Мэри.—Ни днемъ, ни ночью нѣтъ покоя отъ нихъ! У меня болятъ зубы, и въ такомъ видѣ не могу же я ѣхать на елку.

И Мэри, чтобы окончательно убѣдить дѣвочекъ въ томъ, что у нея болятъ зубы, громко застонала.

Роза и Валя вернулись къ остальнымъ и объявили директору, что Мэри нездорова.

— Тѣмъ хуже для нея,—сердито замѣтилъ Григорій Григорьевичъ, ни чуточки не жалѣвшій злую дѣвочку,—тѣмъ хуже для этой капризницы. Я думаю, что его превосходительство г-нъ губернаторъ не очень-то огорчится отсутствіемъ Мэри.

И маленькая труппа уѣхала безъ нея.

ГЛАВА XXV.

Сюрпризъ губернатора.

Какъ только шумъ колесъ экипажей, отвозившихъ дѣтей, замолкъ на улицѣ, Лиза ближе пододвинула кресло Павлика къ камину, поправила огонь и, усѣвшись рядомъ, предложила мальчику почитать немного.

Но Павликъ былъ неохотникъ до чтенія.

— Нѣтъ, нѣтъ, не хочу слушать чтенія, поболтаемъ лучше немножко,—попросилъ онъ.

— Сегодня сочельникъ, почти въ каждомъ домѣ елка,—грустно произнесла Лиза,—и въ домѣ доктора, должно быть, устраивается елка для больной Зои, ее украшаетъ мама и вѣрно думаетъ все время обо мнѣ.

— Ты скоро ее увидишь, Лиза,—утѣшалъ ее Павликъ,—черезъ три, четыре мѣсяца мы вернемся въ Петербургъ, и ты будешь ходить къ ней въ гости.

— Ахъ, какъ это было бы хорошо,—произнесла Лиза,—мнѣ кажется, эта радость такъ велика, что ужь лучше нея ничего не можетъ быть на свѣтѣ!

Они долго еще болтали такимъ образомъ, пока,

наконецъ, сонные глазки Павлика не слиплись, и онъ не уснулъ тутъ же у камина въ большомъ просторномъ креслѣ своего отца. Лиза продолжала сидѣть тутъ же, смотрѣла на тлѣющіе уголья и мечтала о томъ, какъ теперь зажигаютъ елку у губернатора, какъ Борисъ и Лева—губрнаторскія дѣти—обносятъ подарками и сюрпризами своихъ маленькихъ гостей, какъ губернаторъ передаетъ три пакета Павлу Ивановичу: для Павлика, Мэри и для нея, Лизы, оставшихся дома. Что это за сюрпризъ, который готовитъ ей губернаторъ? Что можетъ онъ подарить ей, Лизѣ?—невольно сверлила ея головку докучная мысль.

Потомъ она стала думать о другомъ. Ей представилась иная елка—въ далекомъ Петербургѣ, въ докторскомъ домѣ; и ей видѣлась больная Зоя, которую катаютъ вокругъ нея въ креслѣ, и наконецъ мама—добрая, ласковая, милая, только немного грустная отъ разлуки съ ней, Лизой, въ этотъ великій праздникъ.

Потомъ всѣ ея мысли какъ-то разомъ смѣшались въ головѣ, и она неожиданно крѣпко уснула, положивъ головку на спинку кресла. И во снѣ Лизѣ все представлялась елка, вся залитая огнями, и ея ненаглядная мама, протягивающая руки своей дѣвочкѣ.

Прикосновеніе къ плечу чьей-то руки разомъ разбудило Лизу. Она быстро протерла глаза и вскочила съ кресла.

Передъ нею стояла Мэри.

— Вотъ глупая-то дѣвочка! — вскричала она,—спитъ, какъ медвѣдь въ своей берлогѣ, и нимало не думаетъ о сюрпризѣ.

— О какомъ сюрпризѣ? — спросила удивленная Лиза.

— Вотъ потѣшная-то! все перезабыла со сна! Да о сюрпризѣ, который готовитъ тебѣ губернаторъ.

— А ты развѣ его знаешь?—изумилась еще больше Лиза.

— Кого, губернатора-то? Ну конечно,—засмѣялась Мэри такъ громко, что Павликъ безпокойно зашевелился во снѣ.

— Нѣтъ, о сюрпризѣ ты знаешь?

— О сюрпризѣ?—переспросила Мэри и лукаво сощурилась,—знаю, конечно. Никто не знаетъ—ни Павелъ Ивановичъ, ни Григорій Григорьевичъ, никто изъ дѣтей, а я знаю. Какъ узнала—не скажу, а все-таки узнала!

— Голубушка Мэри! скажи мнѣ, что это за сюрпризъ!—попросила Лиза.

— Ишь, какая прыткая!—снова разсмѣялась Мэри,—нѣтъ, ты лучше отгадай-ка сама!

— Но я не знаю, что бы это могло быть!—разсуждала Лиза.—Большой или маленькій сюрпризъ?

— О, большой, очень большой!—отвѣчала Мэри.

— Круглый или длинный?—продолжала спрашивать Лиза.

— Длинный! Не очень... Но скорѣе длинный, нежели круглый.

— А какого цвѣта?

— О, цвѣтовъ много. Но преобладаетъ бѣлый.

— Что это: вещь, книга или лакомство?

— Ни то, ни другое, ни третье!—отрѣзала Мэри

и, помолчавъ немного для пущей важности, произнесла, растягивая слова:—это живое существо!

— Живое существо?—все болѣе и болѣе изумляясь, произнесла Лиза.—Что-же это: собачка, кошечка или морская свинка?

— О нѣтъ!—прошептала Мэри тихо, такъ какъ Павликъ снова заворочался у камина.—Это человѣкъ...

И, прежде чѣмъ окончательно удивленная Лиза могла спросить еще что-нибудь, она прошептала ей звонкимъ шопотомъ въ самое ухо:

— Это твоя мама!

— Мама!—вскричала Лиза внѣ себя отъ восторга и волненія, но въ ту-же минуту рука Мэри закрыла ей ротъ, мѣшая говорить дальше.

— Тсс! сумасшедшая, ты разбудишь Павлика! Не кричи, а слушай, что я скажу тебѣ. Твоя мама пріѣхала сюда. Губернаторъ узналъ объ этомъ и, чтобы потѣшить тебя—свою любимицу — устроилъ этотъ праздникъ для твоей встрѣчи съ мамой.

— Но какъ-же?.. Господи!.. вѣдь я не поѣхала... я не знала этого всего?..—лепетала Лиза, плача отъ радости и смущенія въ одно и то же время.

— Ну, что-же дѣлать! — спокойно произнесла Мэри,—ты подождешь до завтра, потому что, согласись сама, не можетъ-же мама твоя уѣхать съ праздника и обидѣть губернатора. Къ тому-же Павелъ Ивановичъ скажетъ, ей, что у тебя болитъ голова, и она не захочетъ волновать тебя свиданьемъ. Нечего дѣлать, придется тебѣ подождать до завтра!

— О, нѣтъ, Мэри,—вскричала, заливаясь слезами,

бѣдняжечка Лиза,—я не могу ждать до завтра! Ради Бога, научи меня что дѣлать.

— Что дѣлать? — засмѣялась Мэри, — да ничего иного, какъ одѣться теперь и ѣхать на праздникъ губернатора.

— Но вѣдь меня не ждутъ уже тамъ!

— Такъ что-же! тѣмъ твое появленіе будетъ пріятнѣе. Тебѣ хотѣли сдѣлать пріятный сюрпризъ, а ты сама сдѣлаешь имъ сюрпризъ еще вдвое пріятнѣе.

— Боже мой! Боже мой!—вскричала въ отчаяніи Лиза,—какъ-же мнѣ оставить больного Павлика!— Вѣдь Павелъ Ивановичъ сдалъ его на мое попеченіе.

— Ахъ, подумаешь, какая опасная болѣзнь. Да онъ такъ-то каждый день боленъ, потому что объѣдается каждый день! А теперь онъ спитъ, какъ сурокъ, и его никакими пушками не разбудишь. Да къ тому-же Матрена посидитъ съ нимъ, если ты ужь такъ боишься его оставить, Ахъ, Лиза,—съ досадой заключила Мэри,—не думала я, что ты такъ мало любишь свою мать, если не рѣшаешься ѣхать къ ней, не видѣвъ ее такъ долго!

— О нѣтъ! Мэри,—голубушка, я ѣду, ѣду!—вскричала Лиза и побѣжала одѣваться.

Если-бы Лиза оглянулась въ дверяхъ на оставшуюся подлѣ Павлика Мэри, то она навѣрное-бы испугалась того выраженія, которое было на ея лицѣ. Глаза дѣвочки такъ и сіяли злою радостью, а губы шептали злорадно:

— Бѣги, бѣги, глупая овечка! торопись одѣваться, благо ты такъ легко вѣришь выдуманной мною сказкѣ

про пріѣздъ твоей матери. Будетъ тебѣ праздникъ, да только не на губернаторской елкѣ!

Но, къ несчастью, Лиза была такъ занята своей внезапной новостью, что ей было не до Мэри. Быстро одѣлась она въ свое бѣлое парадное платьице, разбудила Матрену, уговорила ее посидѣть у Павлика и вернулась къ Мэри.

— А ты почему-же не одѣваешься?—спросила она, заставъ Мэри на томъ-же мѣстѣ.—Или ты пойдешь въ этомъ платьѣ?

— Ну, разумѣется! Я вѣдь только провожу тебя, а на праздникъ не пойду; вернусь домой и подежурю у Павлика за тебя.

О, какая ты добрая, Мэри!—произнесла растроганно Лиза, и, крѣпко обнявъ своего недавняго врага, проговорила тихо:—какъ я виновата передъ тобою. Я тебя считала очень злою дѣвочкою! Прости меня, Бога ради!

— О, конечно,—возразила Мэри лицемѣрно.—Вѣдь и я тоже виновата передъ тобою, потому что завидовала тебѣ и твоему успѣху. Еще-бы! До твоего пріѣзда я играла все, что хотѣла, и могла капризничать на-пропалую, а ты поступила въ кружокъ—и мнѣ пришлось совсѣмъ плохо. Ну, я и возненавидѣла тебя за все это! Но больше не буду! Я вижу, какая ты добрая и кроткая, и тоже полюбила тебя не меньше другихъ.

— О, спасибо, Мэричка!—ласково произнесла Лиза, повѣривъ каждому слову коварной дѣвочки. И, еще разъ попросивъ Матрену не отлучаться ни на минуту отъ больного Павлика, Лиза, въ сопровожденіи Мэри, вышла изъ дому.

ГЛАВА XXVI.

Мэри
отомстила.

СТОЯЛА настоящая Рождественская ночь. Было нестерпимо холодно. Крупные хлопья снѣга крутились въ воздухѣ, ударяя по лицу и оставляя мокрые слѣды на щекахъ прохожихъ. Впрочемъ, прохожихъ было немного: въ Рождественскую ночь каждый старается быть дома, чтобы встрѣтить свѣтлый праздникъ среди родныхъ или друзей. Поэтому улицы были пустынны, и дѣвочки, пройдя порядочную часть пути, не встрѣтили ни одного извозчика.

— Ты хорошо-ли знаешь дорогу?—освѣдомилась Лиза, видя, что метель все усиливается съ каждой минутой.

— О, конечно!—успокоила ее Мэри,—надо пройти еще улицу, потомъ еще переулокъ, потомъ повернуть направо, потомъ налѣво, и губернаторскій домъ будетъ, какъ на ладони.

— Вѣдь онъ на площади?—пройдя еще немного, спросила Лиза, начинавшая уставать.

— Ну да, на площади, а я веду тебя ближайшей

—Мэри, Мэри!—молила ее бѣдная Лиза...

дорогой. Тебѣ кажется, что это такъ далеко, потому что вѣтеръ и снѣгъ затрудняютъ ходьбу. Не правда-ли, тебѣ кажется, что мы идемъ очень долго, а между тѣмъ мы не сдѣлали и половины дороги.

— Неужели?—удивилась Лиза,—а я такъ устала.

— Такъ что-же,—разомъ дѣлаясь грубой, проговорила Мэри,—не тащить-же мнѣ тебя на рукахъ!

Онѣ снова завернули за уголъ, потомъ еще направо, потомъ налѣво и пошли вдоль какого-то забора. Наконецъ, заборъ кончился, и онѣ очутились въ снѣжномъ полѣ, съ лѣвой стороны котораго темнымъ пятномъ на бѣлой скатерти снѣга выдѣлялся сосновый боръ.

— Мэри, Мэри,—вскричала въ страхѣ Лиза,—мы, кажется, заблудились!

— Ну, вотъ глупости! — разсердилась ея спутница,—не думаешь-ли, что я завела тебя куда-нибудь?

— Мэри, голубушка, повернемъ назадъ!—молила Лиза,—я чувствую, что мы сбились съ дороги.

— Ну, и чувствуй себѣ сколько тебѣ угодно!—проговорила Мэри насмѣшливо,—и не мѣшайся не въ свое дѣло. Да и потомъ, что за вздоръ ты выдумываешь, Лиза! Я отлично знаю дорогу. Видишь, тамъ огонекъ. Это и есть домъ губернатора.

— О, неправда, неправда!—не помня себя отъ страха, простонала Лиза,—домъ губернатора не можетъ быть въ лѣсу! О, пусти меня назадъ, Мэри, пусти, ради Бога!

Страшное предчувствіе охватило сердечко Лизы. Она разомъ поняла коварный поступокъ Мэри, и

злая выходка дѣвочки сдѣлалась совсѣмъ ясной для нея.

— Она хочетъ завести меня въ лѣсъ и оставить тамъ, какъ дѣвка-Чернавка оставила въ сказкѣ бѣдную королевну!—вихремъ пронеслось въ мысляхъ Лизы, и она, дрожа отъ страха, со слезами, стала молить Мэри вернуться домой.

— Какъ-же, жди!—грубо разсмѣялась та, понявъ, что ея замыселъ былъ открытъ Лизой,—отвести тебя обратно, чтобы ты снова заняла мое мѣсто и играла мои роли! Нѣтъ, голубушка! довольно ты поцарствовала! Очередь за мною. Да ты не бойся и не дрожи.—прибавила она съ гадкой улыбкой,—я ничего тебѣ не сдѣлаю дурного, а только отведу тебя къ добрымъ людямъ, которые займутся тобою и твоимъ будущимъ Ну, однако, поторопись немного, а то ты еле волочишь ноги. А мнѣ некогда возиться съ тобою. Давай твою руку и маршъ бѣгомъ!

И, прежде, чѣмъ Лиза успѣла опомниться, Мэри схватила ее за руку и потащила насильно, направляясь къ мелькавшему за высокими деревьями огоньку.

— Мэри, Мэри!—молила ее бѣдная Лиза, еле передвигая ноги, тонувшія въ снѣгу,—скажи мнѣ одно, Мэри: мамы нѣтъ здѣсь? Ты все налгала!

— Разумѣется,—разразилась торжествующимъ хохотомъ Мэри,—а то какъ-бы мнѣ иначе заманить пташечку въ клѣтку. Ну, помолчи немного. Мнѣ надоѣлъ твой ревъ. Мы пришли.

И съ этими словами Мэри, все еще не выпуская

руку Лизы, свернула съ дороги и побѣжала на огонекъ, мелькавшій все ближе и ярче.

Неожиданно передъ ними выросла небольшая избушка изъ хворосту и бревенъ. Мэри толкнула крохотную дверцу и почти на рукахъ втащила Лизу въ маленькую комнатку, гдѣ четверо людей—двое большихъ и двое маленькихъ — сидѣли за столомъ при тускломъ свѣтѣ огарка.

ГЛАВА XXVII.

Въ когтяхъ черномазаго.

— БА, добро пожаловать, желанная гостья!—раздался знакомый голосъ надъ ухомъ Лизы.

Она подняла глаза и обомлѣла.

Сидящій за столомъ человѣкъ былъ не кто иной, какъ черномазый господинъ, называвшій себя Энрико-Томазо.

— Никакъ не могла уговорить идти!—трещала между тѣмъ Мэри, плотно запирая за собою дверь.— Догадалась по дорогѣ, въ чемъ дѣло, и пришлось чуть не насильно тащить.

— Ну, видишь, умница,—произнесъ г-нъ Томазо,— не хотѣла идти ко мнѣ по доброму согласію, попала хитростью. Не пеняй-же на меня, миленькая гостья, если и угощеніе теперь будетъ нѣсколько иное.

И при этихъ словахъ онъ разсмѣялся такимъ злымъ и непріятнымъ смѣхомъ, что морозъ пробѣжалъ по кожѣ Лизы. Засмѣялась и Мэри, и сидѣвшая за столомъ старая женщина, какъ двѣ капли воды похожая на черномазаго. Только двое дѣтей—мальчикъ и дѣ-

вочка, одѣтыя въ лохмотья, сквозь которые выглядывали ихъ посинѣвшія отъ холода тѣльца, продолжали молча сидѣть, тѣсно прижавшись другъ къ другу и глядя на всѣхъ исподлобья испуганными и жалкими глазами.

— Ну, мнѣ пора бѣжать поднимать тревогу,— проговорила Мэри,—пойду и скажу моему начальству, что ихъ хваленая Эльза предпочла поступить въ другую труппу. Неправда-ли, Эльза, я должна передать это нашему добрѣйшему Павлу Ивановичу?

Лиза, перепуганная до полусмерти всѣмъ происшедшимъ съ нею, отъ слабости едва держалась на ногахъ. Она понимала только одно, что никогда уже не увидитъ больше добраго Павла Ивановича, ни всѣхъ своихъ товарищей и подругъ, и что мало того, что злая Мэри обманомъ завела ее къ страшному «черномазому», но пойдетъ еще и наговоритъ тамъ, въ миломъ, дорогомъ кружкѣ, что она, Лиза, сбѣжала нарочно къ странствующему акробату, прельстившись его обѣщаніями.

— О, Мэри!—могла только произнести бѣдная дѣвочка,—какъ ты зло поступила со мною!

Ноги ея подкосились отъ слабости, голова закружилась, и Лиза безъ чувствъ упала на темный мерзлый полъ избушки.

— Смотрите, хозяинъ, какъ-бы дѣвочка не умерла со страху, будетъ вамъ тогда бѣды съ нею!—проговорила испуганная Мэри, стараясь поднять Лизу съ полу и вглядываясь въ ея осунувшееся, разомъ помертвѣвшее личико.

И на минуту въ черствомъ сердцѣ злой Мэри промелькнуло что-то, похожее на жалость и раскаяніе въ совершенномъ ею съ Лизой гадкомъ поступкѣ.

Но этотъ проблескъ добраго чувства исчезъ такъже быстро, какъ и появился.

«Пусть себѣ помираетъ у Томазо,—злобно размышляла Мэри,—ей это не принесетъ вреда—походить по дворамъ и попѣть его пѣсенки, а я, по крайней мѣрѣ, займу свое прежнее мѣсто и снова буду играть все, что мнѣ только захочется. Вѣдь только одна Лиза играетъ лучше меня, а остальнымъ до насъ съ нею и не дотянуться! Ну, значитъ, если уйдетъ Лиза, то останусь я, и поневолѣ и директоръ, и всѣ окружающіе примиряться съ необходимостью уступить мнѣ мое старое мѣсто».

Такъ раздумывала Мэри, выйдя изъ избушки и пускаясь въ обратный путь.

Когда она вернулась домой, всѣ были уже тамъ. Съ притворнымъ волненіемъ ворвалась дѣвочка въ комнату Павла Ивановича, громко крича и плача.

— Что такое, что случилось?—спрашивали въ испугѣ разошедшіяся было по своимъ угламъ дѣти.

— О, какое несчастье! какое несчастье!—продолжала кричать Мэри,—Эльза убѣжала! Эльза убѣжала къ Энрико-Томазо.

— Къ кому? кто? кто убѣжалъ?—въ волненіи спрашивали и старшіе, и младшіе, окружая Мэри.

— Эльза, Лиза Окольцева убѣжала!—вся запыхавшись отъ скорой ходьбы, продолжала взволнованно передавать Мэри.—Когда вы уѣхали на праздникъ,

она подождала, пока не уснулъ Павликъ, потомъ одѣлась въ праздничное платье и пришла ко мнѣ сказать, что уходитъ навсегда изъ труппы, что ей было нехорошо у насъ, что ее обижали напрасно, и что ей надоѣло работать и вѣчно слушать наставленія и она предпочитаетъ ходить по дворамъ и пѣть пѣсенки... Вотъ что она просила передать вамъ всѣмъ. Я не хотѣла пускать ее, но она вырвалась и убѣжала, тогда я побѣжала за нею, но догнать уже не могла. Потомъ я долго блуждала по улицамъ, кричала, звала ее, но никто не откликался. Ея и слѣдъ простылъ,—заключила свой разсказъ Мэри.

Долгое молчаніе воцарилось кругомъ. Павелъ Ивановичъ сжалъ свою сѣдую голову обѣими руками и тихо застоналъ. Этотъ ударъ былъ не подъ силу бѣдному старику. Онъ не могъ не повѣрить правдивости разсказа Мэри, потому что всѣ доказательства вины его любимицы были на-лицо. И исчезнувшее изъ шкапа бѣлое парадное платье, въ которомъ ушла Лиза, и ея предложеніе остаться дома, когда всѣ собрались къ губернатору, и, наконецъ, въ подтвержденіе словъ Мэри, добродушная Матрена сказала, что слышала, какъ обѣ барышни долго спорили о чемъ-то—о чемъ именно она не разобрала, но что маленькая барышня очень плакала и волновалась, когда просила ее, Матрену, побыть съ Павликомъ.

— Ну, конечно, она ушла, бѣдная малютка, потому что не могла намъ простить нашего несправедливаго поступка съ нею. И подумать только, что мы лишились нашей дѣвочки изъ-за какого-то несчастнаго

куска торта, съѣденнаго крысами!—говорилъ, чуть не плача, бѣдный Павелъ Ивановичъ, для котораго исчезновеніе Лизы было большимъ несчастьемъ.

— Ну, вотъ, стоитъ ее жалѣть!—произнесъ своимъ строгимъ голосомъ Григорій Григорьевичъ.—Неблагодарная дѣвчонка, не умѣющая цѣнить добраго отношенія... Одного жалко: другую такую-же исполнительницу роли сиротки Маши врядъ-ли найдешь. Эльза вела эту роль на репетиціяхъ прекрасно и до слезъ трогала своей игрой Придется обойтись безъ этой пьесы.

— О-о!—простоналъ Павелъ Ивановичъ,—Богъ съ нею, съ пьесой! Я любилъ эту дѣвочку, какъ дочь, и ея поступокъ убиваетъ меня.

И, закрывъ лицо руками, добрый старикъ заплакалъ, какъ малый ребенокъ, не стѣсняясь присутствіемъ всего дѣтскаго кружка.

ГЛАВА XXVIII.

Стефани
и Лючія.
Побѣгъ.

ЛИЗА не скоро очнулась отъ своего обморока. Когда она открыла глаза, темная ночь уже стояла надъ нею. Въ крошечное оконце избушки, находившееся подъ самой крышей, ласково заглядывалъ лучъ мѣсяца, позволяя дѣвочкѣ разсмотрѣть въ полумракѣ все, что ее окружало.

Откуда-то изъ угла доносился могучій храпъ спящаго человѣка. Лиза приподнялась на локтѣ и увидѣла своего новаго хозяина, растянувшагося на кучѣ соломы. Въ другомъ углу на лавкѣ спала его старуха-мать. На столѣ стоялъ большой ящикъ съ ручкой и придѣланными къ нему кожаными завязками, въ которомъ Лиза узнала шарманку странствующаго музыканта. Рядомъ съ Лизой на одной съ нею связкѣ соломы лежали видѣнные ею до обморока мальчикъ и дѣвочка. Дѣвочка спала, свернувшись калачикомъ, а мальчикъ лежалъ съ открытыми глазами, вперенными въ полумракъ. Замѣтя, что Лиза пошевелилась и при-

встала, онъ быстро пододвинулся къ ней и зашепталъ чуть внятно:

— Тише! Ради Бога тише! Не разбуди его. А то и мнѣ и тебѣ будетъ худо.

— Онъ прибьетъ насъ?—такъ-же тихо прошептала Лиза.

— О, да! У меня уже нѣтъ ни одного здороваго мѣста на тѣлѣ. Всюду слѣды его плетки. Онъ бьетъ меня какъ собаку, за дѣло и безъ дѣла ежедневно. Я усталъ и не могу работать больше! Но онъ забьетъ меня до полусмерти, если я откажусь ходить съ нимъ по дворамъ и продѣлывать мои акробатическіе фокусы.

— Ты—итальянецъ?—спросила шопотомъ Лиза.

— О, нѣтъ... Я русскій. Мое имя Степа, но онъ переиначилъ меня въ Стефани. Вѣдь и онъ тоже русскій или цыганъ, не знаю, а называетъ себя итальянцемъ Томазо и говоритъ, что у него есть дѣтскій театръ въ Миланѣ. А кромѣ меня и Лючіи у него нѣтъ никого.

— Кто это—Лючія?

— Лючія—дѣвочка, которая пѣла до сихъ поръ пѣсенки, странствуя съ нами по дворамъ. Но теперь она не будетъ больше пѣть, потому что сильно кашляетъ. Скоро ее закопаютъ въ могилку, а ты будешь пѣть вмѣсто нея. Я слышалъ, какъ хозяинъ говорилъ матери: «У этой дѣвочки золотые волосы и лицо ангела. Еще не раскрывая рта, она наберетъ столько денегъ, что намъ некуда будетъ ихъ класть. Люди любятъ такія лица, глядя на которыя плачутъ отъ жалости». Вотъ что сказалъ хозяинъ.

— О, я не буду пѣть! Я не могу пѣть! Я умру съ горя!—заливаясь слезами, прошептала Лиза.

— Тише, Христа ради!—испуганно прошепталъ Степа, зажимая ей ротъ рукою.—Онъ убьетъ насъ, если услышитъ.

— Пусть убьетъ! Смерть легче, чѣмъ такая жизнь,—задыхаясь отъ слезъ, прошептала Лиза.

— Зачѣмъ смерть, когда можно еще поправить это!—снова произнесъ мальчикъ.

— Я спасу тебя,—помолчавъ съ минуту, продолжалъ онъ.—Слушай только, что надо дѣлать. Хозяинъ спитъ очень крѣпко. Я подкрадусь къ нему и выну у него изъ-подъ подушки ключъ отъ двери. Если онъ проснется,—мы пропали; если нѣтъ, то я дамъ тебѣ ключъ, ты откроешь имъ двери и побѣжишь какъ можно скорѣе. Вьюга прошла и ты скоро достигнешь города... Только бѣги, не останавливаясь ни на минуту. Помни, что въ этомъ твое спасеніе.

— А какъ-же ты, Степа?—замирая отъ жалости къ доброму мальчику, спросила Лиза.

— О, обо мнѣ не безпокойся. Ни мнѣ, ни Лючіи, т.-е. Ленѣ (это ея настоящее имя) некуда идти. Онъ укралъ насъ съ самаго ранняго дѣтства отъ родителей и мы ихъ теперь уже не помнимъ. Да и потомъ Лена не долго проживетъ на свѣтѣ, а я ее не оставлю одну до послѣдней минуты.

— Она сестра твоя?

— Нѣтъ! но горе и побои хозяина насъ очень сдружили. Я ее люблю больше, чѣмъ родную сестру. Ну, за дѣло однако! Черезъ два часа хозяинъ про-

снется и мы должны будемъ тронуться въ путь, такъ какъ послѣ твоего исчезновенія изъ города хозяину здѣсь оставаться опасно.—И, говоря это, Степа неслышно поднялся съ соломенной подстилки и сталъ красться вдоль стѣны къ тому углу, гдѣ храпѣлъ Томазо.

Лиза замерла отъ страха и ожиданія. Вотъ Степа уже подлѣ Томазо... Вотъ онъ опустился на колѣни... вотъ нагнулся, весь изгибаясь, какъ кошка... Вотъ просунулъ руку подъ соломенную подстилку, на которой покоилась голова его мучителя... Еще минута и... онъ вынетъ завѣтный ключъ. Но въ ту самую секунду, когда мальчикъ ужь нащупывалъ его подъ рукою, старуха, мать хозяина, громко застонала во снѣ.

Сердце перестало, казалось, биться въ груди на смерть перепуганной Лизы. Она сжала руки и подняла глаза къ небу, шепча молитву. Хозяинъ на минуту пересталъ храпѣть и, пробурчавъ себѣ что-то подъ носъ, перевернулся на другой бокъ и черезъ мигъ захрапѣлъ снова сильнѣе прежняго.

Черезъ двѣ—три секунды Лиза увидѣла приближавшагося къ ея углу Степу. Въ рукѣ мальчикъ держалъ ключъ, рѣшавшій судьбу Лизы.

— Ну, теперь все зависитъ отъ тебя,—зашепталъ онъ снова,—сунь ключъ въ скважинку, не производя шума, открой дверь и бѣги, бѣги безъ оглядки!

Лиза отлично и сама понимала, что медлить было нельзя. Она крѣпко сжала руку своего спасителя, шепнувъ ему чуть слышно: «Спасибо, Степа! Я сдѣлаю для тебя все, что могу», и безшумно скользнула

къ двери. Добравшись до нея, она со страхомъ приставила ключъ къ замочной скважинкѣ.

«А вдругъ не подойдетъ? Вдругъ Степа ошибся, и ключъ этотъ не отъ двери! Господи, помоги мнѣ!»— съ тоскою думала дѣвочка.

Но горячая молитва ребенка была услышана и ключъ безъ труда вошелъ въ замокъ и поддался слабымъ пальчикамъ Лизы. Дверь слегка скрипнула и растворилась. Морозная ночь разомъ охватила трепещущую Лизу. Вьюга стихла. На небѣ сіяла полная луна. Лиза перекрестилась и бѣгомъ пустилась по направленію города.

ГЛАВА XXIX.

Спасенье.
Виноватая.

НОГИ Лизы подкашивались, все тѣло дрожало мелкой дрожью отъ холода, голова горѣла, но она все бѣжала и бѣжала, не останавливаясь ни на минутку. Вотъ уже и тусклые огоньки замелькали въ городѣ... Вотъ возвышается въ полумракѣ высокая каланча... Вотъ еще немного—и Лиза добѣжитъ до самой крайней городской улицы... Но ей все труднѣе и труднѣе передвигать ноги, пальцы закоченѣли такъ, что ей больно ступать на нихъ... Она уже не боится погони и начинаетъ бѣжать тише, потому что къ усталости примѣшивается еще и какая-то непрошенная сонливость.

«Вотъ бы упасть въ мягкій сугробъ,—думается Лизѣ,—и уснуть хорошенько... А потомъ, отдохнувши, снова бѣжать...»

Но она знаетъ, что если остановится и присядетъ хоть на минутку, то навѣрное уже не въ силахъ будетъ двинуться дальше и замерзнетъ среди поля. И дѣвочка черезъ силу передвигаетъ отяжелѣвшія ноги.

Еще одно послѣднее усиліе—и она достигаетъ города и идетъ уже по улицамъ, пустымъ, словно вымершимъ въ эту Рождественскую ночь. Высоко надъ головою Лизы на темномъ небѣ горитъ крупная Виѳлеемская звѣзда.

«Это та звѣзда,—съ трудомъ припоминаетъ дѣвочка,—которая появилась на небѣ въ ночь Рожденія Спасителя! Она привела къ яслямъ родившагося Младенца виѳлеемскихъ пастуховъ. Можетъ-быть, и меня она приведетъ домой къ доброму Павлу Ивановичу и къ моимъ маленькимъ друзьямъ!»

И, собравъ всѣ свои силенки, дѣвочка прибавила шагу, стараясь бѣжать, не ступая на закоченѣвшіе пальцы.

Вотъ уже близко... почти дома... Вотъ темная театральная площадь съ громаднымъ зданіемъ театра посрединѣ. Вотъ и домъ г. Сатина. Всѣ окна темны... Тамъ спятъ, давно уже спятъ... Только въ одномъ окошкѣ свѣтъ... Лиза знаетъ, что это комната Павла Ивановича... Она дѣлаетъ послѣднее усиліе, съ трудомъ добирается до крыльца и хочетъ подняться на его ступени. Но страшная слабость сковываетъ всѣ члены Лизы, ея ноги не повинуются ей больше. Дѣвочка присаживается на ступеньку крыльца и впадаетъ въ какое-то тихое и сладкое забытье...

* *
*

Павелъ Ивановичъ долго не ложился спать въ эту Рождественскую ночь. Поступокъ Лизы не давалъ ему покоя. Онъ полюбилъ дѣвочку почти наравнѣ со своимъ Павликомъ, а она отплатила ему такою чер-

ной неблагодарностью. Къ этой мысли никакъ не могъ привыкнуть добрый директоръ. Сердце его сжималось отъ тоски, сонъ бѣжалъ отъ глазъ, слезы поминутно подступали къ горлу и душили его... Чтобы хоть немножко освѣжиться, бѣдный старикъ подошелъ къ окну и открылъ форточку.

Въ ту-же минуту легкій стонъ донесся со стороны крыльца. Павелъ Ивановичъ высунулъ голову на воздухъ и посмотрѣлъ по тому направленію, откуда несся стонъ.

Что-то темное лежало на ступеняхъ крыльца.

«Собака или ребенокъ замерзаетъ на холодѣ!»—подумалъ онъ и, рѣшивъ, что кто-бы тамъ ни былъ, но помочь надо, надѣлъ свою теплую шубу и вышелъ на крыльцо.

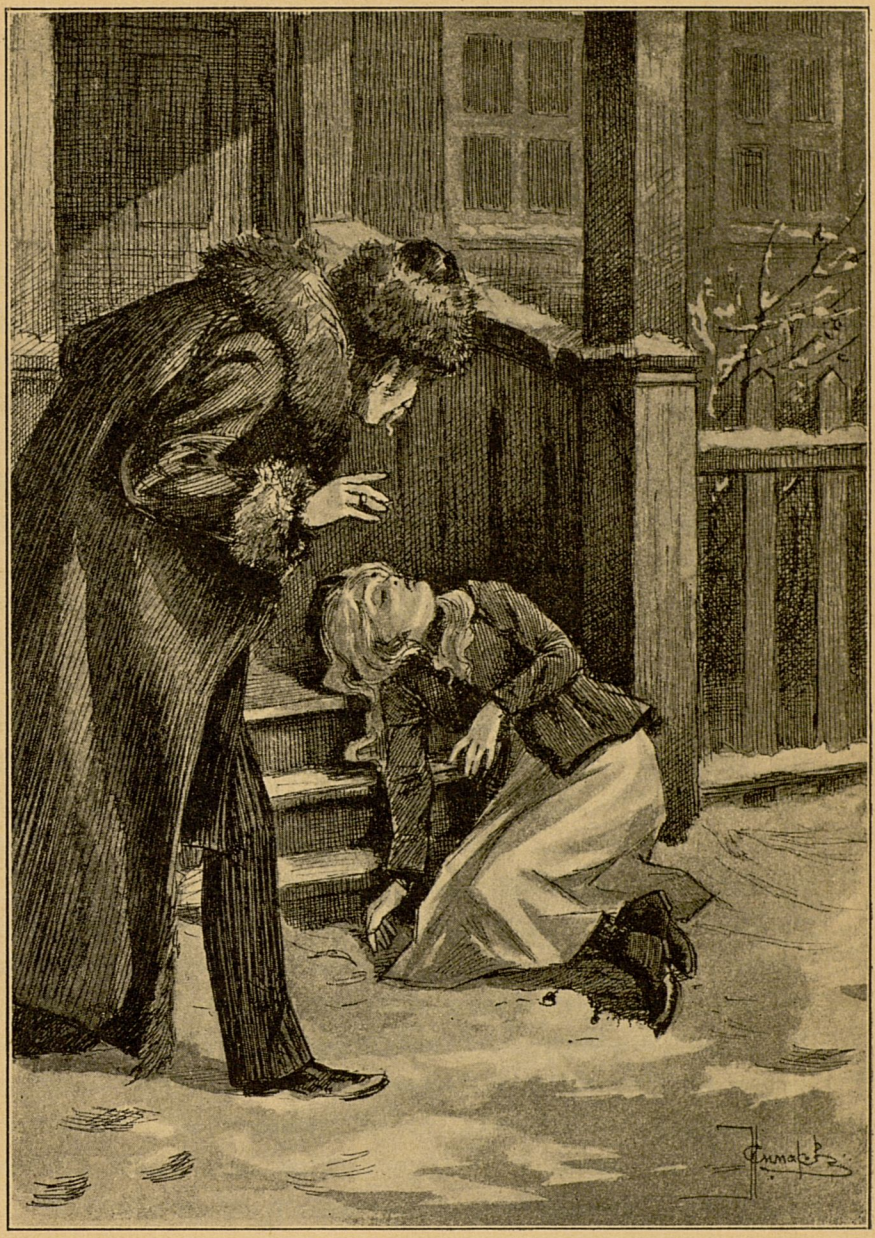
Новый стонъ донесся до него, лишь только онъ открылъ входную дверь.

— Боже мой! Ребенокъ, дѣвочка лежитъ на крыльцѣ въ такую стужу!—вскричалъ изумленный директоръ и быстро наклонился надъ маленькимъ существомъ.

Внезапный крикъ вырвался изъ груди старика, когда онъ узналъ въ замерзающей дѣвочкѣ исчезнувшую любимицу.

— Лизочка! Боже мой, Лизочка! Что съ нею? Откуда она?—прошептали его губы и, схвативъ безчувственную Лизу на руки, онъ завернулъ ее въ свою шубу и быстро понесъ въ домъ.

Черезъ пять минутъ весь пансіонъ былъ на ногахъ. Вѣсть о томъ, что Лиза вернулась и чуть не замерзла на крыльцѣ дома, мигомъ облетѣла всѣхъ. Дѣти—и



—Лизочка! Боже мой, Лизочка!..

мальчики, и дѣвочки—столпились гурьбой у ея комнаты. Многіе плакали отъ жалости, предчувствуя новую продѣлку со стороны Мэри, которая безмятежно спала на своей постели или дѣлала видъ, что спитъ, боясь строгаго наказанія за свой поступокъ.

А сама Лиза не подавала признаковъ жизни. Она лежала на постели г-жи Сатиной, въ ея комнатѣ, блѣдная, какъ смерть, съ окоченѣвшими руками и ногами и съ плотно сомкнутыми вѣками. Докторъ, прискакавшій, несмотря на позднее время, по первой просьбѣ поѣхавшаго за нимъ Григорія Григорьевича, оттиралъ замороженное тѣльце дѣвочки, ни на минуту не отводя глазъ отъ ея помертвѣвшаго личика.

— Докторъ, ради Бога спасите мнѣ этого ребенка!—со слезами молилъ Павелъ Ивановичъ, на что тотъ отвѣчалъ торжественно и строго:

— Одинъ Богъ можетъ спасать и миловать! Молитесь Ему, чтобы Онъ сохранилъ вамъ ее... Я сдѣлаю все, что могу,—добавилъ докторъ,—я знаю дѣвочку по сценѣ. Ахъ, какъ она играла! Что за прелестная Золушка была эта Эльза!

— О да, да! не правда-ли, докторъ?—подхватилъ Павелъ Ивановичъ весь въ слезахъ.—Помогите-же ей, не дайте умереть малюткѣ!

Но докторъ и безъ того зналъ, что ему надо дѣлать. Послѣ того, какъ онъ достаточно растеръ обмерзшее тѣльце Лизы, онъ взялъ ложку со стола, раскрылъ ею сжатые зубы дѣвочки и влилъ въ ея ротикъ нѣсколько капель крѣпкаго вина.

Мало-по-малу жизнь стала возвращаться къ Лизѣ.

Она шевельнула рукой и слабо застонала. Потомъ стоны стали чаще и громче и перешли въ бредъ.

Лиза бредила всѣмъ, что случилось съ нею въ эту Рождественскую ночь. Она молила Мэри вернуться домой, не тащить ее въ снѣжное поле. Потомъ плакала во снѣ и просила г. Томазо отправить ее въ кружокъ и, наконецъ, уговаривала Стефани и Лючію бѣжать съ нею.

Такимъ образомъ, изъ ея бреда находившіеся у ея постели узнали все происшедшее съ нею.

— Я зналъ, что она опять не виновата, эта бѣдная крошка!—прошепталъ г-нъ Сатинъ, цѣлуя безчувственныя блѣдныя ручонки Лизы.

Григорій Григорьевичъ ничего не отвѣтилъ. Лицо его стало такимъ суровымъ и мрачнымъ, что было страшно смотрѣть на него.

— Гдѣ Мэри?—раздался его строгій голосъ въ столовой, куда собрались всѣ дѣти, чтобы узнать о состояніи здоровья Лизы.—Гдѣ Мэри?

— Она спитъ!—робко прошептала Кэтъ, стараясь не смотрѣть на строгое лицо режиссера.

— Позвать ее сюда сію минуту!—приказалъ онъ тономъ, не допускающимъ неповиновенія.

И черезъ двѣ минуты блѣдная, трепещущая Мэри появилась передъ своимъ учителемъ.

— Мэри Ведрина,—строго обратился къ ней Томинъ,—я требую отъ тебя полнаго и чистосердечнаго признанія. Малѣйшая уловка увеличитъ только твою вину. Здѣсь нѣтъ у тебя больше ни подругъ, ни товарищей—мы всѣ твои судьи! А судъ долженъ быть

справедливымъ и рѣшить, чего достойно твое поведеніе по отношенію несчастной Лизы. Разсказывай-же все, что ты сдѣлала съ нею, только говори правду, Мэри, потому что новая ложь не поможетъ тебѣ.

Мэри, вся дрожащая отъ стыда и страха, обвела глазами своихъ подругъ и товарищей. Но всѣ дѣти смотрѣли на нее теперь съ нескрываемой враждою. Даже Кэтъ, которая была дружна съ нею, отвела глаза въ сторону, чтобы не встрѣчаться взглядомъ съ глазами Мэри. И глядя на всѣ эти суровыя дѣтскія лица, Мэри поняла, что никогда никто изъ дѣтей не проститъ ей ея поступка съ ихъ любимицей и что ничье сердце не сжалится надъ нею.

— Ну, такъ что-же! Они ненавидятъ меня, я ненавижу ихъ—и мнѣ нечего бояться!—рѣшила злая дѣвочка и торжествующимъ, злораднымъ тономъ начала разсказывать все, начиная со съѣденнаго ею торта Павлика и кончая ея сдѣлкой съ мнимымъ итальянцемъ Томазо, которому она дала слово такъ или иначе привести къ нему Лизу.

Дѣвочка говорила все это, нисколько не смущаясь, точно разсказывала самыя хорошія, а не скверныя дѣла.

— Я вижу, что ты не только не раскаиваешься, но даже гордишься твоими дурными поступками,— строго произнесъ Григорій Григорьевичъ.—Ну, дѣти, скажите мнѣ, чего достойна Мэри Ведрина? Произнесите вашъ приговоръ надъ нею. Я радъ, что всѣ вы, несмотря на ночное время, собрались здѣсь... Это уже доказываетъ, что вы любите Эльзу и вѣрите, что она

ничего не сдѣлаетъ дурного. За дурную дѣвочку вы не безпокоились и не тревожились-бы такъ сильно! Будьте-же справедливы до конца. Ты, крошка,—обратился Григорій Григорьевичъ къ маленькой Валѣ, несмотря на поздній часъ бодрствовавшей вмѣстѣ съ большими дѣтьми,—скажи мнѣ ты раньше другихъ, чего достойна Мэри?..

— Я не люблю Мэри!—вскричала малютка.—Она такъ измучила бѣдную Лизу, что я не хочу ее видѣть никогда, никогда больше!

— Да, да,—подхватили дѣти,—Валя права: мы не хотимъ играть и работать съ Мэри. Пусть она уѣзжаетъ домой и какъ можно скорѣе!

— Ты слышала?—обратился Томинъ къ пристыженной дѣвочкѣ,—они не хотятъ тебя, и въ этомъ виновата только ты сама и твое злое сердце. Завтра-же ты соберешь свои пожитки, я провожу тебя на вокзалъ и дамъ знать твоимъ роднымъ, чтобы они встрѣтили тебя въ Петербургѣ.

Мэри ничего не отвѣчала. Низко опустивъ голову, вышла она изъ комнаты, стыдясь поднять глаза на своихъ маленькихъ судей. Когда шаги ея затихли, Григорій Григорьевичъ снова обратился къ дѣтямъ:

— Вы разсудили справедливо,—сказалъ онъ.— Мэри достойна такого строгаго наказанія. Ея удаленіе изъ кружка принесетъ только пользу. Вы знаете пословицу: «Худая трава изъ поля вонъ». А Мэри была именно такою худою травой и ничего не могла принести, кромѣ вреда и непріятности. А теперь, мои дорогіе,—прибавилъ онъ, ласково оглядывая знакомыя

юныя личики,—укладывайтесь-ка спать, да не забудьте помолиться Богу о скоромъ исцѣленіи вашего бѣднаго, маленькаго друга.

Дѣти дружески простились съ Григоріемъ Григорьевичемъ и безшумно разошлись по своимъ постелямъ. И не одна горячая молитва, вырвавшись изъ дѣтской груди въ эту свѣтлую Рождественскую ночь, понеслась къ престолу Бога.

ГЛАВА XXX.

Выздоровленіе.
Радостныя новости.

ЛИЗА очень медленно поправлялась отъ своей болѣзни. У ея постели постоянно находился кто-нибудь изъ дѣвочекъ. Даже Анна Петровна, вернувшаяся изъ Москвы и узнавшая печальную повѣсть Лизы, старалась, чѣмъ могла, высказать свое расположеніе маленькой больной. Она собственноручно давала лѣкарства дѣвочкѣ, поила ее виномъ и бульономъ и даже прикрикнула нѣсколько разъ на своего любимца Павлика, который какъ-то расшалился не въ мѣру подлѣ комнаты, гдѣ лежала Лиза.

Мэри отправили на слѣдующій день послѣ печальнаго событія въ Петербургъ. Она даже не пожелала проститься съ дѣтьми и уѣхала съ полнымъ сознаніемъ своей правоты. И тотчасъ по ея отъѣздѣ миръ и тишина воцарились въ кружкѣ.

Даже Кэтъ измѣнилась сразу по отъѣздѣ своей подруги, которая имѣла на нее дурное вліяніе. Кэтъ сошлась съ Розой и Алей, самыми благоразумными дѣвочками,—и вся ея глупая гордость разомъ исчезла.

Лиза не могла видѣть перемѣнъ, происшедшихъ въ кружкѣ, потому что была еще очень слаба и не выходила изъ своей комнаты.

Когда она впервые сознательно открыла глазки, первое лицо, которое она увидѣла у своей постели, была Маріанна.

Замѣтя, что Лиза сознательно глядитъ на нее, дѣвочка такъ обрадовалась, что невольно крѣпко обняла подругу и тихо заплакала.

— О чемъ ты? что съ тобой, сестричка Маріанна?—спросила слабымъ голоскомъ Лиза.

— Мнѣ жаль тебя, Лизочка!—прошептала Маріанна.

И дѣвочки крѣпко поцѣловались.

На Лизу было дѣйствительно жаль смотрѣть: такъ она осунулась и похудѣла.

— Ничего, мы ее живо откормимъ,—весело шутилъ Павелъ Ивановичъ, глядя съ отеческой нѣжностью на свою любимицу.

— Разумѣется,—слабо подтвердила Лиза,—я поправлюсь очень скоро... А вотъ Стефани и Лючія—тѣ уже не поправятся такъ скоро!

— Стефани, Лючія?—переспросилъ съ удивленіемъ г-нъ Сатинъ.—Кто это? или ты снова бредишь, Лизочка?

Но Лиза не бредила.

Толково и ясно она разсказала все, что было съ нею, и какъ она спаслась только благодаря Степѣ.

— Ну, вотъ и отлично,—по окончаніи ея разсказа проговорилъ Павелъ Ивановичъ,—ты сама попросишь губернатора позаботиться о нихъ.

— Да, но ихъ уже не найдутъ,—съ тоскою проговорила Лиза,—пока ихъ будутъ искать, злой Томазо успѣетъ замучить бѣдныхъ дѣтей.

— О, не бойся, дитя мое,—сказалъ Павелъ Ивановичъ,—я слышалъ, что на розыски мнимаго итальянца давно уже послана полиція. Подожди еще немного, и навѣрное скоро ты увидишь твоего спасителя.

Лиза молча улыбнулась. Черезъ минуту она снова подняла на Павла Ивановича свои ясные глазки и робко сказала:

— У меня къ вамъ есть просьба, г. директоръ.

— Говори, дѣвочка, смѣло твою просьбу. Какова-бы она ни была,—я ее исполню,—ласково отвѣтилъ г. Сатинъ.

— О, благодарю васъ! Вы такъ добры ко мнѣ,—прошептала Лиза.—Эту просьбу не трудно исполнить... Если можно, пріютите въ вашемъ кружкѣ несчастныхъ Стефани и Лючію.

— Только-то?—спросилъ, смѣясь, Павелъ Ивановичъ.

Увидя, что Лиза кивнула головкой въ отвѣтъ, онъ поторопился ей сказать съ веселой улыбкой:

— Если-бы не двое, а цѣлая дюжина дѣтей была въ рукахъ Томазо, я и тогда, въ угоду тебѣ, взялъ бы ихъ всѣхъ!

— О, какъ вы добры!—воскликнула дѣвочка, веселая отъ счастья.

Въ этотъ день, когда Лиза встала съ постели и, еле держась отъ слабости на ногахъ, вышла изъ сво-

ей комнаты, опираясь на руки Вити и Кости Корелина—самыхъ сильныхъ мальчиковъ труппы, въ пансіонъ г-на Сатина пріѣхалъ губернаторъ.

— А-а, маленькая героиня!—произнесъ онъ, весело подходя къ Лизѣ и протягивая ей обѣ руки,—поправляешься молодцомъ? А я къ тебѣ пріѣхалъ съ двумя пріятными сюрпризами. Одинъ старый, который я готовилъ тебѣ еще къ сочельнику, а другой новый, который долженъ обрадовать тебя не меньше.

И, видя, что глазки Лизы загорѣлись любопытствомъ, онъ поспѣшилъ пояснить ей:

— Первый сюрпризъ—это полученное мною извѣщеніе, что ты зачислена въ петербургское театральное училище приходящей ученицей на казенный счетъ. Это очень хорошо уже потому, что изъ училища ты прямо попадешь на сцену Императорскаго театра. Увидя твою игру въ первый же спектакль, я понялъ, что ты очень способная дѣвочка и что изъ тебя выйдетъ настоящая актриса, и я поторопился написать о тебѣ въ Петербургъ. Теперь дѣло твое устроено и черезъ нѣсколько дней я попрошу г-на или г-жу Сатину отвезти тебя въ Петербургъ для поступленія въ училище. Рада-ли ты моему сюрпризу?

Но и безъ отвѣта Лизы добрый губернаторъ понялъ, какъ она счастлива. Щечки ея разгорѣлись, глаза засіяли, какъ звѣздочки, а губы улыбались такъ радостно, что всѣмъ, глядя на нее, легко и хорошо становилось на душѣ.

— А теперь второй сюрпризъ и, кажется, не менѣе

пріятный, чѣмъ первый,—продолжалъ губернаторъ.—Томазо накрыли, поймали и...

Тутъ губернаторъ хлопнулъ въ ладоши, не докончивъ своей фразы. Дверь отворилась и спаситель Лизы, худенькій, блѣдный Степа, держа за руку слабенькую, едва державшуюся на ногахъ Лючію, вошли въ комнату, и оба бросились къ Лизѣ.

Послѣдняя боялась повѣрить своимъ глазамъ. Ещебы! ея маленькій спаситель, съ которымъ она провела самые тяжелые и страшные часы жизни въ лѣсной избушкѣ, былъ теперь свободенъ и живъ!

— Какъ я рада тебя видѣть, Степа!—проговорила Лиза, обнимая мальчика и его маленькую подругу.—Я такъ боялась, чтобы онъ не сдѣлалъ съ вами чего-нибудь дурного.

— О, нѣтъ!—вѣдь онъ не узналъ, что это я выпустилъ тебя изъ избушки,—сказалъ Степа.—Еслибъ онъ зналъ это, то навѣрное не оставилъ-бы меня въ живыхъ. Какъ онъ разсвирѣпѣлъ, когда увидѣлъ, что ты убѣжала! Чѣмъ только не грозилъ онъ тебѣ! На слѣдующее-же утро мы оставили избушку и пошли по направленію къ другому городу. Но по дорогѣ хозяевъ схватили и повезли связанныхъ обратно въ В. А меня съ Лючіей взялъ вотъ этотъ добрый баринъ,—и Степа безъ стѣсненія указалъ пальцемъ на добродушно улыбавшагося ему губернатора.

— Вы оставите дѣтей у себя, не правда-ли?—обратился между тѣмъ послѣдній къ г. Сатину.

— О, да, ваше превосходительство,—поторопился отвѣтить Павелъ Ивановичъ.

— Вѣдь ты умѣешь что-нибудь дѣлать, мальчикъ?— ласково спросилъ онъ Степу.

— Конечно,—отвѣчалъ тотъ увѣренно,—вы посмотрите-ка, какія чудесныя штучки я умѣю выкидывать руками и ногами!

— Нѣтъ, милый другъ, тебѣ не придется выкидывать твоихъ штучекъ! У насъ тебя выучатъ кое-чему другому, болѣе благородному и полезному,—перебилъ его Григорій Григорьевичъ.

— Какъ, мнѣ не придется уже ходить на рукахъ внизъ головою и перепрыгивать черезъ голову?—удивился Степа.

— О, нѣтъ!

— А Лючіи не надо будетъ надсаживать горло на морозѣ, чтобы пѣть свои пѣсенки?

— Конечно, нѣтъ,—успокаивалъ мальчика Павелъ Ивановичъ.

— Ты слышишь, Лючія? Тебѣ не надо будетъ больше пѣть въ стужу и холодъ на чужихъ дворахъ! Этотъ добрый господинъ выучитъ насъ иному дѣлу.

Худенькая, поминутно кашлявшая, Лючія такъ и просіяла отъ удовольствія.

Бѣдныя дѣти, ничего не видѣвшія, кромѣ нужды и побоевъ, теперь, среди добрыхъ людей и маленькихъ сверстниковъ, почувствовали себя какъ въ раю.

— Ну, Лизокъ,—въ тотъ-же вечеръ спросилъ Павелъ Ивановичъ дѣвочку, когда вся труппа, не исключая и новыхъ пришельцевъ, Степы и Лены, сидѣла за ужиномъ,—и тебѣ не жаль оставлять всѣхъ насъ и твоего стараго директора?

— О, Павелъ Ивановичъ,—прошептала дѣвочка и слезы застлали ей глазки,—я такъ благодарна вамъ за все, за все! И люблю я васъ, какъ родного, крѣпко, крѣпко! Но еще больше васъ я люблю мою маму и ради того, чтобы соединиться съ нею и жить не разлучаясь, я ухожу отъ васъ. Но все то, что вы сдѣлали для меня, я никогда не забуду,—добавила съ чувствомъ Лиза и, быстро вскочивъ со своего стула, подошла къ директору, схватила его большую, мягкую руку и поднесла къ губамъ.

— Что ты, Лизочка, что ты!—растерялся добрый Павелъ Ивановичъ.—Развѣ я твой отецъ, что ты хочешь мнѣ цѣловать руку? Надо цѣловать только руки родителей,—прибавилъ онъ.

— О, вы были мнѣ вмѣсто родного отца!—проговорила Лиза.—Я вамъ такъ благодарна за все, за все!

— Да, какъ ни тяжело мнѣ терять Лизу, какъ добрую и хорошую маленькую актрису, — вставилъ свое слово Григорій Григорьевичъ,—но я страшно радъ за нее. Она пройдетъ хорошую школу, станетъ артисткою и, можетъ-быть, черезъ какихъ-нибудь десять лѣтъ имя ея будетъ извѣстно всему міру.

— Тогда она при встрѣчѣ и кланяться съ нами не захочетъ,—послышался съ противоположнаго конца пискливый голосокъ Павлика, сидѣвшаго между Валей и новенькой Лючіей, которую они съ Валей рѣшили взять подъ свое покровительство.

— О, нѣтъ!—горячо вырвалось у Лизы,—не говори такъ, Павликъ! Никогда не забуду я ни тебя, ни

всѣхъ васъ, дорогіе!—обводя блестящими глазами весь столъ, произнесла Лиза.

— Ужь, конечно, его-то ты не забудешь,—тихонько шепнулъ Костя Корелинъ:—какъ пойдешь мимо аптеки, непремѣнно вспомнишь про касторовое масло и микстуры, которыми постоянно пичкаютъ Павлика.

Дружный смѣхъ дѣтей былъ ему отвѣтомъ.

Въ этотъ вечеръ Павелъ Ивановичъ, Григорій Григорьевичъ и Анна Петровна долго не спали, совѣщаясь о томъ, кого назначить на мѣсто Лизы—играть ея роли.

Послѣ долгихъ разговоровъ, рѣшено было всѣ роли дѣвочки передать Маріаннѣ, какъ самой способной и прилежной изъ всѣхъ остальныхъ.

ГЛАВА XXXI.

Прощальный спектакль. Букетикъ гвоздики.

СНОВА пестрыя, громадныя афиши возвѣстили городу о новомъ, исключительномъ спектаклѣ, который долженъ былъ представлять особенный интересъ для публики. Во-первыхъ, ставили новую, трогательную пьесу Павла Ивановича «Сиротка Маша», а во-вторыхъ, въ роли сиротки выступала Эльза, любимица публики, играя въ послѣдній разъ передъ своимъ отъѣздомъ и поступленіемъ въ столичное театральное училище. На слѣдующее-же утро послѣ прощальнаго спектакля Григорій Григорьевичъ Томинъ долженъ былъ везти Лизу въ Петербургъ.

Лиза была какъ во снѣ. Ей не вѣрилось какъ-то, что черезъ какіе-нибудь три дня она увидится съ мамой. Въ то-же время ей было жаль оставлять своихъ друзей, особенно добраго директора и маленькую Маріанну. Послѣдняя не отходила отъ Лизы ни на шагъ.

— Ты знаешь, сестричка,—нѣсколько разъ повторяла она Лизѣ, обнимая ее,—я-бы охотно отказалась

отъ всѣхъ ролей, которыя должна буду играть послѣ тебя, лишь-бы ты не уѣзжала!

Лиза получила отъ Павла Ивановича свое жалованье за два мѣсяца сразу и такимъ образомъ составилась порядочная сумма. На часть этихъ первыхъ трудовыхъ денегъ она рѣшила сдѣлать по маленькому подарку всѣмъ своимъ друзьямъ: Павлу Ивановичу она купила трубку, Григорію Григорьевичу—записную книжку для замѣтокъ по театру, Аннѣ Петровнѣ Сатиной—новый футляръ для очковъ, и каждому изъ дѣтей какую-нибудь дешевенькую бездѣлушку.

— Зачѣмъ это?—говорили ей удивленные товарищи,—мы и безъ твоихъ подарковъ будемъ тебя всегда помнить!

Въ вечеръ спектакля Лиза волновалась ужасно. Мальвина Петровна, одѣвавшая ее въ уборной, нѣсколько разъ принималась успокаивать начинавшую было плакать дѣвочку.

— Что за вздоръ такъ трусить! — попробовалъ строго прикрикнуть на дѣвочку Григорій Григорьевичъ, видя, что она вышла изъ уборной съ подпухшими глазами.—Бояться нечего! Нельзя-же все время играть однѣ сказки... Ну, смотри-же, будь молодцомъ!

— Я постараюсь,—робко шепнула Лиза и, стряхнувъ съ себя ненужный страхъ, вышла на сцену.

Въ этотъ вечеръ театръ былъ полонъ—и взрослыми, и маленькими зрителями. Дѣтишки, одѣтыя, ради торжественнаго спектакля, въ праздничныя платьица—бѣлыя, розовыя и голубыя—казались нарядными цвѣточками, выросшими въ партерѣ театра.

Но Лиза ничего не видѣла со сцены. Лишь только она перешагнула порогъ, то словно позабыла, что она, Лиза, играетъ въ послѣдній разъ, что на завтра ее ждетъ отъѣздъ и прощанье съ друзьями, а черезъ два, три дня она увидитъ маму... И радость, и горе, и незнакомое будущее—все это было забыто Лизой. И сама она уже была больше не Лиза, а сиротка Маша, которую странствующіе акробаты крадутъ у ея больной матери. Она страдала страданьями Маши, которую мучили и били за то, что она не умѣла продѣлывать замысловатыя штуки, которыя требовалъ отъ нея хозяинъ. Судьба Маши была похожа на судьбу Лизы—и это много помогло дѣвочкѣ въ ея игрѣ. Она играла такъ хорошо, какъ рѣдко могла-бы играть настоящая взрослая актриса.

Не только дѣти, находившіяся въ залѣ, но и взрослые слѣдили за ея игрой, притаивъ дыханіе. Какая-то скромно одѣтая дама въ темномъ платьѣ, сидѣвшая въ первомъ ряду, не отрывая глазъ, слѣдила за каждымъ движеніемъ маленькой актрисы. Крупныя слезы текли по щекамъ дамы, но она ихъ не замѣчала и только все смотрѣла на маленькую златокудрую дѣвочку, передававшую такъ искренно и правдиво горе бѣдной маленькой сиротки.

То мѣсто, гдѣ, по ходу пьесы, Маша, убѣжавъ, наконецъ, отъ злыхъ комедіантовъ, дѣлается нищенкой и въ такомъ видѣ, встрѣтившись со своею матерью, бросается на ея грудь съ крикомъ: «мама!» Лиза сыграла такъ хорошо и правдиво, такъ искренно вырвалось у нея это отчаянное и радостное въ то же

время слово «мама», что всѣ зрители—и взрослые, и дѣти—поднялись со своихъ мѣстъ и въ волненіи, со слезами на глазахъ, кричали ей:

— Браво, Эльза, браво!

Изъ крайней—губернаторской—ложи полетѣлъ небольшой букетъ и упалъ на сцену къ ногамъ Лизы. Это точно послужило сигналомъ: откуда ни возьмись, десятки и сотни маленькихъ букетиковъ посыпались на сцену сверху, изъ ложъ, изъ креселъ, словомъ—отовсюду. Черезъ какихъ-нибудь пять минутъ Лиза была засыпана цвѣтами. Она подошла близко, близко къ краю сцены, съ улыбкой обвела всю публику глазами и низко наклонила свою златокудрую головку.

Въ ту-же минуту дама въ темномъ платьѣ, стоявшая около своего кресла, дрожащими отъ волненія руками отколола отъ пояса скромный букетикъ гвоздики и бросила его на сцену. Букетикъ упалъ прямо на грудь Лизы.

Все еще улыбаясь, дѣвочка подняла голову, взглянула въ ту сторону, откуда прилетѣлъ букетикъ, и вдругъ неожиданный, радостный крикъ: «Мама! Мама моя!» прозвучалъ въ театрѣ.

ГЛАВА XXXII.

Это ея мама.

ДА, это была она,—ея мама. Не та мама, которую находитъ по пьесѣ сиротка Маша, а настоящая Лизина мама, сюрпризомъ пріѣхавшая за своей дѣвочкой, чтобы везти ее въ Петербургъ. Марія Дмитріевна Окольцева пріѣхала съ вечернимъ поѣздомъ въ В. и, заѣхавъ въ кружокъ, узнала отъ Матрены, что Лиза играетъ свой послѣдній спектакль. Къ счастью, она достала мѣсто въ театрѣ и могла насладиться игрой своей дѣвочки.

Увидя направленный на нее взглядъ разомъ узнавшей ее Лизы, Марія Дмитріевна бросилась за кулисы, кинулась на сцену и, позабывъ о публикѣ, театрѣ и самомъ мѣстѣ, гдѣ она находилась, схватила Лизу въ свои объятія и покрыла ея лицо, шею и волосы градомъ поцѣлуевъ, смѣшанныхъ со слезами.

— Это мать Эльзы! Это ея мама!—пронеслось по театру тихимъ шопотомъ, и новые крики и аплодисменты, выражавшіе сочувствіе радости Лизы, потрясли театръ.

Когда занавѣсъ, наконецъ, опустили, Павелъ Ивановичъ бросился къ Лизѣ и заключилъ ее въ свои объятія.

— Дитя мое, дорогое мое дитя! Спасибо тебѣ! Лучше сыграть никто-бы не могъ!.. Сударыня,—успокоившись немного, произнесъ онъ, пожимая руку Лизиной мамы,—вы берете у насъ сокровище, которому нѣтъ цѣны. Но оно—ваше... Лиза принадлежитъ вамъ, мы не смѣемъ просить ее остаться. Для ея-же пользы она должна ѣхать учиться и пробивать себѣ дорогу, чтобы стать настоящей актрисою. Только прошу васъ объ одномъ. Напоминайте ей почаще о насъ: что мы ее любимъ и помнимъ и что просимъ изрѣдка давать вѣсточку о себѣ.

— О, Павелъ Ивановичъ, я и безъ просьбы вашей никогда, никогда не забуду васъ! — вскричала своимъ правдивымъ, нѣжнымъ голоскомъ растроганная Лиза.

Въ эту послѣднюю ночь подъ кровомъ кружка Лиза уснула въ нѣжныхъ объятіяхъ своей мамы.

ГЛАВА XXXIII.

На другой день вся дѣтская труппа г-на Сатина во главѣ съ начальствомъ собралась на вокзалѣ,—проводить Лизу. Даже многіе изъ жителей города В., дѣти которыхъ особенно полюбили маленькую актрису, пріѣхали со своими семьями посмотрѣть на нее въ послѣдній разъ.

Лиза, окруженная ласково улыбающимися ей милыми лицами, была точно въ какомъ-то чаду. Она едва поспѣвала отвѣчать на вопросы.

— Гдѣ ты будешь жить, Лиза?—спрашивалъ чуть не въ сотый разъ, льнувшій къ ней, Павликъ.

— Въ домѣ доктора Ворскаго, вмѣстѣ съ мамой. Онъ просилъ маму остаться у него и обѣщалъ заботиться обо мнѣ не меньше, чѣмъ о родной дочери. Вѣдь мое общество будетъ много развлекать его бѣдную больную Зою!

— Если ты не будешь писать намъ, — самымъ серьезнымъ тономъ проговорилъ Корелинъ,—то я пріѣду къ тебѣ и устрою такой скандалъ, что ты его долго не забудешь!

— Мы сами скоро вернемся въ Петербургъ на время поста!—произнесла Роза,—и часто будемъ видѣться съ нею. Вѣдь ты, надѣюсь, будешь навѣщать насъ, Лиза?

— О, разумѣется! — убѣжденно проговорила дѣвочка,—каждый праздникъ я буду приходить къ вамъ.

— Только помни, Лиза,—серьезно проговорилъ Григорій Григорьевичъ,—что какъ-бы ни легко тебѣ давалось искусство, не складывай рукъ и работай, работай безъ конца! Никакое въ мірѣ дарованіе не можетъ быть усовершенствовано безъ труда. Помни это, дитя мое, во всякое время!

— Буду помнить!—произнесла Лиза, поднимая на своего учителя добрые, ясные глазки.

Передъ самымъ послѣднимъ звонкомъ, когда уже Лиза сѣла въ вагонъ, а всѣ провожающіе столпились у оконъ, сани губернатора съ его обоими сыновьями, Борисомъ и Левой, подкатили къ дебаркадеру. Въ рукахъ старшаго, Бориса, былъ большой ящикъ. Онъ проворно выскочилъ изъ саней, вбѣжалъ въ вагонъ и положилъ свою ношу на колѣни изумленной Лизы, проговоривъ запыхавшись:

— Это на память отъ папы. Ему было некогда пріѣхать самому, и онъ присылаетъ тебѣ свой подарокъ. Добрый путь! не забывай насъ, Эльза!

И, прежде чѣмъ Лиза успѣла поблагодарить его, мальчикъ выскочилъ изъ вагона и побѣжалъ по платформѣ къ санямъ, гдѣ его ждалъ его младшій братъ.

Раздался пронзительный свистокъ. Поѣздъ тронулся. Провожающіе замахали платками Многія изъ дѣтей

побѣжали по платформѣ наравнѣ съ поѣздомъ, чтобы еще разъ увидѣть свою маленькую подругу.

— Прощай, Лиза!—слышались громкіе взволнованные голоса взрослыхъ и дѣтей,—не забывай насъ... пиши о твоихъ успѣхахъ... Скоро увидимся!.. Работай прилежно и свято... Прощай, миленькая, славная, златокудрая Эльза!

Вотъ еще разъ мелькнуло доброе лицо Павла Ивановича... вотъ заплаканное личико Маріанны, кричавшей ей что-то, чего она не могла уже разслышать за грохотомъ колесъ... минута и... все исчезло! Лиза прижалась къ плечу матери и тихо заплакала. Но то были радостныя слезы.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стр.
ГЛАВА	I. Встрѣча въ ненастье	1
»	II. Больная мама.—Лизины заботы	10
»	III. Добрый волшебникъ	15
»	IV. Неожиданная новость	21
»	V. Прощаніе съ мамой	28
»	VI. Отъ дома до кружка.—Новые люди	32
»	VII. Первое знакомство.—Шишка и Мэри Ведрина.	38
»	VIII. Развѣнчанная принцесса	43
»	IX. Лиза сходится съ своими новыми друзьями.	48
»	X. Пирожки.—Матрена въ роли прекраснаго королевича	53
»	XI. Заключенная	59
»	XII. Лиза узнаетъ много новаго и интереснаго.	63
»	XIII. Занавѣсъ поднимается	69
»	XIV. Сборы.—Въ больницѣ	73
»	XV. Въ больницѣ	80
»	XVI. Отъѣздъ.—Выходка Мэри	87
»	XVII. На новомъ мѣстѣ.—Сестры	91
»	XVIII. Первый выходъ	96
»	XIX. Еще новое знакомство съ важными лицами	106
»	XX. Исторія одного торта	109
»	XXI. Обвиненіе	115
»	XXII. Она—воровка	121

		стр.
ГЛАВА	XXIII. Г-нъ Томазо—директоръ странствующей труппы.	126
»	XXIV. Въ рождественскій сочельникъ	136
»	XXV. Сюрпризъ губернатора	146
»	XXVI. Мэри отомстила!	152
»	XXVII. Въ когтяхъ черномазаго	156
»	XXVIII. Стефани и Лючія.—Побѣгъ	161
»	XXIX. Спасенье.—Виноватая.	166
»	XXX. Выздоровленіе.—Радостныя новости	174
»	XXXI. Прощальный спектакль.—Букетикъ гвоздики	182
»	XXXII. Это ея мама	186
»	XXXIII.	188

2872

ГПБ Русский фонд

38.50.7.38.